

Музафарову, Булату Асанову, Григорию Герману и Батыру Омарову!

Угольную штольню, открытую ребятами, именовать отныне «Первой пионерской». Под гром аплодисментов начальник рудника вручил ребятам именные каски, фонари, сшитые по размеру сапоги и куртки, а дядя Рустам передал ребятам ценные подарки - новенькие, сверкающие никелем велосипеды.

Когда спускались с трибуны, Булат толкнул Розу локтем.

- А памятники нам поставят?

- Тебе обязательно!- ответила Роза

После митинга к Нариману подошел Петр Петрович и протянул ему самодельный конверт.

- А это тебе лично. От кого не знаю, мы нашли его в штольне...

Нариман ничего уже не слышал, он схватил конверт и бегом бросился домой. Следом, едва поспевая за ним, бежала Роза.

Нариман торопливо отпер двери, влетел в комнату и вскрыл конверт. Письмо было от отца и сверху в углу стояла дата: ноябрь 1943 года.

Не вытирая слез, смотрел Нариман на последние строки и не мог оторвать от них глаз.

«...прощай сынок. Мы никогда больше с тобой не увидимся. Уходя на задание, хочу быть уверен, что ты вырастешь честным, смелым, правдивым... обещай мне это...»

Неслышно подошла Роза, она обняла Наримана за плечи и чуть слышно прочитала последние строки: «...честными, смелыми... добрыми...».

Музафарову, Булату Асанову, Григорию Герману и Батыру Омарову!

Угольную штольню, открытую ребятами, именовать отныне «Первой пионерской». Под гром аплодисментов начальник рудника вручил ребятам именные каски, фонари, сшитые по размеру сапоги и куртки, а дядя Рустам передал ребятам ценные подарки - новенькие, сверкающие никелем велосипеды.

Когда спускались с трибуны, Булат толкнул Розу локтем.

- А памятники нам поставят?

- Тебе обязательно!- ответила Роза

После митинга к Нариману подошел Петр Петрович и протянул ему самодельный конверт.

- А это тебе лично. От кого не знаю, мы нашли его в штольне...

Нариман ничего уже не слышал, он схватил конверт и бегом бросился домой. Следом, едва поспевая за ним, бежала Роза.

Нариман торопливо отпер двери, влетел в комнату и вскрыл конверт. Письмо было от отца и сверху в углу стояла дата: ноябрь 1943 года.

Не вытирая слез, смотрел Нариман на последние строки и не мог оторвать от них глаз.

«...прощай сынок. Мы никогда больше с тобой не увидимся. Уходя на задание, хочу быть уверен, что ты вырастешь честным, смелым, правдивым... обещай мне это...»

Неслышно подошла Роза, она обняла Наримана за плечи и чуть слышно прочитала последние строки: «...честными, смелыми... добрыми...».

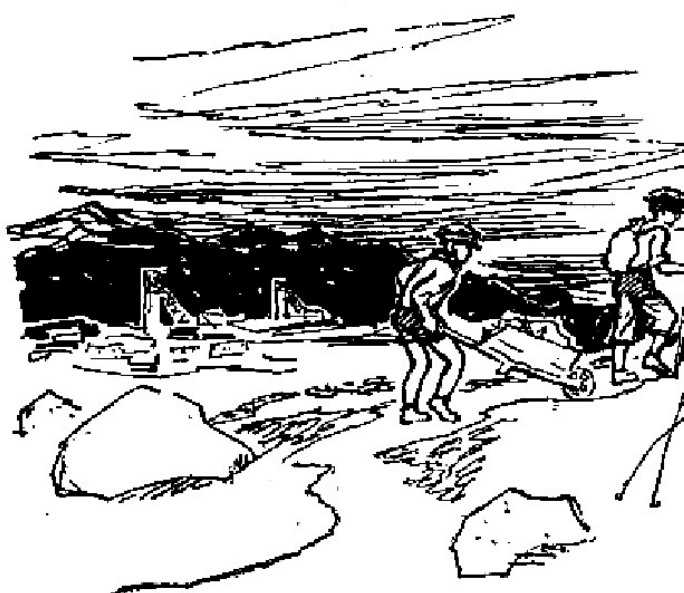

Annotation

- - - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
-

Нузет Умеров

ТАЙНА СТАРОЙ ШТОЛЬНИ

повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Два метра отделяли одну крышу от другой. Лежа на самом краю черепичного ската, Нариман не мигая глядел вниз. Нужно было выбрать момент, когда патрульные, охраняющие южную стену гестапо, уйдут на несколько минут к центральному входу выкурить по сигарете.

Было очень темно, от напряжения слезились глаза, но Нариман ни на секунду не отрывал взгляда от кирпичного колодца, на дне которого едва были заметны круглые зеленые каски.

Прошло несколько минут томительного ожидания, и солдаты медленно двинулись к светлому краю прохода. На краю остановились: можно было различить, как они достают что-то из карманов кителей, поправляют на плечах автоматы. С минуту они поговорили, потом не спеша пошагали к центральному входу.

В распоряжении Наримана было всего три минуты. Надо было успеть перебросить через семиэтажную пропасть отрезок водопроводной трубы и на руках перебраться на ту сторону. Чтобы труба не соскользнула, Нариман крепко привязал конец к железной решетке. Укрепив трубу, он повесил на нее ремень и, продев в кольцо ноги, повис над проходом. Ноги сразу стали ватными и безжизненными. Нариман закрыл глаза, глотнул побольше воздуха и торопливо пополз.

Когда патрульные вернулись на свои места, он уже лежал на крыше гестапо, вцепившись обеими руками в раму слухового окна.

Немного передохнув, Нариман двинулся дальше. Теперь он полз и считал дымовые трубы. Против шестой остановился: балкон шестого этажа находился на одной линии с трубой. Нариман подполз к трубе, привязал к ней веревку и вернулся назад. Теперь оставалось дожидаться смены караула и незаметно спуститься на балкон.

Очутившись в кабинете начальника гестапо, Нариман задернул тяжелые шторы, достал из кармана огарок, зажег его и поставил на пол.

Он внимательно осмотрел комнату: где-то здесь должен находиться сейф. Если он найдет его и сумеет открыть, будут спасены сотни людей.

Направо от большого черного стола, стоящего против двери, висела большущая карта, изрезанная длинными черными стрелами. Нариман поднял край карты - сейфа под ней не оказалось.

Неужели сейф в другой комнате? Этого не может быть! Надо искать, внимательно искать, он должен быть здесь!

За высоким массивным креслом начальника гестапо висел портрет Гитлера. Нариман подтащил кресло к стене, сорвал портрет и облегченно вздохнул: над стеной едва выступала толстая стальная ручка сейфа. Нариман извлек из кармана связку ключей и принялся за работу. Стенные часы в кабинете пробили три раза и умолкли, через полчаса он должен вернуться: там внизу, у пожарной лестницы, его ждали.

Ключ медленно повернулся в замочной скважине и в ту же секунду за дверью послышались торопливые шаги. Нариман выхватил пистолет и направил его на двери.

- Раз, два, три, четыре, пять,- считал он про себя, и сердце громко вторило каждому слову. Когда Нариман досчитал до тридцати, шаги умолкли. Он положил пистолет на кресло и двумя руками ухватился за ручку сейфа, тяжелая металлическая дверца плавно отошла в сторону.

Нариман с головой забрался в сейф и совсем не слышал, как распахнулись двери и в комнату ворвались эсэсовцы.

Казнь была назначена на воскресенье. Еще в субботу гестаповцы соорудили на центральной площади города виселицу. В воскресенье в десять часов утра палачи согнали сюда всех жителей города, а ровно в одиннадцать к эшафоту подъехала черная душегубка, и два дюжих эсэсовца выволокли из нее измученного, залитого кровью юного партизана.

Приговор читали долго. Нариман едва стоял под палящим солнцем, и из его широко открытых глаз медленно катились слезы.

- Гранату бы сейчас!- подумал он.- Гранату и пулемет, я бы вам показал...

Подошел офицер, поправил широкую дощечку на груди Наримана и бросил на него презрительный взгляд из-под короткого козырька. Нариман не выдержал, нагнулся насколько позволяла петля и плюнул кровавой слюной в глаза фашиста. Офицер, не вытирая лица, схватился за ножку табурета и с силой выдернул из-под ног. Небо качнулось над головой, яркое солнце ударило о тучу и рассыпалось

на тысячи ослепительных звезд. Теряя сознание, Нариман увидел, как к виселице с гранатами в руках бросились партизаны.

Нариман лежал и чувствовал, что над ним столпились люди, что его трясут, но никак не мог прийти в себя. И только когда в лицо брызнули холодной воды, он наконец открыл глаза. Открыл и удивился: возле него стояла тетя Паша, уборщица детдома, и держала наготове кружку с водой.

- Что же это ты, милый, с ума спятил что ли? Разве так можно? Ты же мог задохнуться,- отчитывала Наримана тетя Паша, освобождая его от впившейся в шею петли.

Нариман сидел на кровати и хлопал глазами.

- Значит, это был сон?

- Не знаю, что это было, но опоздай я еще на минуту, и погиб бы ты, братец мой, ни за грош. Хорошо, двери были открыты, и я услышала, как ты хрипишь,- не умолкала тетя Паша, отвязывая от дверной ручки второй конец «будильника».

- Мне же надо было к утреннему поезду успеть,- оправдывался Нариман,- дежурный сказал, что это будет последний эшелон с демобилизованными...

- Ты мог попросить меня вчера, я бы разбудила...

- А вас уже не было, когда я вернулся, вот мне Серега и посоветовал: «Привяжи,- говорит,- один конец шпагата к шее, а второй к двери, тетя Паша придет утром, откроет двери и ты проснешься.» Мне из-за этой петли сон такой страшный приснился: фашисты меня повесить хотели.

- Повесить его хотели...- опоздай я еще на минутку - и повесили бы. Тетя Паша достала из кармана осколок зеркала, вытерла его о подол халата и поднесла к самому носу Наримана.

- Смотри, след-то какой на шее остался...

- Ничего,- сказал Нариман, натягивая футболку,- к вечеру все заживет. Только вы никому не говорите, хорошо?- попросил он уходя тетю Пашу.

- Ладно, беги, только на завтрак смотри не опоздай.

- Не опоздаю, тетя Паш!

К завтраку Нариман не вернулся. Поезд пришел с опозданием. Встречающих было так много, что Нариману пришлось взобраться на

дерево, которое росло возле ворот, и осматривать с высоты каждого, кто выходил в город.

Целый час шли счастливые, смеющиеся солдаты и офицеры, у каждого в руках были цветы. Прошло уже четыреста семьдесят три человека только военных, но отца среди них не было.

Может, он вышел в другом месте? Но ворота в город только одни. Не мог же он пойти через служебный ход, там посторонних не пускают.

Последним вышел майор с небольшим желтым чемоданчиком в руках. Его никто не встречал, но он шел, весело улыбаясь всем встречным, и одна высокая черноволосая девушка, которая, как и Нариман, напрасно простояла целый час у ворот, подошла к нему и вручила свой букет. Майор опустил незатейливый багаж на землю, обнял девушку, поцеловал в обе щеки, потом, широко размахивая желтым чемоданчиком, пошагал к центру города.

Если бы Нариман знал, что в этом чемоданчике лежит адресованное ему письмо! Последнее письмо отца, которое прошло тысячи километров военных и мирных дорог, прежде чем попасть в их город...

Нариман соскользнул с дерева и побежал совсем в противоположную сторону. Он прошмыгнул мимо дежурного и бросился к составу. Нариман обошел все пятнадцать вагонов, но там никого уже не было. Потом он еще посидел на скамеечке у фонтана и, когда на привокзальной площади никого не осталось, устало поплелся домой.

- Ты где пропадаешь все утро?-встретил его у входа Серега.- Его тут ищут, ищут, а он шляется себе!

- А кто меня искал?

- Военный какой-то. Майор, кажется.

- Где он?

- Откуда я знаю, ушел наверно. Не будет же человек целый день ждать тебя.

- Давно ушел?

- Часа полтора прошло...

- А ты не заметил, в какую сторону?

- В сторону рынка.

Нариман сорвался с места и помчался на рынок. Серега что-то кричал ему вслед, но Нариман ничего не слышал.

Если это тот самый майор, которого он видел на станции, значит отец жив и ищет его!

Нариман остановился у входа на рынок и, тяжело дыша, огляделся. На рынке было безлюдно. Под просторным навесом сидело несколько торговцев, лениво отгоняя назойливых мух, липнущих к винограду, яблокам и первым, еще не совсем зрелым помидорам. Прошел мимо ворот солдат с большим фанерным чемоданом в руках, прогрохотала телега, доверху наполненная свежим картофелем; поджимая хвост, пробежала тощая вислоухая собака.

Нариман топтался на месте, не зная, куда пойти, кого спросить.

Если майор уехал, значит его могли видеть шоферы.

Запорошенные пылью машины стояли в ряд, тесно прижавшись друг к другу. И только у самой крайней, стоявшей несколько поодаль, выкрашенной в ярко-зеленый цвет помятой полуторки возился вихрастый мальчишка. Нариман подошел, присел на корточки и стал наблюдать, как незаметно отрываются от земли задние колеса машины. Когда они повисли в воздухе, мальчишка выбрался из-под машины и стал снимать скат. Скат не поддавался.

- Ну чего глазеешь?- повернулся он к Нариману.- Помоги снять.

Колесо сняли, заменили камеру и поставили на место. Пока Нариман вытирал паклей руки, мальчишка достал из кабины хлеб, сало, пару луковиц и все разделил поровну.

- На, ешь! Бери, кто же от хлеба отказывается!

Мальчишки, усевшись рядом, вкусно захрустели сочным луком.

- Ты что, сам работаешь на этой машине?- спросил Нариман.

- Нет, батя помогаю. А ездить я умею, вот кончу семь классов, пойду на шофера экзамены сдавать. А ты откуда?

- Из детдома.

- И никого у тебя нет?

- Есть отец, а вот где, не знаю. Я был в оккупации, а потом нас освободили. Меня сюда привезли... Вот и разминулись мы с ним. Говорят, сегодня приходил в детдом майор, письмо от отца приносил, а меня не было.

- Где же ты был?

- Ходил эшелон с демобилизованными встречать.

- Постой, постой! Я тут видел какого-то майора. У него чемоданчик был в руках?

- Был, желтый такой.

- Ну, значит это он! Он все ходил спрашивал, кто на рудник, на новый, поедет.

- А куда он потом ушел?

- Уехал на «студебеккере». У них все машины там новенькие. Мы тоже с батей собираемся туда махнуть. А вон и батя идет. Ну, бывай, ищи своего майора на руднике! Все машины идут туда по этой дороге.

- А кто меня возьмет?

- Тебе и не надо никого просить, дойдешь до подъема, заберись на самую верхотуру - там все машины пешком идут, на какую захочешь, на ту и сядешь.

К обеду Нариман вернулся в детдом. Два дня он никуда не отлучался. Даже когда на стадионе играли две лучшие команды города, Нариман с книжкой в руках сидел на скамеечке возле ворот. Сидел добросовестно, с утра до вечера, даже старый молчаливый детдомовский сторож Кадыр-ага и тот не выдержал.

- Ты что, на старости кусок хлеба у меня хочешь отбить?

- Ну что вы, Кадыр-ага, нам хлеба теперь дают вот по такому куску три раза в день!

- Зачем же тогда сидишь тут?

- В понедельник майор приходил, а меня не было. Ребята сказали, что он письмо от отца привез...

- Майор, говоришь? Помню, был такой. Он даже сидел на этом самом месте...

- А вам он ничего не сказал?

- Говорил что-то про рудник, а что не помню. Когда я с базара шел, он уже сидел на машине, наверно, поехал на свой рудник.

Нариман чувствовал, что вот так, две недели, он ни за что не выдержит.

А что если самому съездить на рудник? Оставить записку и поехать. Он же не будет сидеть там целый месяц. Найдет майора, возьмет у него письмо - и назад. Это займет всего три дня, пусть его потом назначают дежурным по комнате хоть на целый месяц!

Вечером Нариман поделился своими планами с Серегой и Катей. План они одобрили.

Утром в тумбочке уже лежали три куска хлеба, три помидорины, спичечная коробка с солью и фляга, наполненная сладким чаем.

С флягой Нариман никогда не расставался. Флягу ему подарил отец. Когда они с мамой провожали его на фронт, он отстегнул ее от ремня и протянул сыну.

- Бери, только смотри, не теряй, вернусь с войны, проверю...

Побег был назначен на мертвый час. Когда все уснули, Нариман выбрался в открытое окно, добрался на четвереньках до забора, перелез и через час он был уже на повороте. Отсюда дорога круто уходила вверх. Две машины Нариман пропустил, чтобы посмотреть, откуда будет удобнее всего незаметно для шофера забраться в кузов.

Самым удобным местом оказалась дорога у валуна, который лежал на самой вершине подъема. Нариман залег за камень и стал ждать.

Прошла пустая полуторка, потом груженный досками ЗИС, прогрохотала телега, в которую был впряжен верблюд и наконец из-за поворота показался первый «студебеккер». Нариман высунул из-за укрытия голову, но тут же нырнул назад: в кузове сидели люди.

Следующая машина шла груженная большущими ящиками, поверх которых был наброшен брезент. Когда кузов поравнялся с камнем, Нариман выбрался из своего убежища, догнал машину и спокойно забрался под брезент. Под брезентом между ящиками были брошены связки комбинезонов, и Нариман блаженно растянулся на мягких упругих тюках.

Было жарко и душно. Изредка, когда машина подпрыгивала на ухабах, пространство между ящиками заполнялось едкой белой пылью, и тогда Нариман с головой зарывался в комбинезоны, чтобы сдержать кашель.

Нариман пополз ближе к слуховому стеклу - здесь было не так душно, главное видно все, что делается в кабине.

Устроившись поудобней, Нариман полез в карман за флягой - фляги не оказалось! Он обшарил все вокруг, заглянул в щели между ящиками, но фляги нигде не было.

- Ну, конечно, забыл! Забыл под валуном! Может, спрыгнуть и вернуться назад? Впрочем, никто ее там не заметит, буду возвращаться, подберу,- успокоил себя Нариман, достал кусок хлеба,

помятые помидоры и принялся за обед. Он ел и не спускал глаз с шофера.

Шофер Нариману понравился. Правда, он был рыжий-рыжий, просто страшно рыжий. У них в группе тоже был один рыжий, все его называли «Блином». Правда, жадюга он был невозможный. Если ему тетка присылала посылку, он прятал ее в тумбочку и когда все забывали о ней,- доставал по одному румяные деревенские пироги и съедал их в кустах за углом.

Вот какой жадный, а рыжий, хотя Серега всегда говорил, что рыжие - самый добрый народ на земле. А этот наверно очень добрый, уж больно он рыжий, еще рыжее, чем Колька-Блин.

Машину рыжий вел осторожно. Перед каждой выбоинкой замедлял ход, а когда впереди лежала ровная гладкая дорога, он прибавлял скорость и низко опускал щиток, на обратной стороне которого была приклеена фотография, и Нариман видел только ноги, обутые в красивые белые туфельки.

«Наверно, его девушка,- подумал Нариман,- и, наверно, очень красивая, не станет же он улыбаться кому попало. Серега говорил, что рыжим всегда больше всех везет. Была же вон у нашего рыжего тетка, ни у кого в группе не было тетки, а у Кольки-Блина была».

Убаюканный песней мотора, Нариман задремал. Ему приснилось, что унесли желтый чемоданчик. Напрасно бежали они с майором: воры забрались в машину и исчезли. Адрес отца майор почему-то не помнил.

Нариман проснулся от резкого толчка. Машина стояла у самого края дороги. Мотор не работал, и слышно было, как рядом в арыке журчит вода. Рыжий выбрался из кабины, достал ведро, сделанное из большого куска камеры, и спустился к воде. Он долго возился возле арыка, фыркал, ухал, ахал и потом вырос вдруг перед радиатором, весь мокрый, довольный, словно в арыке текла не вода, а холодный душистый морс. Рыжий поднял капот, и Нариман ничего больше не видел, только вздрогнул, когда сверху на брезент громко плюхнулось ведро. .

Машина тронулась с места и, медленно набирая скорость, покатила под гору. Нариман лежал на спине и смотрел вверх, где на брезенте растекалось большое сырое пятно. В самом центре пятна просочилась тяжелая капелька и, немного помедлив, плюхнулась

прямо на нос! Нариман приподнялся и лизнул брезент языком, от этого пить захотелось еще больше и опять он вспомнил отцовскую фляжку. Вспомнил, как летом сорок второго года к ним во двор забежал пленный красноармеец. Он был страшно худой и обросший, гимнастерка висела на нем ключьями, а из обнаженного простреленного плеча текла кровь. Красноармеец бросился было к сараям, но увидел возле колонки пустую бочку, забрался под нее и замер. Через минуту во двор ворвались охранники. Они обшарили весь двор и бросились дальше.

Не успел Нариман подойти к бочке и сказать, что опасность миновала, как настежь раскрылись ворота и во двор въехала окрашенная в зеленый цвет передвижная радиостанция. Фашисты остановились рядом с колонкой, разделись до пояса и принялись вытаскивать из машины радиоаппаратуру.

Целыми днями они только и знали, что плескались под краном и не спеша возились в своих железных ящиках. Ночевали они тут же, в машине, предварительно выставив часового.

Немцы заметили, что Нариман целыми днями крутится возле машины. Один из радистов подозвал его к себе и вручил ему спиртовую горелку и паяльник.. Весь день Нариман помогал немцам. Он грел паяльники, промывал в бензине запасные части, мотал в мотки проволоку и, вечером, когда радисты сели ужинать, самый старший из них отрезал ломоть черного хлеба, положил сверху кусок ветчины и протянул Нариману.

Поздно вечером, когда радисты резались в карты, Нариман незаметно подошел к бочке, прорыл снизу небольшое отверстие и затолкал туда сверток.

Напрасно Нариман ждал, что на следующий день немцы уедут, те явно не торопились: развесив где попало автоматы, они продолжали пикировать на губных гармониках и рыться в аппаратуре.

Только на четвертый день рация была собрана. Перед тем, как развернуть машину, водитель подошел к бочке и опрокинул ее. На земле, уткнувшись головой в колени, сидел мертвый красноармеец. Он сидел всего в трех метрах от воды, слышал, как рядом плескались фашисты. Раненный, избитый и измученный, он умер от жажды, но не сдался. Радист тронул носком сапога сверток, который лежал у ног

красноармейца: сверток развернулся, и водитель увидел флягу и толстый кусок черного хлеба с ветчиной...

Нариман стукнулся головой об ящик и проснулся. Машина остановилась. Нариман приподнялся и глянул в окошко: впереди стояло несколько автомашин, а шоферы, столпившись над самым краем пропасти, смотрели вниз. Рыжий выбрался из кабины, подошел и тоже заглянул вниз, где на километровой глубине были едва заметны игрушечные фигурки людей.

- Что там случилось?

- Разве ты ничего не слышал?

- Нет. Меня на руднике три дня не было.

- Где же ты пропадал?

- На завод ездил, за станками.

- А-а-а.

- Ну так что же случилось-то?

- Случилась авария,- тяжело вздохнул горбоносый седой шофер.- Шляпа-то рухнула, говорили тысячу лет простоит, а она взяла да рухнула и машину за собой потащила...

- Чья машина?

- Асана... и пассажир, говорят, был, военный. Второй день пытаются откопать, да разве ее, лавину такую, разворишь?

- Ну ладно, постояли - и будет,- махнул рукой горбоносый,- сколько ни гляди, беде не поможешь...

Рыжий подождал, пока стоящая перед ним машина отъедет метров на сто, и плавно отпустил рычаг сцепления. Нариман осторожно пробрался к левому борту и высунул из-под брезента голову.

Вечерело. Солнце опустилось на верблюжий хребет горы и покатилося с вершины на вершину, пока не соскользнуло в черную расщелину. Оно упало и разлилось там на дне глубокой пропасти, и только широкие снопы ярко-красного лучистого пламени бушевали над горами и, уже остывая, окрасили небо в нежно-сиреневое. Стало темнеть, а дорога забиралась все выше и выше в горы. Временами она резко скатывалась вниз, петляла между скал и снова карабкалась на гору.

Когда стало совсем темно, Рыжий включил фары и запел длинную-длинную песню без слов. Временами он включал освещение

в кабине и опускал щиток. Нариману видно было в круглое зеркальце, как Рыжий только на мгновение поднимал глаза и потом, глядя на дорогу, начинал задумчиво улыбаться. Его рыжие веснушки собирались у глаз и снова разбегались в разные стороны, разнося по всему лицу теплую улыбку.

Захотелось есть. Нариман порылся в карманах, но там ничего не оказалось.

«Ребята уже наверное поужинали и смотрят кино».

В среду в детском доме всегда показывали кино. Больше всего Нариман любил фильмы про партизан, особенно ему понравился «Секретарь райкома», им показывали этот фильм раз пять.

Отец, наверно, тоже попал к партизанам, поэтому и писем от него не было... Они с этим майором в одном отряде, наверно, воевали... и почему я не родился лет на шесть раньше! Обязательно стал бы партизаном...

Нариман вспомнил сон, в котором его вешали, и улыбнулся.

Когда «студебеккер» въезжал в залитое лунным светом ущелье, в котором находился рудник, Нариман крепко спал.

Рыжий загнал машину в гараж и, с трудом переставляя затекшие ноги, вывалился из кабины. Подошла вахтер тетя Дуся и, поставив на землю ружье, спросила:

- Где же это ты так долго пропадал? Галка твоя избегалась вся.

- Пришлось на заводе ждать, пока соберут,- кивнул Рыжий головой в сторону ящиков.- Ну, а вы тут как?- Все в порядке? До руды еще не дошли?

- Какой ты скорый, дай бог к зиме добраться.- Тетя Дуся поправила платок, повесила ружье на плечо.- Ну. не задерживайся, ступай домой. Галка еще не спит наверно, ждет. Иди отдыхай, груз завтра сдашь, завсклад в горы уехал, к утру будет, иди...

Возвращаться в жарко натоленную дежурку не хотелось, и тетя Дуся, запахнув потуже ватник, села на скамеечку и вытащила из кармана вязанье.

Высоко над спинами сонных гор плыла круглая, как лепешка, луна, освещая выстроившиеся в ряд машины. Тетя Дуся отложила в сторону вязанье и задумчивым взглядом посмотрела вокруг, и руки невольно потянулись к ружью: на последней машине брезент

колыхнулся и что-то круглое подперло и подняло его. Тетя Дуся взвела курок и глянула еще раз - никого.

«Почудилось мне, что ли?»- подумала она, протирая глаза.

Глянула еще раз, опять никого. Брезент спокойно лежал на ящиках, и ни единый шорох, ни единое движение не нарушало ночного спокойствия.

Тетя Дуся прислонила к стене ружье и опять взялась за вязание. Через несколько минут глаза невольно потянулись к ящикам. Тетя Дуся вскочила! Опять из-под брезента торчит этот чертов арбуз! Она схватила ружье и бросилась к машине.

- Эй, кто там? Ну-ка вылезь!

Арбуз дернулся, громко чихнул и исчез.

- Вылезь, говорю, слышишь? Стрелять буду!

Никто не отвечал. Стало тихо-тихо, и только тысячи сверчков за оградой автобазы неумолимо поддерживали тишину.

- Считаю до трех,- предупредила тетя Дуся.- Фаз... два... три...

- Да я уже вылез...- сказал кто-то робко за спиной.

Тетя Дуся так стремительно повернулась, что стукнула ночного гостя дулом по голове.

- Так же убить можно,- обиделся Нариман.

- А ты не лазий по ночам где не положено...

- Я совсем не лазию...

- Значит, с луны свалился?

- И совсем не с луны, а из детдома.

- Ой, врешь, парень!

- А рудник этот правдашний?

- Ты мне зубы не заговаривай! Знаю я вашего брата, насмотрелась за войну!

- Ну вот честное пионерское, из детдома я!

- Ой, врешь, пионеры не катаются по ночам на чужих машинах!

Шофер тебя видел?

- Нет.

- А где же ты умудрился забраться в машину?

- В городе

- И целый день сидел под брезентом? Не вылезил?

- Он согнал бы меня с машины, если б увидел...

- Это кто, Николай, что ли?- Этот бы не согнал,- сказала тетя Дуся.- А что же ты ел целый день?

- У меня хлеба был кусочек и еще помидоры.

- Ну ладно, пойдем, так и быть, накормлю тебя, а ты мне расскажешь, зачем на рудник пожаловал.

Тетя Дуся взяла Наримана за руку и повела в дежурку. В дежурке тетя Дуся выложила на стол краюху свежее испеченного хлеба, копченого леща, четыре картофелины и головку лука. Сама очистила картофелины, нарезала кружочками лук.

- Ешь, потом все расскажешь.

Нариман выпил кружку воды и с жадностью набросился на еду. Время от времени он мычал сквозь туго набитый рот, пытаясь что-то сказать, но тетя Дуся всякий раз останавливала его.

- Ешь, я подожду.

Когда на столе остались только плавники, колючий хвост да шелуха от картошки, тетя Дуся налила крепкого чаю, высыпала из кулька сушеного урюка, джиды и, протягивая Нариману пиалу, сказала:

- Ну вот, а теперь рассказывай, кто ты и откуда? Только рассказывай все по порядку, не спеши.

- До войны мы жили в Чимкенте, а папа учился в Ташкенте в пехотном училище. Когда папа закончил учебу, его послали в Симферополь, а потом он и нас туда вызвал: прислал нам с мамой телеграмму, чтобы мы приехали...

Это было первое большое путешествие Наримана. Провожать их на ташкентский вокзал приехала бабушка. Она привезла Нариману баночку варенья и целый мешочек румяных баурсаков. А когда поезд тронулся, бабушка долго махала вслед платком.

Ехали долго, сначала мимо зеленых садов и хлопковых полей, обсаженных тутовыми деревьями, а на другой день, когда Нариман глянул в окошко, не было уже ни садов, ни арыков, ни хлопковых полей - до самого горизонта тянулась выжженная солнцем степь. Изредка попадались озера, вокруг которых пластами лежал снег.

- Такая жара - и снег!- удивился Нариман.

- Это не снег, а соль,- объяснил ему дядя в очках.

Потом было Аральское море - так сказала мама, а дядя в очках сказал, что это тоже озеро, не море, а большущее озеро.

Пока паровоз набирал воду, к вагонам подбежали торговки и каждая наперебой стала предлагать рыбу. Рыба была всякая: и жареная, и копченая, и вяленая, и каждая торговка уверяла, что именно ее рыба самая вкусная, и что если мама купит, то они отдадут ее бесплатно. Мама хотела купить, но дядя в очках сказал, что от этой рыбы можно отравиться. Подумаешь, отравились бы немножко, все равно же бесплатно.

Назавтра тоже была степь. В этот день Нариман увидел караван верблюдов и еще трех маленьких верблюжат. Они, оказывается, как две капли воды похожи на больших верблюдов, только маленькие.

- А почему тут такая пустая степь?- спросил

Нариман у дяди в очках.- Почему здесь не живут люди? Почему нет деревьев?

Дядя в очках долго молчал, а потом показал Нариману на толстые глиняные стены, которые виднелись вдали.

- Видишь остатки глиняных стен?

- Вижу.

- Когда-то эти стены были дворцом. И жил в этом дворце только один человек - грозный и жадный хан. Был он властителем обширного и богатого государства. По два урожая в год собирали крестьяне на этой земле. Вокруг насколько хватало глаз цвели чудесные сады, грелись на солнышке арбузы и дыни, паслись многочисленные стада.

Земля была очень щедрой, но никому не давал покоя жадный хан, он силой отбирал у крестьян хлеб, скот, фрукты и менял все на золото. Больше всего на свете хан любил золото. Он копил его, копил, пока не накопил целую гору. И вот тогда он и решил воздвигнуть этот дворец. И приказал построить его такой величины, чтобы в него поместились все его ханские сокровища.

Воины согнали сюда всех жителей страны. Два года возводили из глины, замешанной на соленых слезах, стены невиданной толщины. Два года крестьяне не сеяли на полях хлеб и не убирали урожая.

Через два года замок был построен, но еще ровно год вносили крестьяне в обширные кладовые награбленные ханом богатства. Тысяча комнат в верхнем этаже замка была занята под сокровища, а внизу расположился со своими воинами грозный хан.

Закончив работу, люди покинули владения жадного хана. Они шли мимо своих развалившихся хижин и высохших полей, они шли, и слезы ручьем катились из их глаз.

Злой хан тем временем пригласил в свой новый дворец ханов и мурз и устроил большущий пир. Разгулялись пьяные ханы и стали по древнему обычаю выплескивать из золотых кубков вино на стены дворца. Больше всех старался сам грозный хан, он хотел, чтобы его дворец стоял вечно и слава о нем прошла по всей земле.

Когда стены пропитались вином, соль в глине растворилась и толстые стены дворца, не выдержав тяже* сти золота, обрушились на головы жадных ханов.

С тех пор прошла тысяча лет, но люди так и не вернулись сюда, ведь рассказ о злом и алчном хане передавался из поколения в поколение...

- И люди никогда не вернутся сюда?- испуганно спросил Нариман.

- Ну что ты! Конечно, вернутся. Тут еще будут шуметь сады, люди построят здесь красивые дворцы...

- А когда это будет?

- Я думаю, очень скоро...

В Москву приехали на шестой день. Дядя в очках остался в столице, а Нариман с мамой сели в автобус и поехали дальше, в Симферополь.

На автобусной станции их встретил отец, в руках у него был большой букет цветов, а в кармане плитка шоколада. Папа взял пролетку, и они не спеша поехали домой. Лошадь бежала, весело цокая копытами по мощенной камнем улице.

Они проехали мимо рынка, доехали до пуговичной фабрики, повернули направо, теперь дорога шла вдоль старого кладбища.

Возле входа на кладбище повернули налево - тут начиналась улица Училищная, на которой они и поселились.

Улица Нариману понравилась: узкий тротуар был выложен четырехугольными каменными плитами, вдоль тротуара цвели белые пахучие акации, а главное, кварталом ниже находился кинотеатр «Субхи».

В этом же году Нариман пошел в первый класс...

За воротами протяжно пропел сигнал.

- Кто-то еще из рейса вернулся,- тетя Дуся нехотя встала и пошла открывать ворота.

Вернулась она минут через десять и выложила перед Нариманом два огромных граната.

- Не забывают меня ребята, каждый что-нибудь да привезет из города. Хорошие они у нас... А плохим тут и не ужиться - работа тяжелая. Зимой особенно трудно, тогда неделями машины не могут пробиться на рудник. Ты бери гранат, угощайся. Вот этот, который побольше.

Нариман взял гранат, разломил его на две части, на стол посыпались крупные розовые зерна.

- Ну так что же было дальше?- спросила тетя Дуся, усаживаясь напротив.

- Дальше началась война, папа уехал на фронт и нас каждый день стали бомбить немцы. Через месяц мамин завод эвакуировался. Мы написали бабушке письмо в Чимкент, что скоро приедем. Но выехать не смогли: в воскресенье мама пошла на рынок за молоком, а когда она возвращалась, началась бомбежка, не успела мама завернуть на нашу улицу, как где-то рядом упала бомба. Маму осколком ранило. Когда я прибежал, она еще была жива, увидела меня, заплакала.

- На,- говорит,- возьми бутылку - молока не было, я сливок тебе взяла.

Отдала мне бутылку и умерла. А на другой день я получил письмо от папы, он писал, что находится в госпитале и что скоро приедет.

Я его два месяца ждал, а он так и не приехал, за мной два раза приходили - увезти меня хотели, но я спрятался.

- У кого же ты жил там?

- А меня бабушка к себе взяла, соседка наша. Я ей дрова рубил, воду носил и за мукой на рынок бегал. Только она очень боялась, что я тоже под бомбежку могу попасть, а бомбили нас часто, особенно, когда наши отступали. Потом сразу стало тихо и всю ночь было тихо, а утром, когда я вышел,- на улице никого, и дым черный над городом стелется. Только я до поворота дошел - слышу грохот, а это оказывается старик вот с такой бородой пианино черное на телеге везет, везет, а сам оглядывается.

К обеду появились немцы на мотоциклах, с автоматами. Один подъехал ко мне и спрашивает:

- Где есть пекарня?

Пекарня была рядом с нами, через три двора, а я им показал совсем в другую сторону.

Потом появились машины с солдатами, а вечером на площади немцы повесили пятерых и каждому на грудь фанерку нацепили с надписью «коммунист».

В небе погасли последние звезды, а Нариман все рассказывал и рассказывал...

В шесть утра пришел сменщик.

- Мальчишка-то чей?- спросил он у тети Дуси, вваливаясь в дежурку.

- Тихо ты, не видишь, спит?- остановила его тетя Дуся.- Отца ищет, из детского дома, говорит, сбежал.

- И что ты с ним теперь будешь делать?

- Возьму к себе, если пойдет, уж больно хорош парень.

Сменщик сел за стол, расписался в журнале о приеме вахты, еще раз внимательно посмотрел на спящего Наримана и громко захлопнул журнал.

- А тебе всегда больше всех надо!

- Ну-ка, поднимайся! Вставай, вставай, так же все на свете проспать можно! Поднимайся, а то пельмени остынут. На полотенце - и бегом на речку, одна нога тут, другая там. Пока я на стол накрою, чтобы ты был уже готов.

Нариман выбежал во двор и крепко зажмурил глаза: жаркое майское солнце стояло высоко над горами.

Вот это я поспал,- подумал Нариман,- уже часа два наверно.- Вспомнил, как он заоченел ночью под брезентом, и дрожь пробежала по всему телу.- Бывает же так: днем жарища, а ночью мороз».

Речка протекала рядом, метрах в двадцати от дома. Нариман бросил полотенце на куст и с разбега кинулся в прозрачную холодную воду, проплыл вдоль берега и, выбравшись из воды, побежал назад. Возле куста его ждала худенькая девчонка с двумя короткими, задранными вверх косичками.

- Здравствуйте,- протянула ему руку девочка,- я Роза.

- Очень приятно, что не мимоза,- ответил Нариман, срывая с куста полотенце,- я запомню!- и вприпрыжку побежал домой.

Возле дома Нариман обернулся, девочка все еще стояла возле куста, опустив голову, и Нариману показалось, что у нее на ресницах блеснули слезы.

- Ты что так долго?- встретила его на пороге тетя Дуся.
- Да... девчонка там пристала одна...
- Девчонка? А-а, то верно наша Розочка. Зря ты про нее так, она очень хорошая девочка, ты с ней обязательно подружишься.
- Я с девчонками, тетя Дуся, не дружу!
- То девчонки, а то Розочка. Потом, она же всего одна девочка на весь рудник.
- А мне то что, я же не собираюсь здесь жить.
- И все же обижать девочек нельзя, это просто некрасиво.

Тетя Дуся наложила Нариману полную миску исходящих паром пельменей, а на самый верх этой чудесно пахнущей горки водрузила большущий кусок настоящего сливочного масла! Нариман проглотил слюну и взялся за ложку. Давно он не ел таких вкусных пельменей! Разве что до войны. Нариман рассказал тете Дусе, как они однажды зимой, когда было очень голодно, ночью забрались в немецкий склад. Двое стояли на карауле, а двое поползли к отдушинам. Они незаметно проползли мимо часовых, пробрались через отдушины в склад и, взяв по пяти банок консервов, благополучно вернулись назад. Ребятам так хотелось кушать, что они тут же за углом вскрыли все десять банок, и самый маленький, Мидат, не выдержал и горько заплакал: в банках была капуста, морковь, фасоль, но все это было сырое, несоленое и совсем безвкусное.

Утром на рынке они обменяли немецкие овощи на кусок жмыха и тут же, разделив его на четыре равные части, съели.

После пельменей пили чай с алычовым вареньем. Сидели за столом дотемна. Нариман рассказал, как наши освободили Симферополь, как его потом взяли в детдом, и как он попал в Казахстан.

- Знаешь что,- сказала тетя Дуся, приготовляя ему в маленькой комнате постель,- ты поживи у нас дня три-четыре, а я за это время расспрошу всех шоферов на руднике, и мы обязательно отыщем твоего майора. Раз он ехал к нам, значит он здесь. Мы еще спросим Розочкиного отца, он главный инженер рудника - он тоже должен знать. Все-таки это майор, а не щепка, затеряться он не может...

Проснулся Нариман поздно. Тети Дуси уже не было. На столе лежала записка «Я ушла на работу, вернусь в три часа. В кастрюле есть суп - подогрей. Сходи за хлебом - карточки и деньги на окне. Магазин в двухэтажном доме. Тетя Дуся».

Хлеба в магазине не было. Продавец сказал, что в пекарне обвалилась печь и что хлеб будет часов в двенадцать, не раньше. Нариман постоял, посмотрел на пустые полки и вышел. Сойдя со ступенек, он спрятался за угол: к магазину, размахивая на ходу сумкой, вприпрыжку бежала Роза. Метрах в пяти от магазина она остановилась, взяла сумку в другую руку, поправила платице и чинно вошла в магазин.

Нариман хотел повернуться и идти, но его внимание привлек сложенный вдвое лист синей бумаги. Он лежал как раз на том самом месте, где останавливалась Роза! Нариман не спеша подошел, толкнул носком - лист развернулся - это были хлебные карточки! Он поднял их и прочел - Ос-па-нов.

В магазине хлопнула дверь. Нариман поднял голову и покраснел, навстречу ему шла Роза. Когда она поравнялась с Нариманом, он протянул ей карточки и чуть слышно сказал:

- Возьмите, это ваши, вы уронили...

Через минуту они уже шли рядом и Роза рассказывала, как она уже второй раз теряет эти карточки.

- Просто нам дали невезучие карточки в этом месяце.

- Почему же невезучие?- возразил Нариман.- Они же не пропали! Два раза вы их теряли, и оба раза нашлись! А могло быть наоборот.

- Ну что вы! У нас на руднике еще не было случая, чтоб кто-нибудь потерял карточки и они не нашлись! Разве можно - это же хлеб...

Возле зеленой калитки они остановились, и Роза тронула Наримана за рукав:

- Пойдем к нам, я покажу тебе свои книжки.

Нариман шагнул и остановился в нерешительности.

- Ну чего ты? Пошли, у нас никого нет.

- А ты не обманываешь?

- Что ты, смотри!- и Роза потрясла перед носом Наримана связкой ключей.- Наши все на работе!

Роза отперла двери, и они вошли в дом.

- Вот здесь я и живу, входи.

Нариман вошел и остановился, удивленно разглядывая небольшую уютную комнату. У окна стояли стол, два стула, диван, а против дивана на самодельных полках лежали книги, сотни книг!

- Тут и мои, и папины,- сказал Роза, проводя рукой по корешкам,- внизу мои, а наверху папины. А знаешь, какие из них мне больше всего нравятся?- Про путешествия, про дальние страны. Больше всех я люблю вот эти две,- Роза достала с верхней полки две толстые книги в зеленых переплетах.

- «История колониальных и зависимых стран»,- прочел Нариман вслух и пожал плечами.

- Думаешь неинтересно? А вот скажи, что ты знаешь об Эфиопии? Ничего? Про Афганистан ты читал что-нибудь?- Нет. А про восстание сипаев в Индии? Хочешь, я тебе дам прочитать эти книги? Только начни читать, они тебе очень понравятся.

В окне показалась чья-то голова. Роза побежала к окну и ухватилась за чуб.

- Будешь еще подслушивать под окнами? Будешь?!

Чуб кричал, визжал, клялся, что не будет, но Роза была неумолима.

- Ты думаешь, я забыла, как в прошлое воскресенье ты клялся не шлаться под окнами?

- Розочка, миленькая, честное пионерское, больше не буду!

- Последний раз прощаю, учти!- Роза отпустила чуб и он исчез.

Через минуту в комнату, потирая макушку, вошел Булат.

- Ты изверг рода человеческого. У тебя ни капельки жалости нет. Так же человека без волос оставить можно!

- А ты не лазай под окнами. Мал еще, вот подрастешь немножко...

- Ничего, я и сейчас не маленький, посмотри, какие у меня мускулы на правой руке.

Роза пощупала мускулы Булата и серьезно сказала, глядя на Наримана:

- Ничего мускулы, у меня точно такие были в прошлом году...

- А,- махнул рукой Булат,- что с вами, с девчонками, разговаривать, иди ставь лучше самовар, будем чай с вареньем пить.

Когда Роза вышла, Булат протянул Нариману руку.

- Давай знакомиться, меня зовут Булат.
- Нариман.
- Я знаю, мне тетя Дуся сказала. Это правда, что ты из детдома сбежал?

- Не сбежал, а уехал ненадолго...

В комнату вошла Роза, а за ней с самоваром в руках толстый круглощекий мальчишка. Он поставил на стол самовар и протянул Нариману пухлую пятерню.

- Батыр!

- По части съестного,- скороговоркой добавил Булат.

Ребята прыснули со смеху.

Батыр медленно повернул толстую шею:

- Булка, последний раз предупреждаю...

- О, слышишь?- обратился Булат к Нариману.- Вот вечно они с Розой угрожают мне. Ничего сказать нельзя, не житье, а каторга.

- А если каторга, то зачем к нам приходишь?

- Думаешь, я из-за тебя прихожу?- Я прихожу из за варенья. Никто на руднике так вкусно не варит варенье, как ее мама. Ты сам, Нариман, сейчас убедишься в этом. Где та большая банка с малиной, носи ее сюда...

Возле калитки, громко скрипнув тормозами, мягко осел запыленный газик. Роза вскочила с места.

- Вы пейте, мальчишки, сами наливайте и пейте, я пойду - папу встречу.

- Дядя Рустам главным инженером работает,- доверительно сообщил Нариману Булат.- он самый первый приехал на рудник. Тогда в ущелье не было ни домов, ни моста через речку, даже кинотеатра не было...

Последнее он сказал Нариману на ухо, но Батыр все же услышал.

- Ты что там опять сочиняешь? Какой кинотеатр?

- Какой! Какой! Подумаешь, и сказать уже нельзя! Ну нет его, сегодня нет, а завтра будет! Дядя Рустам мне честное слово дал, что через месяц будет кинотеатр, что мы тоже будем смотреть новые фильмы, и притом бесплатно!

Было слышно, как вошли взрослые, в комнате сразу стало тихо и скучно. Первым не выдержал молчания Булат.

- Батыр, а Батыр!

- Ну что тебе?
- Давай в шахматы сыграем? Только одну партию...
- Что с тобой играть, все равно продумаешь...
- Ну тогда давай в шашки?
- В шашки можно,- согласился Батыр.
Булат взял с полки коробку, высыпал шашки на стол и расставил их.

В комнату влетела Роза.
- Ой, мальчишки, а что мне папа обещал завтра принести!- Она прыгнула на диван, села, поджав ноги, и радостно улыбнулась.- Угадайте, ну? Считаю до трех. Ра-а-аз,- пропела она медленно,- два-а-а.

- Торт, да? - спросил Батыр.
Роза замотала головой.
- Я знаю,- сказал Булат - он принесет тебе верблюда. Угадал?
- Три! Не угадали! Он принесет мне...- сделав большую паузу, Роза произнесла по слогам,- шах-тер-ский фо-нарь! Вот!
- А зачем он тебе? - удивился Батыр.
- Я буду... буду...- запнулась Роза, соображая, что же она все-таки будет делать с этим фонарем.- Я буду...

- Будешь мышей в подвале караулить,- подсказал Булат.
Батыр засмеялся и полез под стол. Роза сделала вид, будто ничего не расслышала.

- Что ты ищешь там?
- Шашки белой не хватает.
- Не ищи, она в коробке с шахматами.
- А шахматы где?
- Твой же брат вчера унес.

Батыр вылез из-под стола, посмотрел внимательно вокруг, и, не найдя ничего подходящего, вытащил из кармана круглый медовый пряник и поставил его в центре доски.

- Ты какими будешь играть?
- Мне все равно,- ответил Булат и пошел белыми.
Роза с Нариманом подсели ближе к столу и стали внимательно наблюдать за игрой.

За окном протарахтел трактор, вслед за трактором проехала грузовая машина и опять стало тихо. От реки потянуло прохладой. В

комнату ворвался свежий ветерок, пощекотал зеленые ладошки фикуса, качнул абажур, сделал в двери щель, сунул к взрослым свой любопытный нос, потом забился за шкаф и утих.

Из соседней комнаты слышались голоса. Дядя Рустам и брат Батыра Амангали спорили о чем-то, низко склонившись над картой рудника. С улицы постучали. Дядя Рустам выпрямился.

- Войдите!

Вошел Николай, старший геолог, высокий, загорелый, с огромной черной бородой. Николай был самый заядлый охотник на руднике.

Амангали улыбнулся гостю.

- А-а, кладоискатель! Ты-то нам и нужен. Садись,- подвинул он Николаю стул.

Николай сел, не спеша извлек из кармана трубку, закурил и пустил под потолок несколько тонких колец.

- Что молчите?- спросил дядя Рустам.

Николай зажал трубку в кулак и пропустил сквозь пальцы длинную струйку сизого дыма.

- Хвастаться нечем. Таскаю буровые с горы на гору, а пользы?

Он вздохнул, устало закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

- Угля в этом районе нет, и никогда, слышите, никогда не было!!!

- А штольня?- возразил Амангали.

- Штольня! Штольня! Далась вам эта штольня! Ну, назовите мне хоть одного человека, который своими глазами видел эту...

- погоди, Николай, не кипятись,- перебил его дядя Рустам.

- О какой это штольне они говорят?- спросил Нариман, но ему никто не ответил.

Батыр проигрывал. Три шашки Булата уверенно двигались вперед. Стоило ему отдать первую, как две другие выходили в дамки. Батыр морщил нос, дергал себя за ухо, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Роза подмигивала ему, пытаясь подсказать, но он ничего не видел вокруг кроме коварных пешек.

Булат с видом победителя подвинул на клетку вперед медовый пряник, который возглавлял тройку и, пренебрежительно глядя на Багыра, сказал:

- Я пошел...

Батыр перешагнул своей пешкой через пряник, взял его осторожно двумя пальцами, осмотрел со всех сторон и отправил его в

рот.

- А я съел!

Булат от неожиданности разинул рот. Роза и Нариман засмеялись.

Из-за двери опять послышались громкие голоса взрослых.

- Уголь есть! Ты его найдешь, даже если придется устанавливать по дюжине буровых на каждой горе!- отрезал дядя Рустам.

- Чего они спорят?- шепотом спросил у Розы Нариман.

- Штольню какую-то потеряли, а найти не могут. Дядя Коля из-за нее бороду отрастил. Пока,- говорит,- не найду эту проклятую штольню, не сбрую.

- Сейчас из-за нехватки горючего простаивает электростанция, а что будем делать зимой, когда каждую машину придется по три дня трактором вытаскивать?- продолжал дядя Рустам.

Амангали поддержал его.

- Трудновато придется без собственного уголька. Будет к зиме уголь - дадим руду, а не будет...

Амангали встал, посмотрел на часы.- Пойду, там лес должны подвезти. Ну, борода, желаю удачи, найдешь уголь, памятник тебе поставим.

В обеденный перерыв тетя Дуся отправилась во 2-ю автобазу. В гараже она уже никого не застала, гараж был пуст. Она зашла в диспетчерскую, выпила кружку воды и уселась возле открытого окна. Вошел дежурный диспетчер.

- В гости к нам пожаловала?- спросил он, устало опускаясь на скрипучий табурет.

- Пришла узнать насчет последней аварии, да ребят уже никого нет - все на обед ушли...

- Никуда они не уходили, в Красном уголке все, там и обедают. А насчет аварии - диспетчер помедлил немного, словно не хотел открывать до конца тайну, известную ему одному, и, пожав плечами, задумчиво добавил:

- Так мы ничего и не узнали... вряд ли удастся откопать машину...

Шоферы обедали: в центре длинного стола, застеленного старыми газетами, высилась горка аккуратно нарезанных ломтей черного хлеба, и вокруг этой горки кучками лежали редиска, помидоры, зеленый лук и вареная в мундире картошка. Перед успевшими уже обзавестись

хозяйством стояли поллитровые бутылки, наполненные кипяченым молоком. А когда кто-то достал из мешочка круг копченой домашней колбасы, первой домашней колбасы на руднике, и положил ее рядом с горкой хлеба, люди заулыбались. Сидящий в центре достал из кармана нож и разрезал колбасу на пятнадцать равных кружочков. Каждый взял по куску, и на бумаге остался последний, пятнадцатый.

В красный уголок вошла тетя Дуся.

- Ну, сыночки, как поживаете?

- Садись, тетя Дуся! Все что имеем на столе - угощайся!

- Спасибо, ребята, я уже обедала, я пришла к вам... я пришла узнать, кто из вас видел майора, который ехал на двадцатке с Асаном?

Все невольно глянули на оставшийся кружок колбасы.

- Я видел...- негромко сказал Рахимбеков.- Звал его с собой, но он не захотел ехать в кабине. Асан без груза возвращался, вот он его и взял на свою машину. Выехать мы должны были вместе, но Асан ждал инвалида, который махоркой его всегда снабжал. Он мне и сказал: «Езжай, Рамазан, потихоньку, я тебя догоню»... Так и не догнал меня. А что там случилось на перевале, один аллах знает. Никого поблизости не было, никто ничего не видел...

Напрасно шофер Рахимбеков думал, что не было свидетелей катастрофы, свидетель был. Он был один, и он был не только свидетелем этой аварии, но и ее виновником. И положено было начало этой катастрофе далеко-далеко от этих древних, поросших густой травой и сочными лопухами гор...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Громкоговоритель, установленный на самой верхушке столба, вкопанного в центре лагеря для военнопленных, дважды прохрипел над длинными деревянными бараками:

- Обер-лейтенант Пауль Вольф, немедленно явиться к начальнику лагеря! Обер-лейтенант Пауль Вольф... явиться немедленно...

Вольф нехотя поднялся с нар, отложил в сторону недочитанную газету и, на ходу застегивая пуговицы кителя, направился в караульное помещение. Солдат, стоящий у двери, кивнул ему головой. Пауль вошел робко и замер.

- Обер-лейтенант Пауль Вольф?

- Так точно, господин капитан!

- Норберт!

В комнату вошел шофер капитана.

- Слушаю, господин капитан!

- Доставишь лейтенанта к полковнику и сразу назад, по дороге захвати мне бочонок пива. Ясно?

- Ясно, господин капитан! Пошли!

У порога Вольф обернулся.

- Господин капитан, разрешите взять вещи?

- Они вам больше не понадобятся, лейтенант,- и, словно желая успокоить его, добавил,- идите, идите...

Часа полтора ехали молча. Небрежно положив на баранку черные натруженные руки, водитель лениво двигал челюстями, перегоняя языком с одной стороны на другую вязкий комок жевательной резинки.

Дорога была отремонтирована, и машина катилась быстро и плавно. Пауль с жадностью смотрел по сторонам, ведь скоро год, как прошла война... Скоро год, а вокруг ничего не изменилось, большинство домиков вдоль дороги были разрушены, словно здесь совсем недавно прошло землетрясение.

Вдали показался Берлин. Когда-то Пауль мечтал, как он первым ступит на Красную площадь, первым увидит красные кирпичные стены древнего Кремля. Но

Москвы он так и не увидел, а далеко впереди в развалинах лежал Берлин...

Машина свернула с главной магистрали и нырнула в лес. Пауль откинулся на спинку сиденья и вздохнул полной грудью. Он искоса взглянул на водителя, тот по-прежнему лениво двигал челюстями, и только сильные черные руки цепко держали штурвал.

- Скажите пожалуйста,- спросил на чистейшем английском языке Пауль,- куда вы меня везете?

Шофер на мгновение перестал жевать, закусил верхнюю губу и, слегка повернув голову, равнодушно глянул на пассажира.

- В штаб.

Машина остановилась возле небольшой красивой виллы.

- Все, прибыли,- сказал шофер, открывая дверцу,- прошу.

Шофер передал Пауля секретарю полковника, а та, ничего не говоря, повела его в кабинет.

Полковник, сняв темные очки, указал ими на кресло:

- Садитесь, лейтенант.

Так же неторопливо раскрыл коробку с сигарами и подвинул Вольфу:

- Курите.

Полковник подождал, пока обер-лейтенант закурит сигару, и задал первый вопрос.

- Скажите, лейтенант, вы получали когда-нибудь награду от фюрера за верную службу?

- Получал... господин... полковник...

- Какую?

- Железный крест...

- С чем?- не дал ему договорить полковник.

- С дубовыми листьями...

Полковник ничего не сказал. Он встал, выдвинул ящик стола, достал связку ключей и подошел к большой карте Германии, жирная граница которой проходила через всю Европу и кончалась где-то на Урале. Полковник нажал невидимую кнопку, и карта плавно отъехала в сторону. Показался замурованный в стену сейф. Полковник отпер дверцу, достал из сейфа небольшой полосатый мешочек и небрежно бросил его на стол. Пауль вздрогнул.

- Скажите, лейтенант, вам знакома эта вещь?

- Да, господин полковник.

Полковник осторожно, словно в мешочке была спрятана бомба, двумя пальцами взял за завязки и поднял мешочек над столом.

- И содержимое тоже известно?

- Нет. Отец не разрешал трогать личные вещи...

- А когда это появилось в вашем доме?

- Вероятно, до моего рождения...

Полковник развязал шнурок и высыпал содержимое на стол.

Всегда, когда Пауль видел за толстым стеклом отцовского письменного стола таинственный полосатый мешочек, ему казалось, что в нем отец хранил золото и драгоценности, а оказалось - два кусочка серого камня и вчетверо сложенный лист бумаги. Он разочарованно посмотрел на мертвые камни и пожал плечами.

- Вы мечтали увидеть самородок?

- В детстве,- сознался Пауль.

Полковник достал из коробки сигарету, откусил кончик; выплюнул его в корзину с бумагами, закурил.

- Эти камни ваш отец привез из России. В двадцатых годах с остатками своего отряда он уходил в Китай через Казахстан. По дороге он прихватил эти обломки. Не смотрите на них так равнодушно, лейтенант: эти камешки на сегодняшний день дороже золота.

Полковник достал из ящика стола большую лупу и стал пристально рассматривать один из кусков.

- Если выплавленный из этого камня металл добавить в обычную сталь, она станет в пять, в десять, в двадцать раз прочнее! Ее возьмет не всякий снаряд, а главное, он может выдержать очень высокую температуру...

Месторождение открыли абсолютно случайно, эти образцы должны были попасть в Москву, а попали в руки вашего отца и пролежали двадцать пять лет, ожидая своего часа. Русские вторично открыли месторождение.

Полковник подошел к ширме, закрывающей вторую карту, отдернул ее и взял в руки указку.

- Подойдите поближе, лейтенант.

Пауль подошел. Полковник ткнул указкой в жирную черную точку.

- Это здесь. В письме указано место выхода руды на поверхность. Вы хорошо владеете русским языком?

- Так же, как немецким и английским.

- Вам нужен будет только русский, лейтенант. Впрочем, и немного местный. Вы им, кажется, тоже владеете?

- Немного. У нас работник в доме был казах, он меня и научил. Ему было шестнадцать лет, когда он попал в отряд отца. Потом он был со мной на восточном фронте, денщиком. А вот где он сейчас, не знаю. Возможно, и погиб.

- Он в России, лейтенант. Он будет ждать вас через шесть месяцев вот в этом городе - указка скользнула по карте и замерла на едва заметной точке.

- Мы предоставляем вам возможность окупить железный крест и даже листья к нему.

- Но...- лейтенант хотел что-то сказать, но полковник движением указки остановил его.

- Мы готовим к отправке партию русских граждан, вы присоединитесь к ним. Я не советовал бы вам отказываться, лейтенант,- это вопрос вашего будущего. Сколько вам лет?

- Двадцать шесть.

- В двадцать четыре года ваш отец был полковником... Не верите?

Пауль не помнил, чтобы отец носил когда-нибудь военную форму, а на тех немногочисленных фотографиях, которые висели в кабинете, отец был неизменно в штатском...

Полковник раскрыл папку, лежащую на краю стола, и бросил Паулю потемневшую от времени фотографию:

- Полюбуйтесь!

Пауль бережно двумя руками взял со стола фото. На него в упор смотрел молодой офицер в казачьей форме, на плечах у него поблескивали шитьем полковничьи эполеты.

- Куда прикажете идти, господин полковник?

Полковник улыбнулся Вольфу, протянул руку, нащупал под столом кнопку и нажал ее...

Павел Волков прибыл в город утром в эшелоне с демобилизованными. Он сидел в одном купе с офицерами и всю дорогу читал книгу. Когда поезд прибыл на станцию, Павел нехотя встал и отошел к окну,- решил подождать, пока соберется офицер,

который тоже выходил здесь. А тот достал с полки небольшой желтый чемоданчик, поставил его на пол и стал по очереди обнимать друзей. Седой лейтенант трижды поцеловал майора и на прощанье сказал ему:

- Если тебя не возьмут на рудник, обязательно приезжай к нам, уж кому-кому, а такому горному мастеру работа у нас всегда найдется. Будем вместе уголек добывать.

- Если откажут, обязательно приеду.

- Знакомых у тебя нет в городе?

- Знакомых нет. Где-то здесь, в детдоме, сын Музафарова, отыщу его, передам письмо - и прямо на рудник.

- Ну, счастливо тебе...

Офицеры еще раз пожали друг другу руки, и майор двинулся к выходу.

Мурата на перроне не оказалось. Павел вышел на площадь, закурил папиросу и сел на скамеечку возле остановки трамвая.

- Неужели Мурат не получил открытку? Может, раскрыта явка и за ним уже следят? Нет,- успокоил себя Павел,- Мурат не выдаст...

Мурат был человек проверенный, на него всегда можно положиться. В двадцатом году он ушел с отцом в Китай, а потом остался в их доме. Павел вырос у него на руках, и даже тогда, когда он окончил военное училище и был направлен на Восточный фронт, Мурат с первого до последнего дня был при нем денщиком...

Павел почувствовал, что сзади кто-то подошел. Он резко обернулся и облегченно вздохнул; это был Мурат. Он здорово постарел за последние два года, но все еще был бодр и крепок. Его жесткие черные волосы изрядно поседели, а гладкий покатый лоб сверху вниз разрезала глубокая морщина.

Они обнялись и расцеловались. Для Мурата, у которого не осталось ни семьи, ни близких, Павел был родным родным человеком на свете.

Шли через весь город пешком. Шли, перебрасываясь ничего не значащими фразами. Возле рынка остановились.

- Вот здесь я и живу,- показал Мурат на небольшой беленький домик, затерявшийся среди деревьев.

Они вошли в дом, и Павел, не теряя ни минуты, умылся, переоделся, привел себя в порядок.

- Ты куда так спешишь?- удивился Мурат.- Не успел с поезда сойти...

- Есть одно очень важное дело. К десяти я вернусь, приготовь, пожалуйста, к этому времени ужин.

Павел подхватил небольшой чемоданчик и быстрыми шагами вышел из дому.

Выбравшись за город, он забрался в машину с кирпичом, доехал до перевала и незаметно выбрался из кузова там, где над узким полотном дороги нависала плоская коричневая плита - «шляпа», как называли ее шоферы. Это место подходило ему во всех отношениях. Отсюда с высоты дорога хорошо просматривалась в обе стороны. Павел стал на самый край полотна и несколько минут не мигая смотрел вниз, туда, где на километровой глубине даже огромные валуны казались всего лишь гладкой морской галькой. Павел нагнулся, поднял с земли камешек и бросил его вниз. Через минуту по крутому склону, точно лихие всадники, стремительно летели вперед, подпрыгивая на кочках, сотни таких же серых камешков, а еще через минуту их стало тысячи, и вот уже стремительная лавина сплошной яростной массой безудержно мчалась вниз. Но вот она всей своей тяжестью ударилась о землю, и столб пыли фонтаном взметнулся вверх. Прошло немного времени, пыль осела и ущелье наполнилось гулкой настороженной тишиной.

У Павла закружилась голова, он крепко зажмурил глаза и отступил назад. Потом он обследовал «шляпу» и, выбрав глубокую трещину, расчистил ее и затолкал туда небольшой сверток.

Все было готово к встрече. Теперь оставалось надеяться на удачу и ждать.

Павел спустился вниз километра на два и сел у обочины дороги. Ждать пришлось часа два. Солнце стояло высоко над головой, когда из-за поворота показался «студебеккер». Майор сидел наверху. Павел ухмыльнулся - это упрощало задачу.

Пауль вышел на дорогу и, когда машина поравнялась с ним, махнул шоферу рукой. Асан резко затормозил.

- На рудник?

- Тут все дороги ведут на рудник,- с улыбкой ответил Асан,- забирайся в кабину, подвезу!

- Нет, спасибо, я лучше наверх.

Пауль опустил в кузов чемоданчик и легко перебросил через борт сухое тренированное тело.

Увидев его, майор повеселел.

- Ого, да мы, кажется, с вами немного знакомы?

- Почти, как-никак два дня в одном вагоне тряслись.

- Вы тоже работать на рудник едете.

- Не знаю, как получится, у меня там двоюродный брат главным инженером работает,- солгал Навел.

- Ну так это совсем хорошо! Вы меня познакомите с ним? У меня тут,- майор похлопал по карману кителя,- и письмо к нему есть. А сейчас разрешите представиться - майор в отставке Андрей Валошин.

- Очень приятно,- протянул руку Вольф,- Павел Волков.

Майор крепко пожал протянутую руку.

- А кто вы по специальности, если не секрет?

- Геолог,- ответил Павел.

- Вот и чудесно, вместе будем работать,- я горный мастер.

- У вас знакомые есть на руднике?- Вольф уже слышал один раз, что у майора на руднике знакомых нет, но все же решил сам задать этот вопрос.

- Нет никого. Мне в Москве предложили работу по специальности, и я не стал отказываться. Дай, думаю, поеду, Казахстан по крайней мере увижу.

Машина медленно шла в гору. И Павел, и майор с интересом рассматривали ровные ряды ущелий, лежавших по ту сторону пропасти. Вдруг Павел вскочил:

- Смотрите, горный козел!

Где?- потянулся за ним майор.

Вон на том желтом склоне, что справа!

Майор резко повернулся направо, и на голову ему обрушился тяжелый свинцовый удар. Майор, не издав ни единого звука, как подкошенный лег на дно кузова.

Метрах в пятидесяти от «шляпы» Павел постучал по железному верху кабины.

- Эй, друг, останови на минутку машину, что-то нашему майору плохо стало!

Асан остановил машину и высунулся из кабины.

- Что с ним такое?

- Не знаю, погляди сам.

Не успел шофер заглянуть в кузов, как Павел обрушил ему на голову рассчитанный тяжелый удар. Убедившись, что по обе стороны перевала не видно ни одной машины, Павел спокойно извлек из карманов майора документы и письма, переложил содержимое желтого чемоданчика в свой и, стащив майора с борта, усадил его рядом с Асаном. Оба они были в глубоком обмороке.

Бросив еще раз взгляд на дорогу, Пауль сел на место водителя, отпустил ручной тормоз, выжал сцепление и нажал на газ. Машина плавно тронулась с места, и, когда она оказалась под самой «шляпой», Павел резко повернул вправо руль и выскочил из кабины. Машина сбила пару надолб и рухнула в пропасть.

Павел, не медля ни одной секунды, взобрался на «шляпу», поджег шнур и бросился бежать. Когда он был уже метрах в семистах от перевала, грохнул глухой взрыв и огромная тупоногая глыба, протаранив дорогу, полетела в пропасть.

В десять часов вечера Павел был уже дома. Перед ужином он раскрыл чемоданчик и стал разбирать вещи майора. На самом дне чемодана лежал толстый самодельный конверт, на котором химическим карандашом было выведено «Музафарову Нариману». Павел повертел в руках письмо, бросил его обратно в чемодан и захлопнул крышку.

Ну, а Теперь давай будем ужинать.

Отработав смену, тетя Дуся вернулась домой. Хлеб лежал на столе, а Наримана не было. Тетя Дуся поста» вила самовар, сварила яйца, нарезала в чашку огурцов с помидорами.

Вскоре пришел и Нариман.

- Знаете, тетя Дуся, с кем я сегодня познакомился? С Розой, потом с толстым таким... а-а, вспомнил, Батыром его зовут. И еще с Булатом, смешной такой парень... Ну а вы как: узнали что-нибудь?

- Вытри руки и садись кушать... Не доехал твой майор до рудника. Авария случилась по дороге... и шофер и майор оба погибли...

- А может, это погиб другой военный?

- Нет, сынок, эта дорога ведет только к нам.

Тетя Дуся глянула на Наримана, в глазах у него стояли слезы.

- А чемоданчик желтый не нашли?

- Ни машины, ни людей, ни чемодана.

Нариман поставил на стол недопитый стакан чаю.

- Значит все: можно возвращаться в детдом...

- Может, ты все-таки останешься у нас? Жить будем вместе, к осени, смотришь, и школу построят,- учиться пойдешь. Сколько ты классов-то окончил?

- Четыре.

- Вот и хорошо, пойдешь нынче в пятый... А в детдом мы напишем: так, мол, и так, остался на руднике...

- Нет, тетя Дуся, я поеду. Спасибо вам большое за все...

- Может, поживешь еще дня три-четыре? А в понедельник поедешь. Я тебя с шоферами познакомлю, будешь к нам в гости приезжать, хорошо?

- До конца недели останусь, ладно.

Не думал Нариман в эту минуту, что неделя окажется длинной-длинной...

Всему виной оказался акробатический кружок, который был организован при детдоме в прошлом, году. Организовали его после того, как ребята увидели американский фильм «Артисты цирка». В фильме показывали, как один из акробатов знаменитого трио «Каледонно» делает тройное сальто между небоскребами. Ни сетки, ни страховки, и все это на высоте пятидесятого этажа!

На другой день Нариман, Серега и Наташка повторили аттракцион, используя для этого два тутовых дерева, росших за сараем. Эксперимент закончился довольно печально: Нариман, который нес на себе основную нагрузку аттракциона и делал тройное сальто между тутовниками, на первом же витке зарылся носом в молодую крапиву. Наташа вывихнула руку, а Серега лишился двух передних зубов. Новое трио Кале-донно было уложено в госпиталь.

Нашлись желающие повторить неудавшийся аттракцион, но сторож детдома в корне пресек все эти попытки.

Прошел месяц, трио уже давно разгуливало на свободе, когда в детдом был направлен из гороно новый физорг. И как удивились ребята, увидев, что их новый учитель, делая по утрам зарядку,

преспокойно, без всякого усилия, крутит в воздухе одно сальто за другим!

Это известие всколыхнуло весь детдом, и через неделю состоялось торжественное открытие кружка 'Дашь сальто'.

Узнав, как начинало свою цирковую карьеру трио Наримана, физорг записал их первыми.

Прошло лето, и не просто лето, а три месяца упорных тренировок. И вот наступил тот долгожданный день, когда с личного согласия директора всему детдому был показан аттракцион 'тройное сальто между тутовниками'. От одного дерева к другому натянули для страховки волейбольную сетку, к верхушкам прикрепили самодельные трапеции, и трио Наримана под восторженные крики болельщиков повторило американский рекорд! Правда, вместо трех сальто Нариман сделал два, но в суматохе этого никто не заметил.

За ужином рекордсмены были награждены именными булочками и двойной порцией киселя.

- Ничего,- подумал Нариман, принимая награду,- в следующий раз я обязательно сделаю тройное!

Не успела тетя Дуся убрать со стола посуду, как в комнату вбежала Роза.

- Тетя Дуся, можно Нариман пойдет с нами купаться?- выпалила она одним духом.

- Почему ты у меня спрашиваешь? Ты спроси у Наримана.

- Пойдешь?

- Можно и пойти...

- А почему вы не купаетесь здесь, около дома?

- Ой, тетя Дусенька, тут такая мелкота, и камней очень много, а возле штольни чисто, глубоко и ни одного камешка!

Нариман вопросительно посмотрел на тетю Дусю.

- Ну что с вами поделаешь, идите, только смотри, сынок... Будьте осторожны...

Когда Роза и Нариман уже вышли из комнаты, она высунулась из окна и остановила их.

- Может, не пойдете сегодня. Сходили бы посмотрели, как взрослые в волейбол возле управления играют.

- А мы нырнем всего по разику и пойдем смотреть волейбол.

- Ну ладно, идите.

Возле моста их уже ждали Батыр и Булат. Они перебрались через шаткий висячий мостик и пошли вверх по правому берегу. Против штольни остановились и спустились по тропинке вниз.

Место, о котором говорила Роза, было действительно чудесное! Река вырывалась из горловины ущелья на простор, но тут же перед ней вырастала высокая каменная плотина. Вода с ревом бросалась на отполированные до блеска каменные бока крепости и в бессильной ярости устремлялась к узкому проходу, пробитому у левого берега. Здесь река просто неистовствовала: она подхватывала со дна подвернувшиеся под руку валуны и швыряла их в проход.

Все это было возле левого берега. Возле правого, охваченная каменным полукольцом вода, растратив на проходе все свои силы, успокаивалась и искрилась под лучами жаркого солнца, прозрачная и спокойная, как голубое летнее небо.

Ребята нырнули по разу и забрались на плоскую вершину камня греться. Роза бросила в воду камешек и не мигая смотрела, как он плавно скользит в воде и как белоспинные любопытные маринки подталкивают камешек блестящими носами.

Роза повернулась на спину и закрыла глаза.

- Знаете, мальчики, вот так чего-то хочется, а чего, и сама не знаю...

- А я знаю, чего ты хочешь,- сказал Булат,- хочешь скажу?

- Скажи.

- А варенья айвового дашь?

- Ладно, попрошайка, дам, говори. Ну говори, чего же ты ждешь?

- А зачем ты меня оскорбляешь?

- Булочка, миленький, я отдам тебе всю банку, только не обижайся.

- Ну ладно, если всю банку дашь, скажу. Тебе страшно хочется в кино, и мне тоже, угадал?

- Конечно, угадал, Булочка! Ты же такой догадливый! А в кино мне и вправду хочется. Последний раз мы с мамой ходили в прошлом году, смотрели «Волгу-Волгу», а потом взяли билеты на «Артистов цирка», но сходить не успели, папа машину за нами прислал, и мы уехали... Ой, как хочется в кино, и еще мороженого хочется...

- Мороженого мне тоже хочется,- сказал Нариман,- а фильм «Артисты цирка» я видел.- Нариман улыбнулся, вспомнив первое выступление своей труппы,- я даже научился делать двойное сальто, а если бы не уехал из детдома, уже наверно и тройное получилось бы...

- А не врешь ты?- усомнился Булат.- Это же тройное сальто! Его не каждый акробат сумеет сделать!

- Хочешь, покажу?

- Прямо здесь?

- Ну, конечно, тройное не знаю, получится или нет, а вот двойное сделаю.

Нариман поднялся и посмотрел, откуда удобнее будет оттолкнуться.

- А что если попытаться сделать тройное? Разбег взять с берега, повыше прыгнуть над камнем... а если не допрыгну, упаду спиной в воду. Подумаешь, два метра всего до воды!..

Нариман сошел с камня на берег и приготовился к разбегу.

- Булат, садись сбоку, будешь считать, сколько витков получится!

- Нариман, а ты не боишься? Ничего не случится?

Нариман засмеялся, показывая ровные белые зубы:

- Не бойся, Роза, не случится.

Почему-то только один Батыр оставался равнодушным ко всему происходящему. Он, правда, завидовал немножко Нариману, ведь не каждый сумеет сделать тройное сальто. Умей он делать сальто, он бы тоже похвастался. Но он не умел. Единственное, чем он мог похвастаться, это хорошим аппетитом. Однажды у Розы он на спор съел целую буханку хлеба и выпил полную кастрюлю молока... В тот день вся семья дяди Рустама осталась без хлеба, но зато Батыр ходил героем.

- Ты готов, Булка?

- Готов, беги!

Нариман разбежался, сильно оттолкнулся от камня... сальто... второе... третье... Третье Нариман не докрутил, он вскользь ударился головой о камень и пошел на дно.

Роза, Батыр и Булат с ужасом наблюдали, как ложится на дно безвольное тело Наримана, как волочит его по песку невидимое течение, унося все дальше и дальше.

Все трое стояли, схватившись друг за друга, и никто не мог и шага шагнуть, словно они навечно приросли к этому камню.

Первой опомнилась Роза, она отступила на шаг назад, и, все еще ничего не соображая, подпрыгнула и, выбросив вперед длинные худые руки, стремительно ушла под воду. Вслед за ней нырнул Булат, за Булатом, подняв фонтан брызг, мешком плюхнулся Батыр.

Наримана тем временем уже несло по течению, и только когда его подбило под большой валун, за которым горкой лежал мягкий податливый песок, Нариман пришел в себя и почувствовал, что сердце судорожно стучит, требуя воздуха, чувствовал, но подняться не мог - руки не слушались. Теряя сознание, он с силой оттолкнулся ногами, широко раскрыл рот и упал на руки подоспевшей Розы. На берег его выносили втроем, а дальше на спине понес Батыр. Возле моста они остановились передохнуть, и Нариман совсем пришел в себя. Теперь он шел сам, но при каждом шаге острая боль пронизывала голову.

Три недели провалялся Нариман в постели. Он бы мог встать и раньше, но Розина мама, тетя Фатима, сказала, что у него сотрясение мозга, и если он спокойно пролежит три недели, все пройдет.

Роза, Батыр и Булат с утра до вечера дежурили возле Наримана. Они читали ему книги, рассказывали, какие перемены происходят на руднике.

Когда подходила к концу третья неделя, Булат каждый день садился к изголовью и шепотом просил:

- А ну, потряси немного головой, если мозги не болтаются, значит все в порядке.

Ровно на двадцать второй день Нариман встал и потряс головой.

- Ну как?-взволнованно спросил Булат.- Не болтаются?

- Кажется нет.

- Значит все в порядке. Вот только жалко, что ты уже не сможешь делать тройное сальто...

- Кто тебе сказал?- И Нариман, подпрыгнув на месте, сделал сальто.- А ты говорил, что не могу...

Прошел месяц, как Пауль находился в городе. На третий день после прибытия он устроился на перевалочную базу рудника механиком. Времени свободного было много, и Пауль внимательно наблюдал, сколько машин уходит на рудник с грузом, сколько

возвращается с рудой. Он знал, что на руднике строится теплоэлектростанция, и что уголь для нее будут доставлять машинами из города.

Он знал и то, что дорога, по которой идут сейчас автомашины, очень ненадежная, и что на следующий год запланировано строительство шоссе.

В воскресенье он получил открытку: тетя поздравляла его с днем рождения и желала ему, родному племянничку Павлуше, много лет жизни и счастья.

Пауль расшифровал послание. «Тетя» приказывала перейти на основной участок. Вслед за ним на рудник должен был перебраться и Мурат.

Теперь Паулю нужен был удобный случай для перехода на работу на рудник, и случай такой скоро представился.

Как-то на перевалочную базу приехал старший горный мастер рудника. Приехал он получать оборудование.

Во время погрузки Пауль все время крутился возле машины, и когда к нему подошел старший мастер, он кивнул головой на механизмы:

- Хорошее оборудование прислали, если еще и в хорошие руки попадет, выработку можно будет увеличить вдвое.

Старший мастер бросил на Пауля внимательный взгляд и спросил:

- Ты что, разбираешься в горном деле?

- До войны училище кончал... на горного мастера...

- Так какого же черта ты здесь скамейки отираешь? Давай к нам на рудник, я завтра же тебя оформлю!

- Я бы с удовольствием, да документов нет.

- Куда же ты их дел?

- Написал на Урал тетке, должна прислать.

- Ну вот что, друг, не знаю, как тебя зовут?

- Павел, Павел Волков.

- Ну так вот что, Павлуша, как только получишь документы, сразу ко мне. Спросишь Гаршина Петра. Дом мой стоит на самой на горе, приедешь - увидишь, я еще окна не успел вставить. Ну, давай руку, жду.

Петр пожал Паулю руку, сел в кабину и кивнул шоферу:

- Тронулись, Алексей.

Вечером Пауль приводил в порядок «полученные от тетки документы». Он отклеил фотографию с диплома майора, осторожно свел его имя и фамилию. Когда диплом был готов, он принялся за большое фото, на котором майор, еще будучи старшим лейтенантом, был снят на фронте в окружении друзей по части.

К утру были подготовлены и паспорт, и военный билет, и диплом, и трудовая книжка.

Через неделю Павел Волков был переведен с должности механика перевалочной базы на должность горного мастера рудника. Поселился он в финском домике недалеко от старшего мастера. Через несколько дней на рудник перебрался и Мурат.

Тетя Дуся уговорила Наримана остаться на руднике. Роза, Батыр и Булат написали письмо заведующему детским домом, и начальник автобазы сам отвез письмо в город.

Через десять дней пришел ответ. Когда Нариман вернулся из магазина, письмо, оставленное почтальоном, торчало в двери.

Нариман зашел в комнату, положил хлеб на стол и вскрыл конверт. Письмо было от директора детдома.

Не успел Нариман дочитать письмо, как в окне показалась голова Булата.

- Нариман! Нарима-а-ан!
- Что ты орешь? Вот он же я.
- А я подумал, что тебя нет дома. Понимаешь, умер мой двоюродный дедушка, от него осталось ружье, настоящее, шестнадцатого калибра, с патронами, порохом, дробь есть немного и даже одна пуля, она как-то называется... на букву з! Вспомнил, жакан!
- Ну и что из этого?
- А то, что дедушка все это завещал мне!
- Скажи, а дедушку тебе нисколько не жалко?
- Жалко, конечно, но я же его никогда не видел!
- Почему же тогда ружье тебе оставил?
- И сам не знаю, но помню, так и написано: «Булату Асанову». Наверно, у них там в Джамбуле одни девчонки. Пойдем скорей, пока бабушка не пришла, она увидит и обязательно запрет все в свой сундук. Пошли?

- Я бы пошел, да тетя Дуся обещала на обед прийти, а я еще супа не сварил.

- Ну давай будем вместе варить, а потом сбегает к нам.

Пока Булат разжигал печку, Нариман начистил картошку и нарезал лук. Когда вода в кастрюле закипела, он опустил туда картошку; еще минут через пять - рис. Поджарил лук с маслом, с томатом, и тоже вылил в кастрюлю.

- Главное,- сказал Булат, чтобы сварилась картошка.- Как только картошка станет мягкой - значит суп готов. Ой, посолить мы с тобой совсем забыли, тащи соль!

Нариман принес мешочек с солью.

- Давай стакан!

Нариман принес и стакан. Булат набрал полный стакан соли и вопросительно посмотрел на Наримана.

- Как ты думаешь, этого хватит?

- А не много будет?

- Ну что ты! У нас кастрюля чуть побольше вашей, так бабушка туда целую банку сыплет...

- Тогда сыпь!

Булат опрокинул стакан в кастрюлю, размешал и протянул Нариману ложку с бульоном:

- Пробуй!

Нариман попробовал и скорчил гримасу.

- Что, недосолили?

- Наоборот!

Булат попробовал и тут же сплюнул.

- Да-а... Наверно у вас соль очень соленая. Знаешь что? Давай дуршлаг, мы сейчас гуцу отцедим и нальем чистой воды.

Когда суп закипел во второй раз, Нариман уже сам набрал из мешочка ровно полстакана соли и высыпал в кастрюлю.

- Ну вот, теперь будет нормально. Ну-ка, попробуй,- протянул он ложку Булату.

Булат попробовал и тут же выплюнул.

- Ну и гадость!

- Неужели опять пересолили?

- Черт его знает, что у вас за соль!

- Давай дуршлаг!

Из кастрюли еще раз вылили соленую воду и налили свежей. И когда вода закипела в третий раз, ребята осторожно, по щепотке добавляли соль и каждый раз пробовали.

После двенадцатой щепотки Нариман остановил Булата:

- Хватит, теперь хорошо. На, пробуй... Ну как?

- Ничего,- ответил Булат,- вода как вода, только нормально посоленая.

- Ты постой тут, посмотри, чтоб не выкипело, а я схожу за водой,- сказал Нариман и, подхватив ведро, помчался на речку.

Булат глянул в кастрюлю и пожал плечами.

- И чего ее кипятить? Все равно же она от этого жирнее не станет.

Булат напрасно рыскал ложкой по кастрюле, пытаясь поймать хоть одну картофелину, в воде, кроме двух-трех разварившихся рисинок, ничего не было.

Нариман принес воды, полил перед домом и ушел.

Пришла тетя Дуся. Она вошла в комнату и стала накрывать на стол.

Булат подошел к окну и, глядя, как старательно расставляет тетя Дуся тарелки, не выдержал, рассмеялся и зажал рот ладошкой.

- Ты чего,- обернулась на смех тетя Дуся.

- Ничего,- улыбнулся Булат,- если вы очень хотите кушать,- там есть кипяток,- показал он пальцем на печку и, задыхаясь от смеха, бросился бежать.

Когда Нариман рассказал, как они с Булатом солили суп, тетя Дуся долго смеялась.

- Иди, принеси из погреба помидоры,- сказала она, вытирая слезы,- а я картошки свежей нажарю. Ох, горе-повара...

Прошла еще неделя. Тетя Фатима разрешила Нариману бегать и купаться. Из детдома, от директора, пришло еще одно письмо, он не возражал, чтобы Нариман остался на руднике до начала учебного года. Больше всех обрадовалась Роза, когда узнала, что Нариман остается еще на целых два месяца!

- Вот здорово!- прыгала она.- Мы еще успеем сходить б горы за алычой.- Потом села, успокоилась и вдруг всплеснула руками:

- Ой! Как же я забыла! На первую штольню электровоз привезли! Булат с Батыром уже там! Побежали?!

Когда они, запыхавшиеся и усталые, добрались до штольни, рабочие уже устанавливали металлическую треногу. Булат и Батыр, забравшиеся на конек штольни, замахали руками.

- Что это за очкарик рядом с ними?-спросила Роза у Наримана.

- А я откуда знаю?

- Наверно новенький из города. Полезли к ним наверх?

- Не стоит,- удержал ее Нариман,- разве отсюда хуже видно?

Рабочие установили треногу, прикрепили к верхушке блоки и подвесили крюк. Шофер завел машину и осторожно подвел ее под треногу. Роза и Нариман подошли вплотную к машине, но один из рабочих взял их за руки и отвел в сторону.

- Не надо близко подходить, вот отсюда и смотрите.

Рабочий шел к машине, а Нариман, глядя ему в спину, мучительно думал, где он видел эту слегка прихрамывающую походку? Та же сутулая спина, те же волосы. Где и когда это было?

- Куда ты смотришь?- одернула его Роза.- Вон куда смотреть надо! Эх ты, самое главное прозевал!

Нариман нехотя оторвал взгляд от рабочего и повернулся. Электровоз уже стоял на рельсах, а возле него с ключами в руках хлопотали дядя Рустам, бородастый геолог и старший мастер.

К электровозу присоединили четыре вагонетки, и старший мастер побежал включать рубильник. Роза незаметно спряталась за спину Наримана.

- Чего ты испугалась?- улыбнулся Нариман.

- А вдруг он взорвется?

- Это же не бомба.

Дядя Рустам занял место водителя, дал звонок, плавно сдвинул с места состав и повел его в штольню. Ребята дождались, пока электровоз выкатит из штольни вагонетки, наполненные породой.

Когда вагонетки разгрузили, Роза подошла к отцу.

- Пап, а пап, прокати нас разочек!

- В следующий раз, доченька, когда работы будет не так много. А сейчас идите играйте, не болтайте под ногами, не мешайте.

Роза отошла от электровоза и махнула Булату и Батыру рукой.

- Все уже, больше ничего не будет, айда купаться.

Булат, Батыр, а за ними очкарик, спустились вниз, и ребята друг за дружкой бросились по насыпи к реке. Последним бежал Нариман,

бежал и чувствовал, как вслед ему пристально смотрели чьи-то глаза.

Купались долго, пока не замерзли, и когда уже не в силах были сдерживать дрожь, все разом бросились на горячий песок. Первой тишину нарушила Роза.

- Ой, мальчишки, с каким удовольствием я надела бы сейчас шахтерскую каску и села за рычаг электровоза... Вот вырасту и, честное слово, стану машинистом!

- Какой же из тебя машинист?- усмехнулся Булат.- Ты же до сих пор выключателя боишься! Вот я когда вырасту, то изобрету такую машину, чтобы она могла за день целую штольню прорыть!

- А я такую, чтобы сама рыла и сама крепила!- добавил Батыр.

- Мой папа сказал,- вмешался в разговор новичок,- что уже есть такая машина, которая сама роет, сама крепит и сама руду вывозит...

Никто из ребят еще не знал отца новичка и поэтому с ним не стали спорить.

Роза поднялась, сгребла в горку песок и села на нее, обхватив руками коленки. В глазах у нее забегали веселые чертики.

- Мальчишки,- сказала она шепотом,- а что если мы с вами откроем свою, настоящую штольню! Вот было бы здорово!

- А работать чем?- охладил ее пыл Батыр.- Молотков отбойных нет, фонарей нет, касок тоже нет!

- Есть,- подскочил с места Булат,- есть и молотки и каски!

Всех словно подбросило.

- Где?

- На складе!

Ребята молча опустили на песок.

- Кто же тебе их даст, голова ты огородная!

- Сам ты пузырь!- Этого добра целая куча валяется возле склада!

Кому этот утиль нужен?

- Хорошо, пускай утиль, но кто тебе этот самый утиль даст?

- Никто! Сами возьмем. Его же не охраняют. Не верите? Пошли, убедитесь сами!

- Пойдем, ребята,- решительно поднялась Роза,- если он нас обманывает, мы ему покажем!

Склад с оборудованием находился в левой верхней части ущелья у подножья горы, рядом с автобазой, в которой работала тетя Дуся.

Ребята подошли к складам и в нерешительности остановились.

Чего тут только не было! И длиннющие станки, и ящики величиной с дом, и корзины с большущими бутылками. Но больше всего было, пожалуй, бочек. Выстроенные в несколько рядов, они оградой тянулись до самой горы. Метрах в тридцати от бочек грудой лежал металлолом, свезенный сюда со всего рудника. Рядом с металлоломом лежала небольшая куча помятых фонарей, касок и изорванных в клочья курток.

Булат подвел друзей к куче и, довольный, кивнул головой.

- Что я вам говорил?

Ребята бросились разгрести кучу.

Отбойный молоток был всего один. Правда, он больше был похож на ломик с ручкой на конце, но что бы там о нем ни говорили, раньше этот кусок железа был настоящим отбойным молотком, и, может, именно этим молотком на руднике была открыта самая первая штольня...

Батыр уцепился двумя руками за рукоять и вонзил острие в землю. Остальные, окружив кучу, выбирали уцелевшие каски и фонари. И вот, когда они, обвешанные драгоценными трофеями, собрались идти домой, перед ними вырос сторож с настоящим ружьем в руках.

- Э-э!- крикнул он, наставляя на ребят ружье,- Куда опять тащите? Сейчас же положите все на место!

- Мы же первый раз...- начал оправдываться Булат.

- Ничего не знаю, положите на место. Не хватало еще мусор по всему руднику растаскивать. А я потом за вами собирай, да?

Ребята нехотя стали складывать рядом с кучей всю свою добычу.

- Кладите быстрее - и марш отсюда!- прикрикнул сторож.- И чтобы больше не появлялись, в следующий раз не пожалею, жигану солью по мягкому месту, аккуратно неделю будете в реке отмачиваться...

Сбросив с себя остатки шахтерского снаряжения, ребята молча двинулись по дороге. Шли и не оглядывались, потому что знали, что сторож сидит на бочке и смотрит вслед.

Возле дороги ребята присели на толстые бревна, которые лежали тут с самой осени. Машина тогда застряла в грязи. Когда ее не смогли

вытащить даже трактором, бревна сгрузили, и они уже около года лежали здесь без всякого применения.

Больше всех был равнодушен к этим бревнам Булат. Он предлагал и Розе и Батыру вырубить из них индейские пироги, потом предлагал сбить из них плот и поплыть вниз по реке. И когда Батыр объяснил Булату, что им вдвоем не сдвинуть с места даже самое маленькое бревно, Булат все равно не сдался.

- Плот нам, во как, может пригодиться! Ведь был же когда-то всемирный потоп, а вдруг он через месяц повторится снова?

- Это еще не известно,- возразил Батыр,- был этот потоп или нет. Мы же с тобой его не видели?

С того самого дня бревна называли «булкиным ледаколом», хотя строить из них ледакол Булат никогда в жизни не собирался...

Ребята сидели рядышком на бревне и грустно смотрели в сторону складов.

- Ой, мальчишки, что я придумала!- Роза вытянула шею и посмотрела, не видит ли их сторож.- Л что если мы...

Мальчишки столпились возле Розы и внимательно слушали ее торжествующий шепот...

По домам расходились воинственно настроенные и довольные. Батыр оглянулся и бросил на будку, в которой сидел сторож, прощальный многозначительный взгляд.

А что же делал сторож? Сторож все еще сидел на бочке и, довольный, потягивал свою обгорелую трубку. Если бы он только знал, какую шутку собираются сыграть над ним ребята, он бы не сидел на бочке и не курил бы преспокойно трубку. Он обнес бы свои склады тройным рядом колючей проволоки, а в самом центре поставил высоченную вышку с четырьмя прожекторами, по одному на каждую сторону...

- Ты где так поздно бегаешь?-встретил Розу отец. Они сидели с дядей Колей в накуренной комнате и опять спорили из-за этой самой штольни, которую никак не мог найти дядя Коля.

- А где мама?- спросила Роза.

- Мама на дежурстве. В духовке ужин, поешь и сейчас же ложись спать.

Пока Роза ужинала на кухне, дядя Коля ушел. Отец проводил его до калитки, вернулся, раскрыл настежь окна, и свежий ночной ветерок с гор ворвался в комнату и разогнал мрачные табачные тучи, сгрудившиеся возле абажура.

Роза убрала со стола, перемыла посуду и отправилась спать. Она ждала, что и отец ляжет, и тогда она осторожно включит у себя свет и немного почитает. Но отец не ложился. Включив настольную лампу, он с циркулем в руке склонился над картой рудника и все что-то колдовал, колдовал, пока Роза его не окликнула.

- Папа! А пап!

- Чего тебе, доченька?

- Папочка, скажи мне. если не секрет, почему вы потеряли штольню?

- Какую штольню?- удивился отец.

- А ту самую, из-за которой у дяди Коли борода.

Отец улыбнулся.

- Подожди немножко, я сейчас закончу работу и все тебе расскажу.

Через минуту он вошел в Розину комнату, подвинул к дивану стул, сел поудобнее и начал свой рассказ...

- Это случилось четверть века тому назад. Из Казахстана уходили разбитые белогвардейские банды, они сжигали аулы, угоняли скот, насильно уводили с собой людей. Один из таких отрядов уходил через ущелье, в котором мы сейчас с тобой живем. Я слышал от одного старика, что тогда здесь был небольшой шахтерский поселок и всего одна угольная штольня. Обозленные белогвардейцы сожгли поселок, а жителей и шахтеров загнали в штольню и взорвали...

Из-за гор выглянула большая круглая луна и залила все вокруг спокойным желтым светом. Роза, слушая рассказ отца, задумчиво смотрела на окутанные легкой дымкой вершины гор, и перед ее глазами, как в кино, проносились четкие картины страшной и жестокой трагедии, которая разыгралась где-то тут, совсем рядом, двадцать пять лет тому назад.

Операция «Страшная месть» была назначена с субботы на воскресенье. Ответственным за проведение операции был назначен Нариман. Он должен был встать раньше всех, разбудить участников и распределить, кто какую часть операции будет выполнять.

Единственное, что очень огорчало Наримана,- отсутствие будильника. Попросить тетю Дусю разбудить его было неудобно - она и так возвращалась с работы в эти дни не раньше двенадцати, а ложилась в час, а то и в два часа ночи.

Начало операции было назначено на пять часов утра, так что подняться надо было часа в четыре.

Нариман так и не сказал никому, что у них нет будильника. Правда, у тети Дуси были ходики, но не поднимешь же кровать на такую высоту, чтобы в четыре часа утра гирька стукнула тебя по голове. И Нариман решил сам изобрести будильник.

Чайник и ходики! Ходики и чайник! Идея поистине была проста и гениальна! Нариман тут же, не откладывая дела ни на одну секунду, принялся за работу.

Во-первых, из большой комнаты в маленькую были перенесены старые скрипучие ходики. Потом при помощи вилки и линейки было замерено часовое падение гирьки, принимая во внимание, что в момент пуска ходиков ответственная гирька находится на исходной позиции.

Раздобыв черный карандаш, Нариман начертил на стене прямую перпендикулярно полу. Затем прямая была разделена на отрезки, равные часовому падению ответственной гирьки. В точке пересечения прямой и штриха Нариман просверлил большим гвоздем отверстие.

В одиннадцать часов первая половина конструкции была готова, и Нариман приступил к выполнению второй части, где самую важную роль играл чайник.

В двенадцать тридцать было проведено короткое испытание, исправлены последние инженерные просчеты, и ровно в ноль часов двадцать пять минут по местному времени, приведя конструкцию в полную боевую готовность, Нариман лег спать.

Ночь была безлунная и тихая. В час ночи из штолен вернулись последние смены, и рудник погрузился в глубокий сон.

А время шло. За окном трещали сверчки, и мерно из стороны в сторону расхаживал неторопливый маятник.

Когда на руднике пропели первые петухи, ответственная гирька повисла рядом с отверстием, над которым была выведена цифра 3. А когда большой стрелке оставалось всего несколько делений до вершины, маятник вздрогнул, закрипел и остановился. Виной всему

был гвоздь, который торчал в отверстии с цифрой 4. Ответственная гирька скользнула по гвоздю и сбила с него веревочную петельку. Сама веревка была переброшена через спинку кровати, к которой был прикреплен чайник; на втором ее конце висело полкирпича.

Петелька соскользнула с гвоздя, кирпич шлепнулся на пол, увлекая за собой пробку, которая плотно закупоривала носик чайника. Как только выпала пробка, будильник пришел в действие и струйка холодной воды потекла под одеяло.

Это, пожалуй, был единственный просчет в проекте. По расчетам, струя должна была попасть точно в лицо автору, но она его пожалела и потекла под одеяло.

Нариман замахал во сне руками и отодвинулся к стене. А вода все лилась, лилась, и когда отодвигаться было некуда, Нариман перевернулся и оказался спиной в самом центре лужи!

Нариман подскочил, как ужаленный, сбросил на пол одеяло, ударился носом о стену и проснулся. Потом он нащупал на табуретке спички, зажег свечу и глянул на кровать. Лучше бы он не просыпался! Матрац, простыни, подушки - все было мокрое, но зато ходики показывали ровно четыре часа и ни минуты больше!

Нариман перевернул матрац, подушки, заправил койку, задул свечу и вылез в окно.

Возле Розиного дома Нариман остановился и трижды прокричал кукушкой, в ответ три раза ухнул филин, и из ворот вышли Булат, Роза и Очкарик. Вчетвером они направились к дому Батыра.

Батыр жил у реки в двухквартирном доме, сложенном из диких камней. Во дворе у Них бегала большая черная овчарка.

Ребята обошли дом и чтобы не потревожить овчарку, подошли к забору со стороны реки. Нариман ощупью нашел бечевку, отвязал ее от доски и потянул на себя. Полметра бечевка тянулась свободно, а потом вдруг задержалась. Напрасно ребята ждали, что в комнате Батыра вот-вот зажжется свет, но свет не загорался, и стало ясно, что Батыр вовсе не собирается вставать.

- Ну-ка, взяли вместе!- шепотом сказал Нариман.

Все ухватились за бечевку и разом изо всех сил дернули. Бечевка лопнула, и ребята кубарем полетели в воду.

Через минуту в комнате зажгется свет, и в форточке появилась голова Батыра.

- Кто там?

- Ты вылезай сюда,- пригрозил ему мокрый, дрожащий Булат,- вылезай, мы тебе покажем кто...

Голова Батыра исчезла, и когда изрядно продрогшие ребята собирались пойти без него, в форточке показались ноги Батыра. Толстяк висел в воздухе, схваченный четырехугольной рамкой форточки и выделявал ногами самые замысловатые фигуры.

- Я пойду вытащу его,- шепотом сказал Нариман.

Роза схватила его за руку.

- Смотри!

Из-за угла дома выскочила огромная овчарка и, став передними лапами на подоконник, стала водить носом вслед за ногами Батыра.

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, если бы не овчарка: Батыр нечаянно задел ее сандалией по носу и она, оскалив зубы, схватила его за штанину и дернула на себя. Батыр вылетел из форточки и мешком плюхнулся на землю. С минуту он лежал неподвижно, потом нехотя встал и поплелся к калитке.

- Ты что, с завязанными руками лез, что ли?- встретил его Булат.

- Да нет, заняты были. Не мог же бросить это,- сунул Батыр под нос Булату пышную булочку.

- Нельзя было бросить...- передразнил его Булат,- ты уверен, что этого тебе хватит до Северного полюса?

- При чем тут Северный полюс?- удивился Батыр.

- Спорить будете завтра!- остановил их Нариман.- Все в сборе? Пошли.

Ребята быстрыми шагами двинулись за Нариманом. Возле ледокола Нариман остановился.

- Все, дальше никаких разговоров! Ты, Булат, подберешься к бочкам, сядешь между ними и будешь следить за сторожем. Если он выйдет из будки, сразу подавай сигнал, понял?

- А какой мне подать сигнал, свистнуть?

- Свистеть не надо, лучше мяукни. А теперь иди, только смотри, осторожно, без шума...

Булат пробежал метров двадцать и потом упал на землю и пополз по-пластунски. Когда Булат был уже у самых бочек, Батыр бросился за ним.

- Вернись! Вернись, слышишь!- сердито крикнул ему вслед Нариман.

Батыр нехотя вернулся.

- Ты что, все дело хочешь испортить?

- А чего он мой завтрак с собой утащил?

- Ладно, один час потерпишь, не умрешь.

Булат добрался до бочек, залез в одну из них и послал фонариком в сторону ледокола два коротких световых сигнала.

- Пошли,- шепотом приказал Нариман, и ребята один за другим, низко пригнувшись к земле, бросились вперед.

До места добежали благополучно. Все лежало так, как оставили. Каски и фонари сложили в один мешок, отбойный молоток в другой и бесшумно поползли назад.

Отряд уже лежал за ледоколом, когда со стороны бочек донесся жалобный кошачий дискант.

Роза схватила Наримана за руку.

- Неужели он не заметил, что мы уже уползли?

Булат действительно ничего не заметил. Пока он поудобнее устраивался в бочке, ребята успели уже вернуться назад.

Устроившись, Булат осторожно выглянул и замер: держа ружье наперевес, в сторону ребят шагал сторож. Булат нырнул в бочку и трижды громко промяукал.

Кошачий вой не оказал на сторожа никакого действия. Он спокойно дошел до железной кучи и повернул назад. Булат выглянул вторично - теперь сторож шел прямо на него.

Булат торопливо надвинул крышку на голову и притих.

Больше всего он боялся, что сторож услышит громкий стук его сердца.

Он уткнулся головой в колени и старался не дышать.

Сторож тем временем подошел к бочке, сел на нее, положил рядом ружье, достал из кармана кисет с махоркой и стал неторопливо свертывать сигарку.

Ребята успели уже отнести добычу к Розе и вернуться, а Булата все еще не было. Батыр даже мяукнул несколько раз, но ответа не последовало.

Над рудником взошло солнце. Со стороны города прилетел кукурузник, сбросил свежие газеты и почту.

Из будки с котелком в руках вышел сторож и направился в автобазу за кипятком, а Булата все не было.

- Он, наверно, сидит в бочке и боится нос показать,- сказала Роза. Пойдемте, пока сторожа нет, вытащим его оттуда.

Первым до бочек добежал Батыр.

- Сюда! Сюда!- замахал он рукой.

Все бросились к Батыру. Он снял с бочки крышку: на дне бочки, свернувшись калачиком, спал Булат, а рядом лежала съеденная наполовину булка Батыра...

На ледоколе было устроено небольшое совещание. Добычу решили перенести к тете Дусе и там отремонтировать. Каски, фонари и отбойный молоток уложили в старую тачку и по очереди покатали по дороге.

Ремонт затянулся до обеда. Первым делом восстановили отбойный молоток: нашли в дровах подходящую по размерам чурку, разрубили ее посередине, гнилую сердцевину выбрали и обе половинки насадили на ломик молотка. Потом Гриша (так звали Очкарика) принес моток алюминиевой проволоки и баночку черного лака. Новый деревянный кожух молотка плотно обмотали проволокой, покрасили лаком и выставили на солнце сушиться.

После молотка приступили к ремонту касок и фонарей. Их по возможности выпрямили, очистили от грязи, покрасили и выставили рядом с молотком на солнце...

На другой день за двадцать минут до назначенного срока участники операции «Страшная месть» были в сборе. Булат потрогал пальцем густо покрашенную каску, лак к пальцам не приставал. Булат снял каску с изгороди, надел на голову и взял в руки отбойный молоток.

- Похож я на шахтера?

Ребята сняли с забора высохшие каски, фонари и сложили их на столе. Раздел инвентаря был поручен Нариману.

Роза примерила доставшуюся ей каску, а от фонаря отказалась.

- Зачем мне ваша мертвая железка, у меня дома над кроватью висит настоящий фонарь! Папа сдержал свое слово. Ой, мальчишки! Я же совсем забыла, помните. дядя Коля спорил с папой из-за угольной штольни? Я все узнала, папа мне все рассказал...

Ребята отложили в сторону каски, фонари и уселись вокруг Розы.

- В нашем ущелье еще до революции был маленький шахтерский поселок и всего одна угольная штольня. Когда в Казахстане устанавливали Советскую власть, партизаны захватили штольню и отсюда доставляли на верблюдах уголь в свои партизанские кузницы.

- Ну, а куда же делась эта штольня?-спросил Нариман.

- На поселок напали белогвардейцы и взорвали штольню.

Д жители, шахтеры?

- Шахтеры погибли, защищая поселок, а остальных белогвардейцы увели с собой.

Ух, гады...- процедил Булат сквозь зубы,- а где же были партизаны?

- Они через час прискакали в поселок, но уже было поздно...

- И белогвардейцев не поймали?

- Поймали, но не всех. Троицкому удалось уйти через границу в Китай...

Батыр медленно поднялся с места и решительно сжал большие кулаки.

- Мальчишки, а что если мы тоже будем искать эту самую штольню и найдем ее, а?- предложила Роза.

- Правильно!- поддержал ее Булат.- Тогда нам поставят памятник!

- Какой памятник?- удивилась Роза.

- Твой же папа сам сказал: «Кто найдет штольню, тому памятник!...».

- Он же пошутил...

- Пошутил? Тогда сам пускай и ищет.

Тут уж не выдержал Батыр.

- Ты не слыхал, как дядя Рустам сказал: «Будет уголь к зиме - дадим руду»,- а ему памятник нужен. Эх ты, статуя...

Батыр презрительным взглядом смерил Булата с ног до головы и отвернулся от него.

Выручил Булата Гриша. Все это время он о чем-то усиленно думал и наконец негромко, но уверенно сказал:

- Штольню мы все равно не найдем, мой папа сказал...

О том, что сказал Гришин папа, ребята не узнали, его перебила Роза:

- Неправда, найдем! У папы есть карта, на которой он каждый вечер отмечает пробуренный участок. Сегодня я посмотрю, где они еще не бурили с дядей Колей, и мы начнем свои поиски! Согласны?

- Конечно согласны!- ответил за всех Булат.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Едва солнце выкатилось из-за гор, маленький отряд выступил в поход. Впереди всех шли Роза и Нариман. За ними катил тачку с обмундированием Батыр. Колонну замыкали Булат и Гриша. Последний выглядел совсем по-походному: с одной стороны у него висела

фляга с водой, а с другой стороны какой-то круглый плоский предмет в аккуратнo сшитом чехле.

- А что это у тебя в мешочке?- полюбопытствовал Булат.
- Придем на место, тогда и покажу.
- Я же не прошу, чтобы ты мне показал, я спрашиваю, что?
- Секрет.
- Подумаешь,- обиделся Булат,- не успел приехать, уже секреты...
- Ну ладно, скажу, только чур никому ни слова... хорошо?
- Клянусь...
- Я изобрел прибор, который поможет найти нам угольную штольню...

- Вот это здорово,- удивился Булат,- так сразу и найдет?
- Не сразу, конечно, но найдет. Мой папа сказал...
- А как он действует?
- По принципу магнитной стрелки. Мой папа сказал, что все на земле состоит из атомов и молекул...

- И ты тоже?- усомнился Булат.
Гриша кивнул головой.
- Намагниченная железная стрелка всегда притягивается к железу, верно? Не к алюминию, не к меди, а к железу, потому что сама стрелка железная...

- Значит, чтобы найти уголь, стрелка должна быть угольная?! Вот здорово! И как я сам раньше до этого не додумался?

Отряд шествовал мимо дома Булата. Увидев Булата из окна, на крыльцо вышла бабушка и на всю улицу закричала:

- Булат! Була-а-ат!
Отряд остановился.
- Вы идите потихоньку,- сказал Булат,- я мигом.

- Ты куда это без завтрака отправился?- встретила его бабушка.- Пока не поешь, никуда не пущу.

Булат знал, что спорить с бабушкой бесполезно, поэтому он наспех проглотил свой завтрак и пулей выскочил из дому. Возле калитки споткнулся о железку, глянул под ноги - Магнит. Булат подобрал его, очистил от грязи, сунул в карман и бросился догонять друзей.

Отряд обогнул с левой стороны автобазу и вошел в глубокую расщелину и здесь остановился. Роза достала из кармана лист бумаги, развернула его.

- В этом ущелье дядя Коля не поставил еще ни одной буровой. На карте оно значится как ущелье номер пять. В первом, во втором и в третьем буровые работы уже закончены. С понедельника дядя Коля начнет бурить в четвертом...

- А вдруг уголь залегает очень глубоко?- перебил Розу Батыр.- Что же мы тогда будем делать?

- Ты же сам слышал, как папа сказал, что была штольня, а не шахта. А раз штольня, значит неглубоко.

- Давайте разделимся на две группы, и пройдем сразу по восточному и по западному склону,- предложил Нариман.

Гриша подмигнул Булату, поправил на боку свой искатель и потребовал слова.

- Мы не пойдем ни по западному склону, ни по восточному,- отрезал он,- мы пойдем по самому центру ущелья.

Роза хотела его перебить, но Гриша движением руки остановил ее, потом снял с плеча свой новый прибор и расстегнул чехол.

- Уголь нам поможет найти вот этот углеискатель «ГС-2».

Гриша торжественно положил перед ребятами старинную коробку из-под конфет. Все с удивлением посмотрели на коробку и пожали плечами. Не обращая ни на кого внимания, Гриша снял крышку, и ребята увидели большую черную стрелку укрепленную в середине. Дно коробки было разбито ровно на двенадцать частей и каждая часть выкрашена в свой цвет.

Предварительно Гриша прочел лекцию о земном шаре, который весь состоит из молекул и атомов, и в завершение осторожно постучал пальцем по стеклянной крышке первого в мире углеискателя.

Батыр, подкатив поближе тачку, оттер плечом Булата и склонился над прибором. Булат толкнул его локтем в мягкий бок, обошел и просунул голову между Розой и Нариманом. Пока Батыр с Булатом менялись местами, стрелка прибора дернулась, задрожала на оси и чуть сдвинулась вправо.

Гриша торжественно вытянул в сторону, указанную стрелкой, руку и голосом, не признающим ни малейших возражений, сказал:

- Уголь будем искать в верхней части ущелья. Отклонение от центральной линии ущелья - тринадцать градусов.

Гриша осторожно поднял с земли прибор и, держа его на вытянутых руках и мягко ступая, направился к горловине ущелья. По бокам, не отрывая глаз от замершей в одном положении стрелки, шагали Роза и Нариман. Сзади, поминутно заглядывая через плечо Гриши, словно цапля, вышагивал Булат. Метрах в десяти от всей группы, выбиваясь из сил, катил груженную шахтерским снаряжением тачку Батыр.

Стрелка замерла и не двигалась с места, Булат обошел Гришу слева и пошел вперед.

- Движется!- закричал не своим голосом Гриша.- Смотрите, движется!

Стрелка действительно дрогнула и повернулась налево. Повернул и Гриша, а вслед за ним Роза и Нариман. Они прошли мимо удивленного Булата, но не успели отойти и на метр, как стрелка круто повернулась на оси и опять показала на юго-восток.

Гриша остановился:

- Странно что-то...- сказал Нариман.

- А что тут странного?- возразила Роза, просто все ущелье стоит на угле!

Теперь уже Булат шел впереди, а все остальные за ним, но шел Булат именно в ту сторону, куда показывала стрелка. Возле густого кустарника он остановился, раздвинул колючие ветки и ахнул. Прямо перед ним зияло черное отверстие пещеры.

- Ура! Я нашел штольню!-закричал на все ущелье Булат, и нырнул в пещеру.

К кусту бросились Гриша, Роза, Нариман и Батыр. Перед кустом все замерли: стрелка прибора показывала точно на пещеру.

Под восхищенные взгляды товарищей Гриша спрятал драгоценный прибор в чехол и повесил его на куст.

Из пещеры выскочил Булат. Лицо у него было явно растерянное.

- И никакая это не штольня,- сказал он глухо,- самая обыкновенная пещера.

- Ничего, мальчишки, пускай будет пещера, наверно, кто-нибудь до нас тут копал, но у него не хватило терпенья, а мы обязательно докопаемся до угля!

Батыр подкатил тачку и вывалил на траву груз.

- Разбирай доспехи!

Ребята все бросились к молотку и стали тянуть его в разные стороны.

- Подождите, мальчишки, не спорьте,- пыталась успокоить их Роза.- Давайте бросим жребий, кому достанется, тот и будет работать отбойным молотком.

Роза подняла с земли соломинку, разломила ее на четыре части.

- Кто вытянет самую короткую, тому достанется молоток. Тяните.

Самую короткую соломинку вытянул Гриша. И так как благодаря его прибору была найдена штольня, все согласились с тем, что именно Гриша поднимет первый пласт породы, за которым скрывался уголь.

Больше всех расстроился Батыр.

- А что же я буду делать?- развел он руками.

- Как это что?- удивилась Роза.- Ты будешь возить породу.

- Почему весь день я один должен возить эту тачку?

- Кто же кроме тебя, Батырчик? Ты же среди нас самый большой, самый сильный, самый толстый...

Батыр бросился за Булатом, но тот как коза взлетел на горку и спрятался за кустом.

- погоди, я тебе покажу! - погрозил он Булату кулаком.- Ты у меня будешь еще прощения просить!

Над кустом появилась голова Булата.

- Прости, Батыр, я больше никогда не буду!

- Честное слово?

- Честное, пречестное!

- Ну ладно, вылезай!

Роза разделила между ребятами инвентарь: каждому досталось по каске, по фонарю и по лопате.

- Эх, сфотографироваться бы сейчас!

Булат поправил на голове каску и подвесил к платку на шее фонарь.

- Ну чем не шахтер, а? Давайте завтра сфотографируемся.

- Успеем, сначала надо уголь найти, ..

- Пошли...

Пять часов трудилась бригада не покладая рук. Возле кустов вырос целый курган. Каждые полчаса Гриша доставал из кармана маленькую рулетку и тщательно измерял длину проходки. И когда был преодолен третий метр, Гриша и Булат вдвоем выкатили из штольни тачку, доверху наполненную породой и тут же у выхода, не в силах продвинуть ее и на сантиметр вперед, плюхнулись на землю, потные, грязные, но счастливые. Вслед за ними выскочила Роза с кусочком угля в руках.

- Ура! Есть уголь!

- Ура! Ура! Ура!-трижды ответило эхом ущелье.

Из штольни выбежал Нариман, а вслед за ним и

Батыр с отбойным молотком на плече. Уголек пошел по рукам.

- Это же древесный,- сказал Гриша.

- Не может быть!- возразила Роза.

- Ну-ка, дайте мне!- Нариман взял в руки уголек и, отломив кусочек, растер на ладони.- Конечно древесный. И потом настоящий уголь... он же тяжелый...

- А может, мы натолкнулись на залежи древесного угля? Вот будет здорово! Еще никто на свете не открывал залежей древесного угля, а мы откроем.

Гриша внимательно посмотрел на Булата, серьезно тот говорит или шутит, и, поняв, что Булат говорит серьезно, спросил у него.

- Карманы у тебя есть?

- Есть,- ответил Булат, не ожидая подвоха со стороны Гриши и оттопыривая оба кармана,- а что?

- Держи пошире...

Батыр воткнул острием в землю отбойный молоток и начальственным тоном приказал:

- Хватит сидеть, пошли работать.

- Не хотим больше работать,- сказал Гриша.
- У нас забастовка,- поддержал его Булат.- Выдашь нам по куску колбасы, будем работать, не выдашь - работай сам.
- Значит, не будете?
- Не будем!

Батыр поправил на шее платок, сдул с каски пыль и, уперев левую руку в бок, надменно посмотрел на ребят.

- С сегодняшнего дня вы уволены, господа!
- Кто уволен?- вскочил Булат.- Ребята! Бей капиталиста!

Все с громким криком бросились на Батыра. Живой клубок покатился по земле. Ребята настолько увлеклись игрой, что не заметили, как по склону спустился человек с ружьем за плечами, остановился рядом.

- Привет, шахтеры!

Куча моментально рассыпалась, и ребята, не поднимаясь с земли, с удивлением уставились на пришельца.

- Новую штольню решили открыть?- кивнул он головой на земляной холм. Ого, да у вас и техника!- удивился мужчина, увидев отбойный молоток.

Он снял с плеча ружье, сел на тачку, достал из кармана кисет и свернул сигарку.

- А что добывать решили, если не секрет?
- Уголь,- ответил за всех Булат.
Ребята осуждающе глянули на Булата.
- Уголь?- удивился мужчина.- Кто же вас надоумил искать здесь уголь? Если он и есть, то, вероятно, залегает на большой глубине.
Тут уж не выдержала Роза.
- Скажите, вы ничего не слыхали про угольную штольню?
- Нет, не слыхал.

Ребята наперебой бросились рассказывать незнакомцу о штольне. Тот засмеялся и замахал руками.

- Погодите, не все сразу. Ну вот вы,- показал он на Розу,- вы расскажите.

Роза подробно рассказала все, что знала об угольной штольне. Мужчина слушал очень внимательно, не перебивая. Когда Роза закончила рассказ, он втоптал окуроч в землю и поднялся.

- Интересно, очень интересно. Но найти эту штольню будет совсем не легко... Так вот, дорогие мои шахтеры, зовут меня Павел Иванович, живу я на правом берегу в новом финском домике. Если вы хотите, чтобы я оказал вам посильную помощь, милости прошу завтра вечером ко мне в гости. Мы подумаем вместе, как нам быстрее отыскать вашу штольню.

Домой ребята возвращались усталые, испачканные, голодные. Впереди всех катил пустую тачку Батыр. Возле дома их встретила тетя Дуся.

- Боже ты мой! На кого это вы похожи? И каски, и фонари: ну прямо шахтеры!

- А вот приедет мой дедушка, я его попрошу, чтобы он отдал мне свою куртку и сапоги - вот тогда я буду совсем как настоящий шахтер,- похвастался Булат.

Он хотел еще что-то сказать, но каска съехала ему на нос.

- Да сними ты ее,- рассмеялась Роза,- а то нос только и видно.

- Не надо снимать, лучше вот так надень,- Батыр повернул каску задом наперед.

- Хватит вам над парнем измываться,- сказала тетя Дуся,- идите лучше чай пить...

Ребята разошлись поздно вечером. Тетя Дуся стала убирать со стола, а Нариман отправился спать.

Он аккуратно постелил постель, достал из кармана гвоздь, вставил его в отверстие против цифры «восемь», заглянул под кровать - вторая половина агрегата отсутствовала.

Нариман выглянул в дверь.

- Тетя Дуся, а где мой...

- Выкинула. Перед соседями стыдно, что это вы, говорят, каждый день матрац сушите?

Она подошла к комоду, выдвинула верхний ящик и достала небольшую коробку.

- На вот.

Нариман открыл коробку и вытащил оттуда новенький синий будильник.

- Спасибо,тетя Дуся.

Он завел будильник, поставил стрелку на восемь часов и лег.

- Спокойной ночи, тетя Дуся!

- Спокойной ночи, спи...

Засыпая, Нариман подумал, что пора ему уже возвращаться в детдом. Он пытался сосчитать, сколько же дней он уже на руднике? Пытался, но не мог. Вдруг ему показалось, что он уже давным-давно живет тут, что не было никакой войны, и что если он встанет сейчас и заглянет в большую-комнату, то обязательно увидит за столом отца, мать. Она улыбнется Нариману и скажет:

- Спи, глупышка, мы же тут, мы никуда не уходим...

Нариман вытер концом простыни капельки, неизвестно откуда упавшие вдруг на щеку, повернулся на правый бок и уснул.

После обеда Нариман пошел к Розе. Шел он на этот раз верхом, по главной дороге. Он все еще надеялся встретить майора. И потом вообще интереснее было ходить по главной дороге: по ней шли со смены шахтеры, проезжали машины, груженные лесом.

Не доходя до управления, Нариман повернул направо, обошел управление и остановился. Вчера еще был тут пустырь, заросший густой травой, а сегодня рабочие уже снимали опалубку с высокого фундамента. Нариман подошел к одному из рабочих и спросил:

- Скажите пожалуйста, а что тут будет?

Рабочий повернулся и вздрогнул.

- Школа будет,- сказал он и тут же отвернулся.

Нариман не спеша уходил от стройки и все думал, где он мог видеть этого рабочего?

Нариман подошел к Розину дому, но опять так и не вспомнил, где он встречался с этим человеком.

В комнате у Розы сидели Гриша с Батыром и увлеченно листали книги по горному делу. Нариман подсел к ним и стал рассматривать штольни и шахты, а потом, когда увидел на снимке белый двухэтажный дом, вспомнил о школе.

- Угадайте, что я сегодня видел?

- Буровые новые поставили?

- А тебе только буровые и снятся, тебе бы мальчишкой быть, а не девчонкой.

- Кинопередвижка приехала?- спросил Гриша, неохотно отрываясь от книги.

- Школу начали строить.
- Где?- подскочили все разом.
- На пустыре за управлением!..

Не успели ребята удивиться, как в комнату вихрем влетел Булат и, прыгая на одной ноге, запел:

- А что я знаю! А что я знаю!
- Что ты знаешь?

- Дашь варенья, скажу.
- Школу, что ли, начали строить?
- А-а... откуда вы знаете?

- У тебя на лбу написано!- засмеялся Батыр. Булат подошел к зеркалу и внимательно посмотрел на свой лоб.

Когда ребята подошли к стройке, рабочие уже установили леса и с четырех сторон начали выводить углы. Ребята сгрудились у самых лесов и, не отрывая глаз, смотрели, как ловко ложатся кирпичи один на другой, поднимая все выше и выше торопливую лесенку.

Когда у рабочего кончился раствор, он отложил в сторону мастерок и повернулся к ребятам:

- Помогать пришли?
- А возьмете?

- Возьмем, почему же не взять? Приходите дня через три-четыре, когда внутренние стены начнем выводить, тогда нам помощники во как будут нужны. А пока гуляйте.

Ребята хотели уже уходить, как вдруг Булат нырнул под леса и замер там.

- Ты чего, Булка?- удивилась Роза.

Булат приложил палец к губам и показал на дорогу, где с ружьем в руках шагал сторож.

- Эх ты, трусишка,- засмеялся Батыр.- Нашел чего пугаться, вылазь!

Булат выбрался из-под лесов, отряхнулся.

- А вдруг бы он узнал меня?

- Как он мог узнать тебя, если ты в бочке сидел? Ребята договорились встретиться вечером у висячего моста и разошлись. Роза пошла с Нариманом.

- Ты что собираешься делать дома, может, пойдем купаться?
- Надо рубашку выстирать, не пойду же я в такой грязной.

Пока Нариман разжигал мангал, Роза сходила на речку за водой. Потом Нариман выволок из сарая корыто, вытащил из кармана рубашки маленькую потертую фотографию, а рубашку бросил в корыто.

Роза взяла со стола фото и стала его рассматривать.

- Кто это, Нариман?

- Мой папа.

- А где он сейчас?

- Не знаю. Последнее письмо я получил перед тем, как пришли немцы. Я написал в Симферополь, туда, где мы раньше жили... Если бы найти майора...

- А ты больше никуда не писал?

- Нет.

- Знаешь что? Давай напишем письмо в министерство... Ой, забыла, как оно называется, ну то самое, которое войной заведует!

- Обороны?

- Ага! Напишем?

Нариман достал бумагу, чернила, ручку.

- Давай, я буду писать,- предложила Роза.- У меня почерк хороший.

Роза села за стол, обмакнула перо в чернила и крупными буквами вывела: «Дорогое министерство обороны...»

- Подожди,- остановил ее Нариман.- Нельзя, наверно, так... «дорогое министерство»... это же не человек.

- Но там же люди сидят... так они скорее найдут.

Роза дописала письмо, положила в конверт и тщательно вывела адрес:

Москва. Министерству обороны.

- Готово, держи!

Взявшись за руки, они побежали к управлению, где висел единственный на весь рудник почтовый ящик.

Они постояли возле почтового ящика и когда Нариман просунул наполовину конверт в щель, Роза схватила его за руку.

- Подожди! Давай загадаем, исполнится наше желание или нет. Я когда что-нибудь делаю, всегда загадываю.

- А что же мы загадаем?

Низко над рудником, высматривая легкую добычу, кружил орел.

- Я сейчас закрою глаза и буду считать до десяти, если орел за это время улетит, значит, наше желание исполнится.

Роза закрыла глаза и стала медленно считать. Досчитав до шести, она спросила:

- Ну как, не улетел еще?

- Нет, еще кружится.

Роза стала считать в два раза медленнее. Орел сделал над рудником последний круг и, убедившись, что тут ничем не поживишься, энергично заработал крыльями и растаял в прозрачной синеве.

Досчитав до девяти, Роза опять остановилась.

- Ну как, улетел?

- Давно...- улыбнулся Нариман.

- Правда?

Роза радостно захлопала в ладоши.

- Десять! Опускай!

Нариман опустил письмо в ящик и захлопнул заслонку.

К заходу солнца ребята собрались у висячего моста. Последним пришел Булат. Он посмотрел на каждого в отдельности своими всегда смеющимися глазами.

- Ну вот, теперь мы все в сборе,- и первым ступил на шаткий мост.

Возле дома их встретил Павел Иванович.

- А-а! Шахтеры, привет! Очень рад вам, заходите!

Ребята вошли в ярко освещенную комнату и, удивленные, остановились: между двумя окнами висели ружье и фотоаппарат, а остальные три стены были увешаны фотографиями. Особняком над кроватью висел большой портрет женщины и двоих девочек.

Ребята бросились рассматривать многочисленные фотографии. Каких тут только не было снимков: хозяин дома на Красной площади, вот ему командир вручает награду, а вот он с охотничьими трофеями.

Розу больше всего заинтересовал большой портрет.

- Скажите, это ваша жена?

- Да. .

- А дети тоже ваши?-спросил Булат.

- Дети тоже мои. Похожи?

- Как три капли воды.

Как две капли,- поправила его Роза.

А может, они похожи больше, чем две капли!

Нариман подошел к углу, где висели военные фотографии, и замер: со стены на него с улыбкой смотрел отец! Нариман хотел что-то сказать, но у него пропал голос.

Не говоря ни слова, он схватил за руки хозяина дома и подвел его к стене.

- Это мой папа...

- Значит, ты Музафарова сын?

- А вы не знаете, где он сейчас?

- К сожалению, нет. Это фото было сделано в сорок третьем, нас в этот день выписали из госпиталя, и мы на прощанье сфотографировались. С тех пор я его больше не встречал...

- А он вам про меня ничего не говорил?

- Как же, как же, конечно говорил. Вы во время войны были с матерью в этом, как его...

- В Симферополе были,- подсказал Нариман.

- Он мне даже улицу называл, но я не запомнил.

- Мы жили на Училищной, на Училищной!

- Так это рядом с бывшим кладбищем? В Симферополе я бывал, знаю... Ну ничего, ты не расстраивайся, мы обязательно разыщем твоего отца. Напишем письма всем моим фронтовым друзьям и кто-нибудь из них да откликнется.

- К нам в детдом приезжал майор, письмо от отца привозил, а я в это время был на вокзале...

- Я слышал об этом печальном факте. Но ничего, ты не унывай, мы разыщем твоего отца...

На столе грудой лежали конфеты, печенье, румяные баурсаки. И когда в большие голубые чашки был налит лимонад, хозяин дома взял в руки свою чашку и поднялся.

- Итак, мои дорогие друзья, я предлагаю сей тост за наше знакомство.

Все разом чокнулись и выпили.

- Меня зовут Павел Иванович, фамилия моя Волков. Павел Иванович Волков. Запомнили?

- Запомнили!- дружно прокричали ребята.

- Вас зовут Роза... Батыр... Гриша, тебя - Нариман, ну а тебя, если не ошибаюсь,- Булат.

- А-а... откуда вы узнали?- удивился Булат.

- По глазам. Имена я всегда узнаю по глазам.

Булат встал с места и внимательно заглянул каждому в глаза, пожал плечами и опустил на место. Ребята рассмеялись.

- Я кое-что узнал о вашей штольне,- сказал Павел Иванович, снова наполняя чашки лимонадом.- Но, судя по дошедшим до меня сведениям, искать ее надо не здесь, в ущелье, а выше...

- Значит завтра утром отправляемся в поход!- обрадовался Булат.

- Так поспешно действовать нельзя,- успокоил Булата Павел Иванович,- необходимо создать организацию, выработать совместный план действий. Вы согласны со мной?

- Согласны!

- Ну вот и хорошо, тогда разрешите первое заседание общества... а как же мы назовем наше общество?

Одно за другим посыпались названия.

- «Дашь уголь!»- предложил Батыр.

- Нет,- сказал Булат,- лучше «Дашь штольню!».

- Не подойдет,- вмешался в спор Павел Иванович,- название должно быть таким...

- А что если «Мы - шахтеры»...- предложила Роза.

Все одобрительно зашумели. Павел Иванович поднялся.

- Итак, первое заседание общества «Мы - шахтеры» разрешите считать открытым!

Ребята дружно захлопали.

- Кого вы считаете достойным занять место председателя?

- Розу! Розу!- в один голос закричали все.

- Итак, кто за то, чтобы председателем общества | Мы - шахтеры» избрать Розу? Прошу поднять руки. Раз, два, три, четыре, пять,- пересчитал Павел Иванович поднятые руки.- Единогласно!

- Ну, а кто претендует на пост секретаря?

- Булат торопливо поднял руку.

- Я.

Глядя на Булата, подняли руки и остальные.

- Что, и... и... вы тоже?- удивился Булат.

- Мы за тебя голосуем.

Я тоже присоединяюсь,- поднял руку Павел Иванович.

Булат облегченно вздохнул.

- Значит, единогласно...

Выпив весь лимонад, съев печенье и конфеты, организация «Мы - шахтеры» решила:

1. Свято хранить тайну общества.

2. Не иметь в обществе секретов.

3. Горой стоять друг за друга.

Основной задачей общества оставался, как и прежде, поиск штольни. И еще ребята решили поработать на строительстве школы. Штаб общества решено было оборудовать в пещере. Больше всех это решение понравилось Булату.

- Правильно!- поддержал он Павла Ивановича.- Лучшего места для штаба нам не найти, я буду там от бабушки прятаться.

В девять часов вечера, поблагодарив радушного хозяина за прием, общество «Мы - шахтеры» в полном составе отправилось по домам.

На мосту ребята остановились. Отсюда, как на ладони, был виден залитый огнями рудник.

- А я и не думала, что наш рудник уже такой большой и такой красивый,- удивилась Роза.

Вдруг она схватила Наримана за руку.

- Ой, мальчишки, смотрите!

- Что?- испугался Булат.- Пожар, да? Где?

- Да не пожар! Вон туда, на тропу смотрите, над первой штольней. Видите? Погас огонек и опять зажегся. Погас...

- А вдруг это шпион какой-нибудь, а?- прошептал Булат.- Сидит себе за камнем и передает сигналы? Смотрите, короткий сигнал, а теперь длинный. Погас... Два коротких.

На хребте горы, между камнями, где проходила тропинка, связывающая штольню с рудником, не переставал мигать огонек.

Ребята перебрались на левый берег, добежали до начала тропинки и залегли за камнем. Лежали долго.

- Идет!- шепотом предупредил товарищей Нариман.

Ребята плотней прижались к земле и замерли. На дорожке показался мужчина. Он шел быстро, освещая себе шахтерским фонариком дорогу. Когда он был уже у моста, ребята выбрались из укрытия.

- Кто это?- спросил Нариман у Розы.
- Гаршин, дядя Петя, самый главный горный мастер.
- Значит, не он.
- А кто же?- возразил ему Булат.- Он же один спустился по тропе.
- Может, тот, кто подавал сигнал, и сейчас там сидит,- вмешался в спор Батыр.

- Знаете что, мальчишки, спорить будете завтра, а сейчас пошли домой, а то нам достанется.

Перевалило за полночь. Огоньки на руднике давно погасли, и только большие колючие звезды, повиснув над крышами сонных домов, горели все так же ровно и спокойно.

Пожалуй, никто на руднике не видел, как к дому Волкова метнулась тень и замерла под окном;- короткая и неподвижная.

Окно распахнулось - и человек, перевалившись через подоконник, сполз в комнату. Разговор состоялся короткий, больше говорил хозяин. Гость, не раскрывая рта, слушал и кивал головой.

- Ты был прав, мальчишка оказался тот самый, симферопольский. Хорошо, что он меня не запомнил. Постарайся не попадаться ему на глаза. Я займусь им сам. В воскресенье ты должен отыскать штольню, дорогу помнишь?

- Помню,- глухо ответил гость.

- Захватишь с собой инструмент, надо будет собрать аппаратуру и сообщить, что мы у цели.

Гость выбрался в то же окно и растаял в темноте.

Целую неделю ребята не видели Павла Ивановича. За это время они расширили пещеру, сколотили стол, скамейки вдоль стен, повесили карту. И еще Булат достал книжку с азбукой Морзе.

- Тире-тире-точка. Точка-тире,- твердил он, не переставая с утра до вечера.

Павел Иванович выезжал в город в командировку, а когда он вернулся, ребята нашли его в управлении и договорились о встрече.

Встреча состоялась в тот же день, после рабочего дня. Павел Иванович пришел со смены грязный, запыленный и устало опустился на скамейку. Он немножко сидел молча, потом прибавил света в фонаре и устало улыбнулся ребятам, сидевшим в ряд на самодельной скамеечке.

- Ну, рассказывайте, что у вас там произошло?

Роза по порядку рассказала, как они возвращались домой, как она заметила сигналы среди скал, и как они подкараулили старшего мастера дядю Петю Гаршина.

- Надо пойти и заявить в милицию,- предложил Батыр.

- А вдруг он совсем не шпион, что ты тогда будешь делать?- спросил Гриша.

Нариман повернулся к Павлу Ивановичу.

- Что же нам теперь делать?

- А вот что. Мы организуем за ним наблюдение и будем записывать каждый его шаг. Если что-либо заметим, примем меры. Но все это надо делать так, чтобы ни одна живая душа...

- А вдруг он взорвет штольню и убежит за границу?

- Не бойся, Булат, штольню он не взорвет, а через границу его не пропустят наши пограничники.

- Можно, я буду первый за ним следить?

- Ну что ж, первым так первым,- согласился Павел Иванович.- Розонька, составь, пожалуйста, график дежурств и повесь на стену. Все? С этим вопросом покончено? Теперь о времени и маршруте нашего похода.

Павел Иванович поднялся и подошел к карте.

- Я думаю, мы начнем отсюда, с этого участка, и будем постепенно продвигаться к руднику. Можно пробраться вот до этих порогов по левому берегу. За порогами есть узкое место, там мы соорудим мост и переберемся на правый - а там до самого ущелья можно идти вдоль реки.

Павел Иванович обвел ребят взглядом.

- Ну как, все согласны?

Ребята молча кивнули головами.

- Ну вот и хорошо. О времени нашего похода договоримся в понедельник. Пускай Нариман зайдет. В понедельник после восьми я буду у себя. А теперь все по домам.

Когда ребята вышли уже из пещеры, их остановила Роза.

- Ой, мальчишки! Я совсем забыла. Папа обещал в субботу повести нас в штольню. Он сказал, чтобы мы в три часа ждали его на тропе. Он нам все покажет, даже новый комбайн!

В столовой бабушки не было, в спальне тоже. Булат заглянул в кухню. Бабушка сидела на кушетке, сложив рядом высохшее белье, и не мигая смотрела на утюг. Увидев Булата, она встала и, наклоняив палец, притронулась к утюгу, утюг был холодный. Бабушка метнула на внука злой взгляд.

- Чтоб тебе верблюд на руки наступил!

Булат внимательно посмотрел на свои руки.

- Вечно вы, бабушка, ругаетесь!

- Я тебе сейчас поругаюсь! Я тебе поругаюсь! Я тебе две ноги в один ботинок загоню, козий ты сын!

Бабушка схватила со стола утюг и потрясла им перед самым носом Булата.

Булат выскочил в коридор и плотно прикрыл дверь, но бабушка не унималась.

- Что же ты с ним, с бедняжкой, сделал? Ведь он же совсем еще новый. Всего две недели, как мать из города привезла.

Булат осторожно приоткрыл дверь и просунул в щель голову.

- Я же его всего только один раз ремонтировал! Вы же сами меня просили!

- Просила я его!- запричитала бабушка.- Вы слышите, просила оказывается! А на чердаке который лежит, тоже просила? А плитка, а новый чайник, а часы, а...

Булат тяжело вздохнул, закрыл двери и отправился в твою комнату - сюда бабушкин голос не долетал.

Булат залез в книжный шкаф, вытащил большой толстый блокнот и химическим карандашом вывел на обложке: «Журнал поведения шпиона дяди Пети Гаршина», ниже добавил: «Начат 17 июля 1946 года». Потом он вернулся в залу, взял со столика будильник и мягкими неслышными шагами направился к себе.

- Ну-ка, повернись,- остановила его бабушка.- Покажи, что там у тебя?

- Ничего... будильник... мне надо завтра рано разбудиться...

- Я знаю, как тебе надо разбудиться! И до этого будильника уже очередь дошла! Сейчас же поставь его на место!

Булат нехотя поставил будильник на стол и вышел на крыльцо.

Где же раздобыть будильник? Вот если бы папа дал хотя бы на один день свои карманные золотые часы, но он не даст, потому что

золотые часы - подарок с его прежней работы.

Булат и не заметил, как подошел к Розину дому. Он радостно хлопнул себя кулаком по лбу и бросился к окну, но уже под окном, вспомнив свое обещание, резко повернулся и направился к двери.

- Здравствуй, Роза, ты дома?

- Как видишь... заходи. Чаю хочешь? Даже с вареньем.

Булат прошел, сел на диван и заговорщицким тоном спросил:

- Скажи, у вас часы есть?

- Конечно есть,- удивилась его вопросу Роза.

- Принеси, пожалуйста.

Роза сходила в спальню и принесла настольные часы с боем. Булат осторожно взял их, осмотрел со всех сторон и попытался запихнуть за пазуху.

- А поменьше нет?

- Нет, это самые маленькие.

- Жалко...

Кто-то громко постучал в дверь.

- Посмотри, Булка, кто там.

Булат выглянул в окно. Стучался главный геолог, дядя Коля, у которого была самая большая на руднике борода.

- Здравствуйте, дядя Коля!- приветствовал его Булат.- Вам кого?

- Здравствуй, Булат, мне Розочка нужна, она дома?

- Дома. Роза, это тебя!

- Здравствуйте, дядя Коля!- высунулась в окно Роза.- Вам что-нибудь надо?

- Папа сказал, что в сарае висит его ружье и патронташ...

- Я сейчас!- не дала ему договорить Роза и побежала на кухню за ключом.

Булат снял с крючка тяжелое двуствольное ружье и передал его Розе. Роза положила ружье на ящик и стерла с приклада толстый слой пыли.

Патронташ дядя Коля не взял, он сказал, что папин ему не подойдет. Роза повесила патронташ на место, вытолкала Булата, который уже копался в ящике с инструментом, и заперла дверь.

Булат не спеша возвращался домой и думал, как бы ему незаметно от бабушки взять будильник. Возле дома он остановился. С крыши,

глядя на него, жалобно мяукал соседский кот. Глаза у Булата загорелись, он подтащил к стене лестницу и бегом взобрался на чердак. На чердаке он откинул крышку большого бабушкиного сундука, который доверху был набит сломанными игрушками, электроплитками, чайниками, и всем другим, к чему прикасалась рука Булата. А поверх всего этого хлама лежал новенький синий будильник, который отец привез из Москвы полгода назад. Работал будильник всего один месяц. Однажды, когда все были на работе, Булат не выдержал и разобрал его на части.

После ужина Булат и бабушка сидели в столовой и каждый занимался своим делом: бабушка вязала Булату свитер, а Булат сидел и смотрел то на нее, то на будильник.

В девять часов бабушка положила вязание на стол. Булат поднялся - наступила пора действовать.

- Бабушка, хотите я вам почитаю?

Бабушка вскинула голову, протерла глаза.

- Почитай, сынок, почитай.

Булат подошел к этажерке, взял наугад первую попавшуюся книгу, раскрыл посередине и тихим монотонным голосом начал читать:

- Жил-был на свете генератор, который назывался электрическим прибором. Он всю жизнь преобразовывал механическую энергию и электрическую и никогда не просился на ремонт...

При слове «ремонт» бабушка вздрогнула и посмотрела на внука поверх очков. Булат, не обращая внимания, продолжал бойко перерабатывать книжный текст:

- Генератор был самым основным источником постоянного тока на автомашине. А однажды,- Булат тяжело вздохнул,- генератор заболел элек-тро-маг-нит-ной индукцией и ток про-пал...

Бабушка уронила вязание и тихо захрапела. Булат осторожно поднялся, неслышно подошел к столу, взял будильник и исчез в спальне.

Когда бабушка очнулась, будильник уже стоял на месте, а Булат, сидя на стуле, продолжал все так же монотонно читать:

- Долго искали механики, куда мог убежать ток..,

- Что ты читаешь?- не выдержала бабушка.

Булат глянул на обложку.

- «Устройство автомобилей», а что?

Бабушка первым делом глянула на будильник - будильник стоял на месте. Бабушка облегченно вздохнула, но тут же спохватилась.

- Вой-бой! Неужели я так долго спала, чего же ты меня не разбудил? Иди, сынок, скорее ложись спать, а то мама с папой придут со смены, мне достанется... иди, родной.

Булат положил книжку на место, пожелал бабушке спокойной ночи и пошел спать.

Стрелки будильника показывали ровно двенадцать.

Не успел утренний гудок пропеть над рудником свою веселую песню, как Булат был уже на ногах. Он затолкал за пазуху блокнот, будильник и вылез в окно.

Домик главного мастера дяди Пети Гаршина стоял на правом берегу у самого подножия Большого Орла. Домик был еще недостроенным и поэтому во дворе высились груды песка, кирпича и досок.

Хозяева дома еще спали. Булат, забрался за доски, выложил себе из кирпичей стул, столик, положил на столик блокнот, будильник и стал ждать.

Из укрытия Булату хорошо был виден и недостроенный дом, и сарай, и даже огород, на котором росли картошка и подсолнухи.

Проснулись хозяева поздно. Солнце стало уже изрядно припекать, когда из дома потягиваясь вышел дядя Петя. Он постоял немножко, щурясь на солнце, и стал делать зарядку.

Булат отгородился от солнца ладошкой и посмотрел на будильник. Стрелки показывали девять часов пятнадцать минут. Булат снова глянул в амбразуру - дядя Петя стоял согнувшись под умывальником и, громко ухая, окатывал себя холодной водой. Булат облизнул пересохшие губы и взялся за карандаш. В блокноте появилась первая запись:

В 9-15 проснулся утра,
Когда он проснулся.
Стояла жара...
Стал после зарядки
Плескаться и мыться...

В окно выглянула тетя Катя - жена Гаршина.

- Хватит тебе плескаться - иди кушать!

- Есть идти кушать!- ответил дядя Петя, вытираясь на ходу мохнатым полотенцем.

Булат стал ногами на кирпичную скамеечку и высунул голову из-за досок. Теперь ему хорошо было видно все, что делается в комнате.

Дядя Петя и тетя Катя сидели за столом, перед ними стояла сковорода, полная румяной поджаренной картошки, и чашка с красными помидорами. Булат проглотил слюну и сел на место. В блокноте появилась вторая запись:

В 10 часов сели кушать с женой...

У Булата жалобно заурчало в желудке, он погладил ладошкой живот и тяжело вздохнул.

Бабушка уже встала наверно, сварила картошки, почистила селедку, посыпала ее зеленым луком, залила маслом, уксусом... Ничто на руднике не мог так вкусно приготовить селедку, как булаткина бабушка. Булат сидел, уткнувшись мечтательным взглядом в будильник, и видел перед собой хвост селедки, очищенную картофелину и ломоть мягкого черного хлеба...

Тетя Катя поднялась из-за стола и вышла во двор за чайником. Увидев за досками Булата, она улыбнулась и сделала вид, что ничего не заметила. В комнате она спросила у мужа:

- Это чей парень у нас за досками сидит?

- Не знаю,- пожал плечами дядя Петя.

- Сходи, посмотри.

Гаршин вышел из дому и направился к сараю, за будущей крышей которого и сидел Булат.

В блокноте появилась третья запись:

В 10-15 забрался в сарай.

Зачем он забрался?

Пойди угадай.

Гаршин перелез через недостроенную стену сарая, прошел огородом и оказался за спиной ничего не подозревавшего контрразведчика.

Булат минут пять не отрывал взгляда от дверей сарая и потом снова взялся за карандаш:

Что-то он долго в сарае сидит...

Наверно, живот у бедняги болит

Гаршин зажал ладонью рот, чтобы не рассмеяться, и на цыпочках стал отступать к огороду.

- Ну что там? - встретила его на пороге жена.

- Механика нашего сынишка... - шепотом ответил Гаршин.

- А что он делает?

- Стихи про меня пишет...

- Стихи-то хорошие?

- Да как тебе сказать...

Дядя Петя вошел в комнату, надел пиджак, фуражку и громко сказал:

- Я пошел в управление.

Булат глянул на будильник, стрелки показывали ровно одиннадцать. В блокноте появилась четвертая и последняя запись:

11-00. Вышел из дому и пошел в сторону управления.

Иду по свежим следам. Булат.

Булат торопливо затолкал за пазуху блокнот и будильник и бросился догонять Гаршина. Булат догнал его возле моста и пошел за ним вслед на расстоянии десяти-пятнадцати метров.

Так они прошли через мост. Миновали магазин, пекарню, поравнялись с двухквартирными домами.

Возле одного из них Гаршин резко свернул за угол и исчез!

Булат от неожиданности остановился как вкопанный и вытаращил глаза.

- Вот это да! Сам же сказал, что идет в управление, а сам... Ага! Значит, сказал неправду! Обманул. Может, у них в этом доме явка?

Булат представил себе на миг, как он один раскрывает целую шпионскую организацию. Сорвавшись с места он вихрем влетел за угол, и... оказался в объятиях дяди Пети. Вдруг за пазухой громко затарахтел будильник! Булат схватился за живот, испуганно глянул на Гаршина и, вырвавшись у него из рук, бросился бежать...

Бабушка с утра не находила себе места. Она раз десять выходила на крыльцо и громко, на всю улицу, кричала:

- Булат! Булат!

Но никто не откликался. Уже и завтрак давно остыл, обед она принялась готовить, а внука все не было.

- Вот непоседа,- бурчала себе под нос бабушка,- если его силой не накормишь, будет весь день голодный бегать, потом отец и мать будут в один голос вздыхать:

«Ах, какой он худой! Ах, какой он бледный!». Ну, подожди ты у меня, чертов сын,- погрозила бабушка в пустоту сухим скрюченным пальцем,- я тебе покажу, как убежать без разрешения!

Бабушка вошла в столовую, глянула на будильник и всплеснула руками:

- Бог ты мой! Уже двенадцать часов! Двенадцать часов, а он все еще бегаёт голодный!

Бабушка взяла со стола будильник, протерла подолом стекло, решила завести и разинула от удивления рот - на задней крышке зияли четыре пустые дырки и не было ни одного винтика! Бабушка сорвала крышку и ахнула: вместо колесиков, зубчаток и пружин в коробке лежал тяжелый пыльный булыжник.

В субботу утром ребята собрались у Розы. Булат пришел не один, он привел с собой большого лохматого пса. Одна из передних лап собаки была забинтована, и пес прыгал за Булатом на трех, стараясь не наступать на больную ногу.

- Где ты его выкопал?- удивились ребята.

- Он у меня уже десять дней живет. Попал под машину и сломал ногу. Очень умный пес, я уже научил его считать до двух. Не верите?

Булат достал из кармана три ореха и положил их рядом на ступеньке, а сам отошел к калитке.

- Цицерон! Ко мне!

Собака послушно приковыляла на трех лапах.

- Цицерон, принеси мне два ореха! Два, понял?

Цицерон подбежал к крыльцу, взял в зубы один орех и принес его Булату.

- Молодец!-погладил Булат пса.- А теперь принеси второй,- и слегка подтолкнул пса вперед.

Собака послушно принесла второй, и когда хотела отправиться за третьим, Булат остановил ее:

- Молодец, правильно, ты принес ровно два, больше не надо, ложись.

Пес послушно лег у ног хозяина.

- Видели?- похвастался Булат.- К зиме он у меня будет знать таблицу умножения.

- А почему ты назвал его Цицероном?- спросила Роза.

- Знаешь, как он здорово лает! Позавчера он всю ночь выл, бабушка сказала, что если я не научу его молчать, она нас обоих выгонит со двора...

Сидели молча.

- Как еще долго ждать до трех,- вздохнул Гриша.- Может, сходим на речку?

- Пойдем лучше посмотрим, как школу строят,- предложил Нариман.

На два метра поднялись кирпичные стены школы над землей. Каменщики, видные по пояс над стеной, ловко вели кладку.

Ребята подошли к бетономешалке и стали наблюдать, как готовится цементный раствор. Отсюда перешли к транспортеру, но появился бригадир и, окинув ребят сердитым взглядом, приказал:

- Ну-ка, пионерия, марш отсюда!

Ребята не тронулись с места. Цицерон поднял больную лапу и зарычал.

- Кому я сказал?

- Мы помогать пришли,- сказала Роза,- мы же будем учиться в этой школе.

- А не сбежите через час?

- Не сбежим,- ответил за всех Нариман.- Честное пионерское.

- Становитесь тогда двое к бетономешалке, а вы -наверх,- показал бригадир на Булата и Наримана.

Через час ребята так увлеклись работой, что не замечали ничего вокруг.

Нариман, укладывая на стену раствор, почувствовал вдруг, что кто-то на него смотрит. Он повернул голову и встретил настороженный взгляд человека, который давно не давал ему покоя.

- Ты чего загляделся?- тронул его локтем каменщик.- Давай скорее раствор!

Нариман машинально перекидывал густой раствор из корыта на стену и все пытался вспомнить, откуда он знает этого человека.

- Кирпич давай, Роза!- закричал с правой стороны Булат.- Роза, кирпич!

- Роза!-молнией мелькнуло в голове.- Роза!- гулко забилося сердце.- Ну конечно, Роза! Маленькая Роза с желтой шестиконечной звездой на синем платице. Маленькая Роза, которую увели гестаповцы. Вспомнил!

Сразу стало легко. Словно глыба каменная свалилась с плеч. Нариман резко выпрямился и посмотрел в сторону незнакомца, но тот больше не оглядывался.

Каменщик положил мастерок на кирпич, достал из кармана кисет и свернул сигарку.

- Ну, как работается, не устали?

- Ничего,- ответил Булат,- только вот кушать очень хочется. Можно, я схожу домой покушаю?

- Э, нет,- сказал каменщик, доставая из кармана зажигалку,- так не пойдет. На это у нас есть обеденный перерыв. Если бы каждый рабочий уходил, когда ему захочется, на руднике не было бы ни одного дома.

Каменщик докурил сигарку и опять взялся за мастерок. Но работали недолго. Через полчаса Булат опять кричал Розе:

- Роза, давай кирпич!

- Нету больше кирпича,- развела Роза руками,- кончился!

Каменщик положил мастерок в корыто и поднялся на стену.

- Эй, бригадир!

- Чего тебе?

- Когда кирпич будет?

- Нет, кирпича, на семидесятом километре обвал!

- Значит, стоять будем?

- Зачем стоять? Пойдем электростанцию строить помогать, у них там кирпича много.

Мимо стройки проехали два грузовика, доверху груженные кирпичом.

- Смотрите! Смотрите!-закричал Булат.- Вон сколько привезли! На целую неделю хватит!

- Это не нам...- вздохнул каменщик.- Это соседям.

- А разве нельзя занять у них одну машину? - спросил Нариман.

- Нам займут, а сами стоять будут?

Каменщик досуха вытер инструменты и положил в мешочек. Глядя на погрустневших помощников, улыбнулся.

- Не расстраивайтесь, как привезут кирпич, приходите. Так и быть, возьму вас снова в свою бригаду, работать вы умеете.

Ребята договорились, что в три часа они встретятся на тропе возле штольни, и разошлись по домам.

Уже подходил к концу июнь, а из Министерства обороны до сих пор не было никакого ответа. Нариман и Роза каждый день выходили навстречу почтальону, но тот всегда отводил глаза и говорил, что министерству просто некогда.

Вот и сегодня, только Нариман с Розой подошли к дому, как навстречу им вышел почтальон.

- Принес я вам письмо из министерства, на окно положил.

Нариман бросился к окну, схватил пакет, разорвал его, но, прочитав первую страницу, протянул его Розе.

Роза подхватила письмо и торопливо пробежала по строчкам. Министерство обороны сообщало, что в связи с годовщиной окончания Великой Отечественной войны Никитина Евдокия Гавриловна награждается медалью «За победу над Германией».

- Ну вот, теперь у тети Дуси будет пять наград,- сказала Роза, вкладывая письмо в конверт.- Мы с тобой ее сегодня первыми поздравим. Ты не расстраивайся, ответ все равно придет. Министерство, наверно, получает по тысяче писем, разве ответишь на столько писем в один день? Это ведь каждого надо разыскать. А Павел Иванович написал своим друзьям?

- Говорит, что написал.

- И ему, наверно, пришлют такую медаль, он ведь тоже, как тетя Дуся, дошел до Берлина.

- Разве тетя Дуся воевала?- удивился Нариман.- А я и не знал.

- И еще как воевала, у нее два ордена, две медали, но она их никогда не надевает.

Нариман удивленно поднял брови.

- Не веришь? Пойдем, покажу!

Она затащила Наримана в комнату, выдвинула ящик комода и достала из-под белья плоскую картонную коробку, открыла крышку и со звоном высыпала содержимое на стол. Со дна коробки на ордена и медали упал точно такой же министерский конверт, на котором печатными буквами было выведено «Музафярову Булату».

Булат дрожащими руками раскрыл конверт и вытащил сложенный вчетверо лист. Черные буквы плясали перед глазами, находили одна на другую, а временами сливались в сплошную темную линию.

Нариман медленно отложил в сторону письмо и, упав головой на стол, глухо зарыдал.

- Что с тобой, Нариман?- испугалась Роза.- Что случилось?

Роза взяла со стола лист, развернула его и из всего написанного увидела только четыре слова... героически погиб... и... место неизвестно...

Роза отложила письмо и обняла Наримана.

- Не надо, не плачь, может, это совсем не правда, ты же сам говорил, что он был в партизанах. Они пишут, что место неизвестно. И если он погиб, майор оставил бы тебе письмо...

Роза уговаривала его, просила, но Нариман не поднимал головы. Тогда Роза опустилась на стул, уронила голову рядом с головой Наримана и горько-горько заплакала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мурат вернулся с работы расстроенным. Он прямо в сапогах свалился на койку и лежал, глядя в потолок, до поздней ночи. Не умывался, не ужинал и все думал, думал, а перед глазами проплывала его молодость. Молодость человека, оторванного от родной земли, прожившего всю жизнь в семье, которую ненавидел, но уйти не мог, потому что обязан был жизнью...

Несколько дней назад Мурат побывал на штольне, и все то, что происходило двадцать с лишним лет тому назад, он пережил заново...

Вся эта история началась с того, что он, не по годам рослый и сильный парень, был схвачен белогвардейцами и отдан в услужение барону Оскару Вольфу. С отрядом этого бывшего помещика осенью 1920 года Мурат навсегда покидал Казахстан, покидал, и не знал, что, оставляя эти широкие степи, он теряет Родину, родных и близких, человеческое достоинство...

Четвертый день уходил отряд от погони. Теряясь временами среди обломков скал, тропа поднималась все выше и выше, туда, где за хмурыми клочковатыми облаками смутно виднелся перевал. Люди шли, едва переставляя ноги, таща на поводу вконец обессиленных лошадей. До вершины оставалось совсем немного, когда идущий впереди полковник Вольф остановился. Тропа кончилась. Отсюда начинался скользкий каменный выступ, козырьком нависший над пропастью.

Полковник внимательно посмотрел вокруг - может, где-нибудь среди камней спряталась еще одна тропка? Но когда убедился, что этот путь - единственный шанс избавиться от плена и перебраться на ту сторону, он с большим усилием взобрался на седло и, подождав, пока остальные оседлают лошадей, махнул рукой.

Первым на вырубленный руками десятков поколений чабанов узкий проход ступил конь Мурата, за ним тронулись остальные. Кони ступали очень осторожно, прижимая запавшие бока к холодной каменной щеке выступа.

Мурат лег на шею лошади, опустил поводья и негромко подбодрил гнедого. Из-за поворота блеснуло утреннее солнце. Мурат облегченно вздохнул, чуть выпрямил спину - еще два-три метра и он на той стороне. Еще полтора метра... задняя нога гнедого скользнула по сырой скользкой поверхности камня. Конь дико заржал, и, ударившись крупом о стену, рухнул в пропасть.

Мурат медленно сползал вниз, лихорадочно ощупывая руками скат. Еще немного и... Мурат всем телом ощутил холодную пустоту под ногами, пальцы нащупали впадину и вдавились в нее. Идущий следом конь попятился и захрапел...

- Не останавливаться!- сквозь зубы приказал полковник.

Мурат крепко зажмурил глаза. Он старался не дышать и не слышать, как далеко внизу под ногами бурная Карасу перекачивает обросшие мхом валуны.

- Одна, две, три...- считал Мурат проходивших над головой лошадей, и вдруг тупая боль вдавила в камень одеревяневшие пальцы,- пять...- из нестерпимо яркого света выплыл родной аул.

- Шесть.- Перед ним встал старший брат Анвар, который ушел к партизанам, Айша, маленький Кадыр.

- Семь.- Холодная змея обвилась вокруг шеи Мурата и он потерял сознание.

Очнулся Мурат на траве.

- Благодарю полковника,- сказал один из казаков, протягивая ему флягу,- если б не полковник - хана тебе...

Отряд перевалил через перевал и спустился к реке. Полковник был уверен, что красные, которые четыре дня не отставая шли за ними буквально по пятам, теперь не догонят.

Возле реки остановились, напоили коней и завели их на всякий случай в густой ивняк.

Было жарко. Мурат окунул несколько раз горящее лицо в ледяную воду. Испуганная стая маринок бросилась врассыпную. Мурат набрал со дна блестящих, как спелые виноградинки, камешков и бросил вслед малькам. Десяток фонтанчиков взметнулся над водой и тут же растаял.

- Тихо!- негромко прозвучала команда.- Ложись!

Все залегли в траве и затаили дыхание. По тропе, лежащей от реки на расстоянии брошенного камня, важно вышагивали четыре

верблюда, тяжело нагруженные углем. Следом на низкорослой кобыле трусил старик с охотничьим ружьем в руках.

Караван пропустили, чтоб не поднимать лишнего шума, и снова двинулись вперед. Миновали одно ущелье, второе, впереди показалась длинная тонкая струйка дыма. Полковник приказал сойти с тропинки. Шли медленно, продираясь сквозь густые заросли шиповника, на ходу срывая крупные красные плоды. Выбравшись из шиповника, поднялись на пригорок. Отсюда все было видно как на ладони.

Внизу из-под груды камней бил родник, рядом с родником стояли три юрты. Тут же возле врытого в землю котла возились женщины. От юрт тропа тянулась прямо к штольне. Вот из штольни вышел кто-то, крикнул женщинам, а те в ответ замахали руками. Казаки голодными глазами уставились на юрты.

Четвертый день в отряде не было ни кусочка хлеба. Питались всем, что попадалось под руки: алычой, дикими яблоками, урюком. Слишком много было кровавых дел на совести полковника, и поэтому он старался поскорее добраться до китайской границы. Если бы в отряде была еда, он не стал бы останавливаться. Но выхода он не видел и поэтому решил еще на одно преступление.

Мурат остался сторожить коней, а полковник с казаками направился к юртам. Возле юрт отряд разделился на две части: большая часть во главе с полковником направилась к штольне.

Мурат сверху видел, как казаки расправились с женщинами и стариком, как полковник с тремя казаками вошел в штольню и вскоре выскочил оттуда без фуражки с окровавленным лицом. Видел, как собрал он в связку гранаты и метнул их в штольню.

Оба отряда вернулись одновременно. Два казака тащили в куржуме полусырую тушу барана.

Отряд наспех подкрепился и, уложив в походные мешки оставшуюся еду, двинулся дальше. Полковник, Мурат и еще два казака направились к вершине горы, остальной отряд пошел в обход. Встреча должна была состояться на границе. Не успел отряд разъехаться, полковник приказал своим спутникам спешиться и отпустить коней.

- Дальше пойдем пешком, иначе не пройти... - сказал он.

Когда они поднялись на вершину горы, Мурат оглянулся, над шахтой все еще клубилась пыль, а возле разграбленных юрт у трупа

убитой женщины стоял мальчишка. Сердце Мурата судорожно сжалось, и твердый комок подкатил к горлу.

Через неделю к штольне подошел партизанский отряд. Мальчишка все еще сидел возле матери, а рядом паслись давно не доенные козы.

Из тех, кто остался в штольне, откопать удалось только двоих.

- Это же Анвар из нашего аула!- узнал друга один из партизан...- Я слышал, что его младший братишка Мурат находится в отряде этого самого полковника...

Маленькому Кадыру в последний раз показали отца и мать.

- Неужели у Мурата поднялась рука на семью родного брата? - тихо спросил партизан, узнавший Анвара.

Ему никто не ответил. Над сонным ущельем громко треснул сухой залп.

Через двадцать лет Мурат с трудом отыскал штольню. Как и приказал ему молодой Вольф, он откопал аппаратуру и надежно спрятал ее в штольне. Когда Мурат возвращался назад, недалеко от рудника он встретил старого чабана с отарой овец. Разговорились. Мурат незаметно перевел разговор на двадцатые годы.

Глаза старика сразу заблестели, плечи выпрямились и голос стал увереннее.

- Мы тут целую неделю гнались тогда за одним отрядом, полковник у них командовал. Не один аул он тут разграбил... а под конец, у партизан шахта где-то тут была, уголь они добывали, так он шахту взорвал...

- А куда люди делись?

- Те, что были в шахте, там и остались, а жен их возле юрт прикончили...

- Много тут было народу?

- Народу-то было не много. Старый Есен из нашего аула - с двумя сыновьями и снохой, русский один, да еще, дай бог памяти, Азат, нет, Анвар с женой и сыном.

- А что, они и ребенка убили?- дрогнувшим голосом спросил Мурат.

- Мальчишка жив остался, друг Анвара его вырастил. Потом он учиться уехал в Ташкент, в училище поступил военное. Перед войной приезжал с женой и сыном. Жена красавица, и сын хороший был, сейчас ему лет двенадцать, наверно...

- А где они живут?

- Не знаю. Перед самой войной уехали в Крым, там он служил. Когда началась война, прислал два письма, и с тех пор никаких известий. Ну ничего,- тяжело поднялся старик с земли,- если жив остался - вернется,- все мы в молодости старались сбежать в незнакомые края за легким счастьем, а к старости возвращались назад - лучше родной земли не найти...

С этого дня словно кто-то подменил Мурата.

Кто он? Что он хорошего сделал за всю жизнь? Был слугой в доме человека, который уничтожил семью его брата. Носил на руках сына убийцы, а сына единственного брата, который всегда делил с ним последний кусочек лепешки, воспитывали чужие люди...

А этот сирота, который второй раз встречается на его пути. Разве он в чем-нибудь виноват? Убили отца, убили мать, а теперь Пауль постарается убрать и его. Мало этот Пауль на своем веку уничтожил женщин и детей. Он уничтожал, а я заботился о его здоровье, одежду стирал, оружие чистил... Надо было сразу, как приехал, явиться и сказать, вот так, мол, и так... а теперь уже поздно... Надо постараться хоть мальчишку спасти, но как?..

В субботу, как и обещал дядя Рустам, состоялась экскурсия в штольню. В три часа ребята собрались на тропе. Вскоре появился и дядя Рустам.

- Привет, партизаны!

- Здравствуйте, дядя Рустам!

- Все в сборе?

- Все!

- На электровозе хотите покататься?

- Конечно хотим!

- Ну, пошли тогда.

Ребята цепочкой двинулись за дядей Рустамом. Поднялись вверх по тропе, прошли у того моста, откуда дядя Петя посылал световые

сигналы. Ребята проходили тут много раз, но никогда не обращали на это место внимания. Правда, особенного тут ничего не было: тропа, как тропа, проходила она тут за невысокой зубчатой грядой, и только в одном месте полуметровая щель надвое рассекала каменный забор. Щель была ровной, гладкой, словно безымянный великан обрушил огромный меч на каменную гряду, рассек ее.

Ребята многозначительно переглянулись за спиной у дяди Рустама и по очереди заглянули в расщелину. Ничего подозрительного не оказалось. Весь рудник был виден отсюда как на ладони.

Возле штольни Рустам остановил ребят.

- Подождите здесь немножко, сейчас придет электровоз, и мы с вами поедем.

Ждать пришлось недолго, из штольни донесся веселый звонок и из горловины штольни показались одна за другой три пустые вагонетки, за ними маленький вагончик, а уже за вагончиком - электровоз.

Вагонетки нагрузили крепежным лесом, и электровоз тронулся. Ребята сидели на низенькой скамейке вагончика и во все глаза смотрели в узкие прорези окон. Электровоз остановился. Первым вышел Рустам и за ним и все остальные.

Субботняя смена уже закончила свою работу и только в дальнем конце штольни перемигивались тусклые огоньки. Ребята надели каски и двинулись в глубь штольни.

По дороге дядя Рустам рассказал ребятам, что та часть штольни, по которой они идут, называется штреком; трубы, укрепленные под потолком, служат для подачи в штольни воздуха.

- Я знаю,- сказал Гриша,- это называется вентиляцией.

Ребята подошли к освещенной части, отсюда штольня резко поворачивала влево.

- Я думала, что здесь штольня кончается,- удивленно произнесла Роза.

За поворотом сразу начинался забой.

- Совсем, как наша штольня,- сказал Булат.- Только чуть побольше.

Батыр провел рукой по шербоной каменной стене забоя.

- Сравнил, у нас там была сплошная глина, а тут гранит.

Ребята осмотрели бурильный станок. На стене, против которой был установлен станок, зияло несколько пробуренных отверстий.

- В эти отверстия,- объяснил дядя Рустам,- вставляется взрывчатка, к взрывчатке присоединяется бикфордов шнур. Конец шнура поджигают, и пока огонь доходит до взрывчатки, все шахтеры успевают покинуть штольню. После взрыва- стены выравнивают при помощи отбойных молотков, подпирают деревянными стойками, а породу грузят в вагонетки и вывозят.

Дядя Рустам показал ребятам отбойные молотки. Батыр поднял один из них и удивился:

- Ух, какой он тяжелый! Наш был в два раза легче!

К рукоятке молотка был прикреплен толстый резиновый шланг.

- А для чего шланг, дядя Рустам?-спросил Батыр.

- По шлангам подается сжатый воздух, который приводит в движение зубила молотка.

- Разве без сжатого воздуха он не работает?- удивился Булат.

- Конечно нет.

- А мы...- Булат хотел было рассказать, как они без всякого воздуха работали в своей штольне, но, увидев насмешливые взгляды друзей, осекся.

Пока ребята стояли в забое, мимо второй раз проехал электровоз, везя за собой вагонетки, доверху груженные крепёжным лесом.

Нариман выглянул из забоя. В штреке на большом расстоянии друг от друга висели электрические лампочки, которые едва освещали штольню.

Пока дядя Рустам объяснял ребятам устройство бурильного станка, Нариман решил заглянуть во второй забой, где, по рассказам Розы, был установлен проходческий комбайн.

Пройти к забою можно было только по колее - по обе стороны полотна в полуметре друг от друга стояли прислоненные к стене толстые обструганные бревна.

Нариман осторожно шагал в полутьме по шпалам, между которыми поблескивали лужи, затянутые тонкой нефтяной пленкой. Нариман шел и так внимательно смотрел под ноги, что не заметил, как впереди метнулась длинная тень, проскочила между бревнами и замерла.

Нариман прошел еще немного и почувствовал, что сзади кто-то стоит. Он сделал еще шаг вперед и повернул голову. Скользящая шпала вырвалась из-под ноги и Нариман с размаху плюхнулся в пахнущую нефтью лужу. В ту же секунду на спину ему обрушилось тяжелое бревно. Ободрав Нариману ухо, бревно ударило тупым концом об рельсы и скатилось в сторону.

На шум из забоя выскочили ребята и дядя Рустам. Подъехал электровоз и осветил прожектором лежащего между рельсами. Все бросились к Нариману, но он поднялся сам. В каменные своды штольни ударил громкий раскат смеха: уж больно смешно выглядел Нариман в ярких лучах прожектора. С носа, с уха, с растопыренных пальцев струйками сбегала мутная жидкость. Глядя на смеющихся, улыбнулся и Нариман.

Смеялись долго, пока не раздался настойчивый звонок электровоза. Смеялись, но никто не знал, что, не поскользнувшись Нариман на шпале, тяжелое бревно, пущенное сзади уверенной рукой, размозжило бы ему голову.

Вдоволь насмеявшись, ребята сели в вагончик и выехали из штольни. Дядя Рустам принес пучок чистой пакли, и все наперебой принялись очищать не в меру любопытного друга.

К ребятам подошел Павел Иванович.

- Ты где это так вымазался?- удивился он.

Ребята бросили в ящик паклю и побежали мыть руки. Нариман подошел вплотную к Павлу Ивановичу и шепотом сказал:

- Мне надо с вами поговорить, Павел Иванович, я что-то вам расскажу.

- Может, здесь и расскажешь?

- Здесь нельзя...

- Ну ладно, приходи сегодня часов в девять, я буду дома...

Неизвестно, чем бы закончилась эта встреча, если бы в десять часов вечера Нариман не угодил в больницу...

Ребята возвращались домой, на ходу делясь впечатлениями. Один только Нариман шел грустный и подавленный. Глядя на него, ребята умолкли. Дойдя до школы, уселись на длинную деревянную скамеечку.

- Не везет нам сегодня,- со вздохом сказал Булат.- Там Нариман чуть не убится, тут дорогу завалило. кирпича нет...

- А это что, не кирпич?- показал Батыр на грудку сваленного возле соседнего здания кирпича.

- Кирпич, да не наш...

- Мальчишки, а что если мы...

Мальчишки мигом окружили Розу, и каждый стал наперебой предлагать свой план операции.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Солнце нехотя скатилось за гору, на ущелье опустился густой ночной сумрак. От реки потянуло прохладой. Сторож, собрав на стройке обломки досок и щепу, развел небольшой костер, принес из-под навеса ящик, уселся на него и блаженно вытянул ноги.

«Чайник поставить, чайком побаловаться что-ли?»- подумал он, но вставать совсем не хотелось. До утра было еще очень много времени.

За стройкой слышались громкие голоса ребят, и рядом с костром приземлилась модель планера.

Из-за угла выскочил мальчишка и с криком «Нашел! Нашел!» бросился к модели. На крик прибежал еще один, худенький, в очках.

- Цел? Ничего не сломалось?

- Цел. Крыло только поцарапано немножко. Вот, посмотри,- показал Булат на царапину.

- Ничего, закрасим,- успокоил друга Гриша.

Сторож, кряхтя, поднялся с ящика и подошел к ребятам.

- Дайте-ка посмотрю. Хорош! Совсем как настоящий. Сами смастерили или помог кто?

- Сами,- гордо ответил Гриша.

- Молодцы.

Сторож, не выпуская из рук модели, вернулся к костру и сел на свое место. Гриша и Булат расположились рядом.

- У нас еще с моторчиком есть,- похвастал Булат.- Бензина нальешь с наперсток, а летит... метров сто летит и на колесики садится. Совсем как настоящий самолет.

- Ой врешь, парень!- усомнился дед.

Булата такое недоверие обидело.

- Ну-ка, скажи, Гриша, летает наша модель?

Гриша поправил очки и шмыгнул носом:

- Полагать надо...

Крик Булата «Нашел! Нашел!» был для Розы, Батыра и Наримана сигналом. Они подтащили к груде кирпича двое носилок и принялись

за работу. Пока Роза нагружала одни носилки, Нариман и Батыр относили другие, наполненные кирпичом, и выгружали их в здании школы.

Нариман время от времени забирался на леса и смотрел оттуда, как протекает беседа у костра.

Планета Марс основательно заинтриговала деда. Больше часа рассказывал ему Гриша все, что знал о планете.

- А увидеть этого самого, Марса вашего, можно?- поинтересовался сторож.

- Гриша, где Марс находится?

Гриша поднялся и долго, по всему небосводу, искал Марс.

- Вон та, дедушка, самая красная.

- А почему же она красная?

- Астрономы говорят, что вся планета покрыта пустыней.

- Ну, а люди-то на ней есть?

- Конечно есть, марсианами называются. Только вот,- Гриша тяжело вздохнул и поправил очки,- капиталисты у них правят планетой...

Дед удивленно поднял брови. На помощь товарищу поспешил Булат.

- Это правда, дедушка, есть такая книга «Аэлита», ее Алексей Толстой написал...

- Скажи пожалуйста...- вздохнул сторож.

Старик попрощался с ребятами и направился в сторону школы. Он спокойно прошел мимо кирпичей и не заметил, что груда уменьшилась ровно наполовину. Увидев сторожа, Роза, Нариман и Батыр забрались по шаткому трапу на леса и затаились за стеной. Сторож обошел школу, остановился возле трапа, закурил и пошел дальше.

Ребята согнувшись добрались до задней стены и один за другим спрыгнули со стены на землю. Последним прыгал Нариман. Спрыгнул он на ровное место, но почему-то вдруг закачался и медленно стал валиться набок. Батыр и Роза подхватили его с двух сторон - Нариман был без сознания.

- Что с тобой, Нариман?- трясла его Роза, но Нариман уже не слышал ее...

- Давай я отнесу его домой,- предложил Батыр,- а ты беги за мамой, пусть она придет посмотрит его.

Роза помогла Батыру взвалить Наримана на спину и побежала домой.

- Где ты бегаешь так поздно?- спросила запыхавшуюся Розу мать.- Вот возьму ремень...

Роза схватила мать за руки:

- Мамочка, пошли скорее, у Наримана сознание совсем пропало, он как неживой!

- А где он?

- Батыр его домой понес!

- Совсем от рук отбились последнее время,- ворчала тетя Фатима, укладывая в сумку необходимые медикаменты.- Придется папе рассказать, чтоб он за вас взялся...

Когда Роза с мамой прибежали к тете Дусе, Нариман уже лежал на кушетке. Рядом на табурете, подняв повыше ноги, с кружкой в руках сидел Булат, у его ног стояло ведро с водой. Как только Нариман начинал стонать, Булат мигом выливал ему на голову полную кружку воды, и она ручьями стекала по полотенцу на пол.

Тетя Фатима перешагнула через лужу и подошла к кушетке. Нариман со стоном повернулся, и Булат тут же смочил полотенце.

- Хватит, не надо больше,- остановила его тетя Фатима, садясь на край кушетки.

- А это последнее,- сказал Булат, показывая на пустое ведро...

Запыхавшись, прибежала тетя Дуся и бросилась к Нариману.

- Что с тобой, сынок?

- Прыгнул вот... и стена невысокая была...- виновато объяснял Нариман.

- Давайте-ка, положим его в больницу,- предложила тетя Фатима,- полежит там недельку в тишине - и все пройдет.

Через час пришла машина и увезла Наримана в больницу.

На левом берегу, у самого входа в ущелье, горы расступались, пропуская к реке веселую торопливую речушку Коян-су. Коян - заяц, и называли ее заячьей, наверно, потому, что в разгар лета воды в речушке

оставалось так мало, что напиться к ней прибежали только длинноухие зайцы да кеклики.

Там, где встречались два ущелья, была большая пеленая поляна, на которую один раз в неделю, в воскресенье, жители расположенных поблизости в горах колхозов привозили кумыс, сузьму, масло, пригоняли баранов. Фрукты, арбузы и дыни привозили из города. И только когда приезжие, городские, взяв в руки самодельные весы и безмены, начинали громко, наперебой созывать покупателей, маленький базар оживал, заводил свою многоголосую песню, которая не стихала до самого вечера.

Когда ребята пришли на базар, торговля шла полным ходом. Справа, у обрывистого берега речушки, расположился молочный ряд; слева - овощной и фруктовый, а посередине, на расстеленных прямо на земле пожелтевших газетах, аккуратно разложив свой незатейливый товар, с безразличным видом сидели заядлые барахольщики.

Роза направилась было к левому ряду, но Булат силой увлек ее на середину. Булат мог часами разглядывать разложенные на земле рубанки, пилы, напильники, тисочки и другие инструменты, при виде которых у него загорались глаза.

В центре барахольного ряда ребята замерли от неожиданности. На высокой треноге, уставившись черным оком на овощной ряд, стоял настоящий фотоаппарат!

- Вот бы нам такой!- восторженно прошептал Булат.- Мы бы «этого» сфотографировали...

Батыр вышел вперед и басом спросил:

- Скажите, пожалуйста, а сколько он стоит?

- Триста стоит! Триста! Проходите, не загораживайте товар, проходите!

- А он работает?

Продавец чуть приподнял свой острый синий нос, вскинул жидкую рыжую бровь и тоненьком голосом сердито сказал:

- Недействующих механизмов не продаю!

На мешковине, расстеленной под треногой, пряча от покупателей ушибленные и потертые бока, стояли два утюга, чайник, мясорубка и почти новый зеленый будильник.

- Мальчишки, давайте купим?

- А где мы денег столько достанем?-спросил Батыр.

- Давайте разобьем все наши копилки, а сколько не хватит, попросим... согласны?

- Дядечка, пожалуйста, не продавайте фотоаппарат, хорошо? Мы сбегаем домой за деньгами, мы быстро!

- Если без обмана, бегите. Жду ровно час и ни секунды больше!

«Дядечка» взял в руки будильник, поставил стрелку на 12. а на объектив фотоаппарата повесил табличку с надписью «Продано».

В 11-30 прибежали Грнша и Батыр. Собранные деньги сложили в одну кучу и снова пересчитали. Получилось двести девяносто два рубля тридцать шесть копеек.

- Ой, мальчишки, так нам не хватает всего семь рублей шестьдесят четыре копейки?

- Сейчас еще Булат принесет рублей пятьдесят...- мечтательно произнес Батыр.- И на лишние купим чего-нибудь вкусного...

- Одиннадцать сорок... Булата не было. Одиннадцать сорок пять... нет Булата... ,

- Больше, мальчишки, ждать нельзя, пошли.

Булата дома не оказалось. Бабушка сказала, что он только что вышел. Заглянули в сарай - нет. С соломенной подстилки поднялся Цицерон и жалобно заскулил.

- Куда же он мог деться?- недоумевали ребята.

- Булат! Бу-лат! Бу-ла-а-ат!- закричал на весь рудник Батыр.

- Ну чего орешь? Здесь я,- высунулся из чердачного окна измазанный сажей Булат.

- Ты что, с ума сошел! Он же продаст...

- Ничего, не продаст, еще осталось...- Булат вытащил из кармана будильник и показал его Розе,- видишь, еще пятнадцать минут осталось...

- А что ты там роешься?

- Да, понимаешь, я копилку свою закопал, план положил в бутылку, а бутылку спрятал здесь, на чердаке, в шлак. Вот уже час ищу и никак не могу найти.

Голова Булата исчезла, и через минуту раздался громкий торжествующий крик:

- Нашел! Нашел!

Булат скатился с лестницы, бережно прижимая к испачканной углем рубашке бутылку из-под шампанского. Горлышко бутылки было залито варом. Булат стукнул бутылку о камень и осторожно извлек из-под осколков свернутый трубочкой и перевязанный красной ниткой листок бумаги. План развернули, отыскивали место захоронения копилки и взялись за лопаты.

На полуметровой глубине ребята натолкнулись на ящик. Батыр извлек его на поверхность, сорвал крышку. Из ящика вытащили большую зеленую кастрюлю, из кастрюли - жестяную банку из-под сгущенного молока, из жестяной банки - глиняного мишку с отбитым носом. Роза потрясла копилку.

- Ого, сколько там денег!

Булат хотел что-то сказать, но Батыр выхватил копилку, ударил по ней камнем... Денег в копилке оказалось немного, но зато было полно аккуратно сложенных тетрадных листиков.

- А это что за бумага?- поинтересовался Гриша.

- Это так просто...- покраснел Булат и тут же, собрав их, зажал в кулак. Одна из бумажек выпала. Роза подобрала ее и незаметно сунула в карман.

Денег в копилке оказалось всего двенадцать рублей восемьдесят копеек.

- Ну ничего,- сказал Батыр,- все равно пять рублей еще остается,- купим на них арбуз.

Когда подходили к базару, Роза тихонько спросила у Булата:

- Скажи, а зачем ты закопал копилку в землю?

- Я хотел бабушке доказать, что клады бывают...

Увидев ребят, хозяин фотоаппарата поднялся и снял с него табличку.

- Принесли деньги?

- Принесли,- ответил за всех Батыр.

- Молодцы.- Торговец нежно провел рукой по фотоаппарату.- Не пожалеете, вещь надежная, еще мой дедушка покойный пользовался, и всегда безотказно. Берите, владейте и наслаждайтесь...

Ребята бросились к аппарату и стали тянуть его в четыре стороны.

- Э-э-э!- ухватился за Батыра хозяин, но столкнувшись с Цицероном, отскочил в сторону и завопил:

- Давайте деньги, а там можете делить хоть на сто частей! А пока за товар не заплатили - не прикасайтесь! Услышав о деньгах, Батыр отпустил ножку и подошел к хозяину.
- Куда деньги высыпать?

Тот сначала удивился, а потом медленно стянул с головы старенькую, выдавшую виды кепку.

- Сыпь!

Батыр вывернул карманы и побежал догонять друзей.

- Э-э! Подожди!- остановил его продавец.- Тут точно триста?

- Точно!-ответил Батыр и бросился бежать дальше.

- Э-э-э! Друг! погоди минуточку! Вернись-ка сюда!

Батыр нехотя вернулся, не понимая, зачем он еще понадобился этому человеку.

- На,- протянул он подошедшему Батыру три кассеты.- Дарю, пользуйтесь моей добротой.

Отойдя в сторонку, ребята разделились на три группы: Роза пошла покупать Нариману персики и виноград, Батыру поручила выбор арбуза, а Гриша и Булат остались охранять фотоаппарат.

Арбузы продавали в верхней части базара. Здесь, в сторонке от общей сутолоки лежали они грудями прямо на земле, и крикливые продавцы, окруженные со всех сторон покупателями, уверенно орудовали острыми ножами, вырезая в каждом проданном арбузе остроконечную красную пирамидку.

Батыр подошел к самой большой куче, долго приглядывался и наконец выбрал звонкий, отливающий чернотой арбуз; прижав его двумя руками к животу, стал ждать, когда подойдет его черед взвешивать. К арбузной куче подошли еще несколько покупателей и оттиснули Батыра от очереди. Батыр обошел очередь и снова стал с правой стороны. Когда впереди его оставалось два человека, Батыр подошел поближе.

- Что ты тут торчишь все время?- набросился на него продавец.- Арбуз взял? Взял! Иди домой!

- Я...

Батыр хотел объяснить все, но продавец уже кричал на весь базар зычным голосом:

- Подходи на мой арбуз! Не пожалеет, кто возьмет, половина сахар, половина мед, подходи, народ!

Батыр, как замороженный, следил за действиями продавца, который ухитрялся одновременно взвешивать, подрезать и выбирать, рассчитывать и созывать покупателей.

- Ты что, весь день собираешься простоять возле меня?- опять набросился голосистый продавец на Батыра.- Или думаешь, я тебе плохой арбуз выбрал?

Он поиграл острым лезвием перед носом Батыра и всадил его по самую рукоятку в сочную мякоть. Арбуз недовольно затрещал. Вырезав треугольник, продавец вытащил его и сунул в открытый рот Батыра.

- Пробуй! Не арбуз, а сплошной сахар, понял? Иди, мама молодец скажет!

Продавец развернул Батыра на сто восемьдесят градусов и легонько подтолкнул в спину. Но когда он увидел, что Батыр опять возвращается, у него невольно опустились руки и подготовленная песня о меде застряла в горле.

Теперь уже все с недоумением смотрели на незадачливого покупателя. Батыр проглотил вместе с косточками хрустящий кусок арбуза и, заикаясь, выдавил наконец:

- Я же не з-з-заплатил еще за а-а-арбуз!

Сперва улыбнулся продавец, а за ним и все покупатели.

- Как так не заплатил?- удивился продавец и выхватил арбуз у Батыра из рук.

- У меня же руки заняты были, я хотел вам сказать, чтобы вы сами взяли у меня в кармане деньги, а вы...

Засмеялся один покупатель, второй, третий, и вот уже смеялась вся очередь. Продавец вложил в руки Батыра арбуз и хлопнул его по плечу:

- Молодец, сынок! Всегда надо быть таким честным! Бери бесплатно, дарю!- И под громкий смех окружающих он снова повернул Батыра и легонько подтолкнул его в плечо: - Иди, сынок...

Не успели ребята переступить порог Розино дома, как в тот же миг дружно набросились на фотоаппарат и стали изучать его со всех сторон. Объяснения давал Гриша. Он сказал, что у его отца есть книга, которая называется «Как научиться фотографировать», и что он ее обязательно принесет в следующий раз. Единственно, что смущало

ребят, это высота треноги. Гриша пытался опустить ее пониже, но ничего не получалось: тренога никак не хотела укорачиваться. Роза принесла маленькую скамеечку и, став на нее, заглянула в черное нутро аппарата.

- Ой, мальчишки! Какие вы все вверх ногами перевернутые!- засмеялась она.

Гриша снял очки и сделал стойку на руках.

- А теперь?

- Теперь нормально.

- Давайте все вместе сфотографируемся,- предложил Булат.

- Нариман выйдет из больницы, тогда и сфотографируемся,- сказала Роза.

- А зачем мы будем ждать, когда он выйдет, возьмем фотоаппарат в больницу.

- Правильно!- поддержал Булата Батыр.- Не все равно, где фотографироваться, дома или в больнице?

Через полчаса отряд бодро шагал в сторону больницы. Впереди шел Гриша с фотоаппаратом в руках, за ним Роза с большим кульком, в котором находились конфеты, печенье и фрукты, за ней шел Батыр, он нес треногу и скамеечку, за Батыром - Булат. Булату были доверены кассеты и старое черное платье тети Фатимы.

Замыкал отряд Цицерон. Он плелся, низко опустив голову, вероятно, недовольный тем, что ему ничего не доверили.

Перед самым носом ребят сторож захлопнул железную калитку.

- По какому поводу, молодые люди?

- Наш товарищ у вас в больнице лежит, Нариманом его зовут, повидать его пришли,- ответила Роза.

- Читать вы умеете?

- Умеем.

- Прочитайте, что написано над дверью.

Ребята разом подняли головы.

- Не про себя читайте, читайте вслух.

- ...прием передач и встреча с больными,- не торопясь читала Роза,- разрешается в среду и в воскресенье с 12-ти до 5-ти.

- С двенадцати до пяти, ясно?

- А сейчас сколько?- спросил Булат.

Сторож вытащил из кармана часы.

- Сейчас десять минут шестого...
- Всего только десять, а вы...
- Если бы даже была одна минута шестого, симпатичный молодой человек, я бы вас все равно не пропустил. Закон есть закон.

Теперь отряд шел вдоль больничного забора в обратном порядке. Первым семенил повеселевший Цицерон. Завернув за угол, он вдруг исчез!

- Сюда!- закричал радостно Булат и сам испугался своего крика.- Тут дыра...

- Постойте,- остановила ребят Роза,- давайте, я пролезу первая и найду, в какой палате лежит Нариман. Как найду, подам вам знак.

Роза легла на землю, пролезла через дыру в фундаменте забора и, добежав до лечебного корпуса, стала заглядывать в раскрытые окна. От нее не отставал и Цицерон.

Нариман лежал в угловой комнате, лежал один. Впрочем, он не лежал, а сидел у окна и скучал. С утра к нему приходила тетя Дуся, она принесла ему пельмени и все жаловалась, что одной ей очень скучно, что даже в дом заходить не хочется. Уходя, она сказала, что скоро должны прийти ребята: Розочка и мальчики. До обеда ребята не пришли. С двух до четырех Нариман спал - мертвый час, потом проснулся - и сразу к окну. Сидел целый час, но никто не появлялся.

- Неужели в поход ушли без меня?- подумал Нариман. Он уже собирался лечь в кровать, как за окном показались Розины бантики.

- Я тут, Роза!-высунулся Нариман из окна.- Тут! Забирайся ко мне, я один в палате, больше никого нет!

- Я не одна, со мной мальчишки, они возле забора ждут.

Подожди, я сейчас...

Ребята один за другим забрались в палату, вручили Нариману авоську и бросились собирать фотоаппарат.

- Где вы его достали?- удивился Нариман.

- Купили!

- Где?

- На базаре сегодня, у одного барахольщика.

- Мы обязательно сфотографируем шпиона,- доверительно сообщил Булат.

Когда аппарат был наконец закреплен на треноге, Гриша забрался па стульчик и тихо приказал:

- Садитесь, готово.

Пока ребята усаживались на кровать, Гриша набросил на себя одеяло и заглянул в объектив.

Не успел Гриша вставить кассету, как за дверьми послышались шаги. Фотоаппарат моментально спрятали за ширму, а сами бросились в шкаф. В палату заглянула медсестра.

- На полдник, Музафаров.

Едва шаги за дверью затихли, Гриша вытащил на середину комнаты фотоаппарат и снова усадил всех на кровать.

Когда все было готово, Гриша взвел механический спуск, а сам подсел к ребятам.

- Не двигаться,- предупредил он,- смотрите в объектив. Внимание. Громко щелкнул спуск.

- Готово,- облегченно вздохнул он.

Ребята наперебой стали расспрашивать Наримана, что ему говорят врачи и долго ли он еще пролежит.

- Главврач вчера осматривал и сказал, что...- закончить Нариман не успел, за дверью вновь послышались шаги и чей-то сердитый голос.

- Прячьтесь!- шепотом приказал Нариман.- Это главврач!

Батыр недолго думая шмыгнул под кровать. Гриша с Розой, подхватив фотоаппарат, спрятались за ширму, Булат залез в шкаф.

В палату со стетоскопом в руках вошел главврач.

- Как самочувствие?

- Хорошо, Сергей Петрович.

- Голова не болит?

- Нет.

Главврач дошел до окна, повернулся и увидел выглядывающие из-под ширмы носки туфель. Ничего не говоря, он прошелся возле ширмы и вдруг резко ее отдернул. Больше всего он удивился, увидев фотоаппарат.

- Так-так. А это что за машина?

- Фотоаппарат,- улыбнулась Роза, она хорошо знала Сергея Петровича, он не раз бывал у них дома.

- Так-так... Фотоаппарат, значит... Ну-ка, вы,- заглянул он под кровать,- выползайте, выползайте оттуда... так-так.

Он хотел было направиться к шкафу, как вдруг, распахнув дверцу, высунул голову Булат.

- Ушел, да?

- Это вы про меня?- спросил у Булата главврач.

Булат закрыл почему-то глаза и закивал головой.

- Так-так...-продолжал Сергей Петрович, вытаскивая Булата из шкафа.- Стало быть, все?

И в эту самую секунду, когда он сказал «все» Цицерон, которому изрядно надоело сидеть под окном и ждать, поставил на подоконник передние лапы и прыгнул в палату.

Главврач хотел сказать свое обычное «так-так», но не смог, он сказал «ого» и почесал затылок. Цицерон подбежал к Булату и лизнул его в нос.

- Не лезь!- отмахнулся от него Булат.- Нашел время...

После минутного замешательства Сергей Петрович снова пришел в себя.

- Так-так,- сказал он, растягивая слова,- теперь-то, надеюсь, все? Так, так...- и, еще немного подумав, добавил:- а теперь марш домой!

Услышав команду, ребята бросились к окну.

- Стоп!- остановил их Сергей Петрович.

Ребята нехотя отошли от окна.

- Во-первых, заберите, пожалуйста, свою вышку, а Во-вторых: в наше время умные люди в таких случаях пользуются только дверью.

Первым из палаты вышел Цицерон, следом Батыр с Гришей несли фотоаппарат, последним со скамеечкой в руках вышагивал Булат. Не успели еще все выйти в коридор, как распахнулись настежь двери палат и высунулись десятки любопытных.

- У вас что, частное предприятие или государственная артель?- несло из одной палаты.

- Сколько берете за дюжину снимков?- кричали из другой.

- Заходите, братишки, ко мне, я вас конфетами угощу!- звали в третью.

Цицерон, возглавлявший колонну, не обращая ни на кого внимания, спокойно шагал по ковровой дорожке. Но вот, какой-то сообразительный больной привязал к бечевке кусочек колбасы и бросил ее на дорожку. Цицерон остановился, понюхал колбасу и только собрался схватить её,- колбаса, как котенок, выпрыгнула у него

из-под носа! Цицерон сделал еще одну попытку - и опять неудача! Все больные покатывались со смеху.

После третьей неудачи Цицерон уселся посреди прохода и стал внимательно следить, что еще выкинет эта странная колбаса. А колбаса тем временем медленно ползла к двери. Цицерон стремительно прыгнул вперед, ухватился за бечевку и изо всех сил потянул ее к себе.

Под одобрителный гул всей больницы Цицерон с колбасой в зубах вышел из корпуса.

Возле железной калитки остановился.

- А вы как сюда попали?- удивился сторож, увидев ребят.

- Мы, дедушка, уже вылечились!- ответил за всех Булат.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Охота в это воскресенье была на редкость удачной. С утра Николай выследил лису, а к вечеру подстрелил полдюжины тяжелых жирных кекликов. Охотник Николай был не ахти какой опытный, и ему не каждый раз выпадала такая удача. Сколько раз ходил он в этом году на кекликов, но каждый раз возвращался с пустыми руками. Кеклик - птица осторожная: опустится стая среди скал, и нет ее. А чуть поодаль на пригорок или остроконечный обломок скалы, с которого хорошо видно вокруг, усядется вожак стаи. Усядется, нахохлится, опустит низко голову, дескать, я никого и ничего не вижу.

Заметишь издали такого дозорного, осторожно подбираешься к нему. Подбираешься и не ведаешь, что за каждым твоим шагом внимательно следит вся стая. Осторожно поднимаешь ружье, прицелишься,- фр-р-р!- и всех как ветром сдуло.

Вспомнив советы бывалых охотников, Николай спрятался среди камней и стал ждать. Ждать пришлось долго, но зато вечером прямо рядом опустилась на ночлег многочисленная стая. Громко ухнул на все ущелье дуплет.

Николай так увлекся охотой, что и не заметил, как под проросшими низкорослым кустарником и мхом каменными выступами сгустились вечерние тени.

Возвращался он затемно. Чтобы сократить путь, решил обогнуть каменный горб горы и выбраться к реке.

Выйдя по тропе на западный склон, Николай свернул с дорожки и, продираясь сквозь густой кустарник, пошел вниз. Из-за туч выплыла луна и идти сразу стало легче. Теперь уже Николай не лез напролом через колючий кустарник, а старался обходить его стороной. У выхода из расщелины Николай лицом к лицу столкнулся с человеком. Тот осветил его фонариком.

- Это ты, Николай? Фу, черт, как я напугался...
- А ты что тут делаешь?- удивился в свою очередь Николай.
- Возвращаюсь с охоты.
- С охоты? А где... где же твое ружье?

- Подожди, я тебе сейчас такое покажу, что ты будешь кричать от радости... Пошли,- Павел, схватив Николая за руку, увлек его за собой.

Забравшись на самую середину широкой осыпи, они долго еще блуждали среди обломков скал и, выбравшись наконец из каменного лабиринта, нырнули в кустарник. Тут они остановились. Павел двумя руками взялся за плоскую каменную плиту и сдвинул ее с места. Николай молчал, ожидая, чем все это кончится. Расчистив проход, Павел нырнул в колодец и оттуда донесся глухой негромкий голос.

- Спускайся, Николай!

Николай положил в сторону ружье, охотничьи трофеи и полез вслед за Павлом.

- Где мы?

- Смотри!- Павел включил фонарик, и желтая струйка света разлилась по черной искрящейся стене колодца.

- Штольня...- едва слышно прошептал Николай,- та самая штольня...

- Да, та самая...

- Дай-ка мне фонарик.

Они осторожно ступали по штреку, и узкий луч фонарика выхватывал из темноты то полусгнившую тоненькую подпорку крепления, то черную лужицу воды, скопившуюся на дне каменной чаши, то большие куски угля, брошенные в проходе. У развилки они остановились, немного помешкав, Николай шагнул вправо - здесь и проход был шире, и свод выше. Прошли еще метров десять, и луч фонарика уперся в ящик, на котором была установлена радиоаппаратура. Николай вскрикнул от удивления и как подкошенный рухнул на землю.

* * *

В понедельник чуть свет ребята собрались у здания школы. На соседней стройке всюю уже кипела работа, а здесь не было ни одного рабочего. Ребята аккуратно сложили кирпич в одном из классов.

Батыр, Булат и Гриша сделали себе из кирпичей скамеечки и расселись один за другим вдоль стены. Последней пришла Роза. Она чинно вошла в класс и очень серьезным голосом сказала:

- Здравствуйте, ребята! Поздравляю вас с началом учебного года.

Булат, Батыр, Гриша встали и ответили хором:

- Здравствуйте, товарищ учительница!

- Садитесь, пожалуйста.

Ребята сели. В класс забежал Цицерон. Он подошел к Розе, лизнул руку, сел и уставился на нее довольными глазами.

- Учащийся пятого «б» класса Цицерон, вы опять опоздали?

Цицерон закивал лохматой головой.

- Чтобы это было в последний раз, идите и садитесь на свое место.

Роза подтолкнула пса, он пошел и почему-то уселся возле Батыра.

Роза хлопнула два раза в ладоши:

- Тихо, ребята, начинаем наш первый урок. Булат, расскажите нам, как вы провели летние каникулы. Прошу вас, рассказывайте!

Булат поднялся с места и, немного подумав, начал свой рассказ.

- Летом мы с папой, мамой и бабушкой... нет, бабушки не было... значит так, с мамой и папой ездили в город. В городе мы посетили цирк. Мы сидели на самом первом ряду, и клоун смотрел все время на меня и говорил...

- Собака, куда ты лезешь!

Булат и Гриша прыснули со смеху. Цицерон, схватив Батыра за карман, в котором лежал хлеб с колбасой, упершись всеми четырьмя лапами, тянул на себя.

- Отпусти, слышишь? По-хорошему прошу...

Цицерон стащил Батыра с кирпичей и повалил в угол. Батыр вскочил на ноги и щелкнул Цицерона по носу. Цицерон выпустил карман и недовольный замотал головой. Батыр, как ни в чем не бывало, вернулся на свое место.

Роза повернулась к Булату:

- Рассказывайте, пожалуйста, Булат.

- Так вот,- продолжал Булат,- значит, клоун выбежал на манеж, посмотрел на меня и сказал:

- Вот упрямый тип!

Цицерон опять ухватился за Батыров карман и опять тащил его изо всех сил в угол.

- Ты что, не кормишь его, что ли?- возмутился Батыр, пытаясь вырвать полу из пасти Цицерона.- Скажи ему, чтобы отпустил...

- Цицерон!

Цицерон поджал хвост и выпустил карман.

- Нет,- сказала Роза,- в таких условиях нельзя вести урока. Учащиеся Батыр и Цицерон, сейчас же выйдите из класса.

- Подумаешь, какие строгости,- обиженно проворчал Батыр,- вот мы возьмем и вправду выйдем! Пошли, Цицерон!

Цицерон сперва заупрямился, но когда Батыр показал ему на карман, вприпрыжку бросился за ним.

Роза проводила наказанных сердитым взглядом и повернулась к классу:

- Пожалуйста, учащийся Булат, продолжайте.

Булат в третий раз поднялся с места.

- Клоун посмотрел на меня и сказал...

- Сторожа в милицию повели!

В дверях стоял испуганный Батыр и показывал рукой в ту сторону, куда повели сторожа.

Все бросились к проходу, сторожа действительно вели, но не в милицию, а в контору.

- Неужели из-за кирпича?-удивился Булат.

- А из-за чего же еще? Я сам видел, как они стояли у того места, где лежал кирпич, и кричали на сторожа.

- Пошли к начальнику участка!- решительно сказала Роза, и первой направилась к конторе. За ней двинулся Батыр, за Батыром Гриша, за Гришей Булат. Замыкал шествие Цицерон.

Ребята подошли к конторе и остановились возле раскрытого настежь окна.

- Ты мне честно скажи, куда дел машину кирпича?- громко требовал начальник участка.

Сторож молчал. Роза смело вошла в деревянную конторку, за ней вошли и остальные. У дверей начальника участка их остановил прораб.

- А это еще что за делегация?

- Это мы кирпич унесли...- негромко сказала Роза. |

- Унесли кирпич? Куда?
- В школу,- выступил вперед Батыр.
- Ничего не понимаю,- развел руками прораб,- какой кирпич, какая школа?
- Тот самый кирпич, за который ругают сторожа!- объяснила Роза.
- Ах вон оно что!- усмехнулся прораб, и, распахнув двери, весело крикнул: - Петр Иванович! Воры нашлись!- и толкнул всю компанию в комнату.

Сторож сидел на табуретке возле окна низко опустив голову. Старик пересчитал в уме всех, кто строился на руднике, но никто из них не мог увезти вот так, неслышно целую машину кирпича... Сторож поднял голову и, увидев Гришу и Булата, вскочил с места. Те мигом спрятались за широкую спину Батыра.

- Ах, жулики! Обманули, значит, старика! А еще про звезды рассказывали...

Начальник участка и все сидевшие в комнате рабочие слушали сторожа и громко смеялись. На пороге появился бригадир рабочих, которые строили школу.

- Петр Иванович, откуда у нас кирпич появился, привезли, что ли?
- Какой там привезли... Это помощнички твои постарались, целую машину кирпича за ночь перетаскали.
- Где же сторож был?
- О нем они тоже позаботились, послали двух агитаторов, и пока он слушал лекцию, есть ли на Марсе буржуи, кирпич уплыл.
Бригадир глянул на ребят и покачал головой.
- Не ожидал я от вас такого... не ожидал...

Когда в комнате утих последний раскат смеха, начальник участка, сдерживая улыбку, сказал:

- Так вот, друзья, возьмите под навесом носилки и чтоб к обеду весь кирпич был на месте. Поняли?

Низко опустив головы, ребята вышли из конторки. Когда носилки были нагружены, появились бригадир и прораб. Глядя на расстроенных ребят, прораб не выдержал, рассмеялся.

- Ладно, оставьте, пусть лежит. А ты, Абдильда, приводи завтра бригаду часам к десяти, будут три машины с кирпичом...

Вечером в больницу пришел Павел Иванович. День был неприятный, но главврач разрешил ему повидаться с Нариманом.

Павлу Ивановичу дали халат, и медсестра проводила его в палату. Он вошел веселый, улыбающийся и выложил перед растерявшимся Нариманом грудой гостинцев.

- Это еще не все, главное тут!- похлопал он по нагрудному карману.

Нариман замер, а когда Павел Иванович извлек из кармана конверт, сердце Наримана застучало громко-громко, и он весь потянулся к письму.

Читал Нариман только те места, где говорилось об отце.

- «...ты спрашиваешь, не встречался ли я после войны с Музафаровым? После войны нет. Последний раз видел его в декабре 1944 года, несколько раз встречал в штабе дивизии. В канун нового года я был сильно контужен - меня перебросили в тыл».

Нариману не хватало воздуха. Он расстегнул ворот больничной рубашки и судорожно вдохнул пропахший подом больничным воздух.

- Жив! Жив! Ведь в письме, которое ему прислало министерство обороны, было написано, что погиб в 1943 году! А друг Павла Ивановича видел его в конце 1944! Значит жив! А что если этот друг ошибся? Если кого-то другого принял за его отца?

Нариман бережно положил письмо на одеяло.

- Он не мог ошибиться? Может, это был кто-нибудь другой?

Павел Иванович сжал Нариману плечо.

- Нет, это был он. Они вместе учились в Ташкенте...

Павел Иванович достал из кармана табакерку и, вспомнив, что находится в больнице, сунул ее обратно.

- Крепись, мой мальчик, мы отыщем его. Я написал письмо начальнику штаба дивизии, он обязательно ответит. ...Да, я совсем забыл спросить тебя, как ты себя чувствуешь?

- Хорошо, доктор сказал, что послезавтра меня выпишут.

- Вот и хорошо, как только выйдешь, мы сразу отправимся в поход. Ребята рюкзаки уже приготовили, тебя ждут...

- Если б в штольне меня не ударило, я бы сюда не попал...

- Ну-ка, расскажи мне толком, что там случилось?

- Когда я шел по штоле, кто-то сзади бросил н меня бревном.

- А ты не заметил, кто это был?

- Не заметил, но я его хорошо знаю.

- Он что, местный житель?

- Нет, на руднике он появился после меня.
- А кто тебе сказал, что после?
- Ребята сказали, они же всех на руднике знают.
- Но откуда ты его так хорошо знаешь?
- Во время оккупации мы жили в одном дворе,- и Нариман подробно рассказал Павлу Ивановичу, где, когда и при каких обстоятельствах он встретился с Муратом...

Началась эта история осенью 1942 года. В тот день Нариман проснулся поздно. Сквозь заплаканные окна пробивался тусклый солнечный свет. Вставать совсем не хотелось - в теплой постели голод чувствовался не так остро, как на улице.

- Сейчас бы горбушку белого хлеба со сливочным маслом...- подумал Нариман и, глотнув слюну, с голевой зарылся под одеяло. Нариман закрыл глаза и перед ним выросла стопка сочных румяных чебуреков. Когда еще жива была мама, они каждую субботу ходили в чебуречную, которая стояла на углу возле колхозного рынка. Нариман облизнул пересохшие губы и открыл глаза - чебуреки исчезли. Закрыл - появились снова. Теперь он не открывал их долго-долго; хотелось вспомнить, как пахли чебуреки и как они хрустели на зубах.

Вчера Нариману не повезло: бегал по городу целый день и нигде не смог раздобыть и кусочка хлеба. Ничего не принесла ему и соседка тетя Наташа; они тоже сегодня сидели голодные.

Поздно вечером Нариман вскипятил кружку воды, выпил ее и лег спать.

Куда же пойти сегодня? Попытать счастья у госпиталя? Жаль, итальянцы оттуда уехали, а к немцам идти не хочется, проучили один раз - хватит.

Три дня тому назад Нариман, подхватив котелок, побежал к госпиталю. Работавшие на кухне итальянцы никогда не обижали Наримана, от них он всегда возвращался с полным котелком ароматного супа. А нынче не повезло. Итальянцев на кухне уже не было, а молодой немец, к которому подошел Нариман, выбил из рук котелок, повернул Наримана и больно ударил тяжелым кованым сапогом...

Может, сходить еще раз на элеватор? Но туда надо идти втроем и брать с собой лом: под вывернутыми кирпичными глыбами ребята нередко находили несколько горстей полусгнивших зерен...

Нариман нехотя выбрался из-под одеяла и вышел во двор. В воздухе вкусно пахло жареным тестом. Нариман повернулся и глянул в раскрытое окно, за которым два молодых эсэсовца жарили лепешки. Затаив дыхание, стоял и смотрел он, как росла на тарелке румяная стопка. Сколько он стоял? Десять минут, а может быть, час? Белобрысый офицер увидел его, усмехнулся, свистнул и, сняв со стопки верхнюю лепешку, бросил в раскрытое окно.

Лепешка опустилась прямо в руки и стала нестерпимо жечь пальцы. Как уж это получилось, он не помнит, но Нариман размахнулся и запустил лепешкой в гестаповца. Гестаповец увернулся, выругался громко по-немецки, схватил с кровати кобуру с пистолетом и бросился за Нариманом.

Если бы не майор, вышедший из-за угла, Нариману пришлось бы туго. Увидев старшего офицера, гестаповец вытянулся в струнку и замер. Нариман тем временем забежал в соседний двор и спрятался в пустой мусорный ящик.

Прошло полчаса. Кто-то из жильцов принес ведро битой штукатурки и высыпал ее на голову притаившегося в углу ящика Наримана.

До обеда Нариман бродил по городу. Побывал на рынке, оттуда дошел пешком до кинотеатра «Субхи». Попытался прочесть афишу, но не смог, только в самом низу было написано по-русски: «Для солдат и офицеров германской армии». Рядом висели красочные афиши, предлагающие жителям города стотысячные награды, дома и коров за выдачу партизан. Одна из них призывала молодежь ехать на работу в Германию. Тут же был нарисован стол, уставленный пирогами, копченостями, разными колбасами, рыбой, за столом сидели толстощекие юноши и девушки. Подпись гласила: «Мы счастливы, что приехали в Германию».

Нариман уже не раз слышал, каково было это счастье. Ведь не зря рассказывали в городе, что какая-то женщина получила письмо от дочери, которую насильно угнали в Германию. Зная, что если она напишет в письме хоть слово правды, то письмо никогда не дойдет до матери, девушка хитро обманула фашистскую цензуру.

«Здравствуй, дорогая мамочка,- писала она,- я очень счастлива, что прислана в Германию. Живем мы тут очень хорошо, кормят нас сытно. Ты спрашиваешь про знакомых? Один раз в день у нас в гостях

бывают Костя Похлебкин и Ваня Хлебов, правда со дня приезда сюда они приболели немножко и вид у них неважный, но это, наверно, от климата. С Наташкой Сахаровой и Танюшей Масловой я так больше не виделась. Мама, а ты помнишь Мишу Слезкина? Он все вечера напролет просиживает в нашем бараке...»

Нариман оглянулся по сторонам и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, сорвал верхнюю часть афиши, на которой красовались пироги и колбаса. Сорвал и прислонился к стене - от голода кружилась голова.

- Схожу, пока гестаповцев нет, вскипачу чаю,- подумал он и медленно побрел вверх по улице.

Прошел шагов сто, остановился. Навстречу один за другим катили желтые пароконные фургоны, заполняя улицу пьянящим запахом свежеевыпеченного хлеба.

- Если б хлеб везли не в ящиках! Можно было бы подкрасться сзади, отстегнуть край желтого брезента... а заметил бы возница, стеганул бы кнутом, и все...

Нариман дошел до угла и опять остановился: пекарня, которая бездействовала круглый год, вновь вступила в строй. Хозяйничали здесь румыны. Проезжая часть улицы была забита подводами; они одна за другой подъезжали к дверям пекарни, и маленькие черные буханки перекачивались с весов на дно армейских ящиков.

- Вот бы увезти один ящик, всю улицу можно было бы накормить...

К ступенькам подъехал последний фургон. Возница соскочил с козел и ткнул Наримана в плечо кнутовищем.

- Иди, падвода памагай!

Нариман забрался в фургон и уселся на козлы. Возница подвесил лошадям торбы с овсом и отправился в пекарню.

Пока румын получал хлеб, Нариман собрал на дне телеги горсточку зерен и принялся их жевать. Наконец в дверях пекарни показался хозяин фургона, он выкатил вперед тележку с хлебом и громко свистнул Нариману.

Буханки летели, как стрижи, одна за другой. Сначала Нариман пытался их считать, но, досчитав до трехсот, сбился. От голода кружилась голова и подкашивались ноги, Нариман почувствовал, что

еще немножко и он упадет, а буханки все летели и летели, и казались теперь не легкими, а громадными и тяжелыми, как кирпичи.

Фургон, громыхая по булыжной мостовой, покатился вниз по улице, а Нариман стоял и глядел вслед, прижимая к груди стертыми до крови пальцами маленькую теплую буханку хлеба.

Когда желтый верх фургона исчез за поворотом, Нариман повернулся и медленно побрел домой. Поднимаясь на тротуар, он задел кого-то. Нариман поднял голову: перед ним на краю тротуара сидела девочка с большим черным бантом в волосах, на ее стареньком стертом пальтишке красовалась большая шестиугольная звезда.

Девчонка не мигая смотрела на хлеб. Нариман спрятал буханку под рубашку. Из больших голубых глаз девочки покатались крупные бусинки слез. Тогда он вытащил из-под рубашки теплую буханку, разломил ее и протянул половину девочке.

- На, бери.

Девочка спрятала руки за спину.

- Бери же, не бойся!

- Спасибо,- прошептала она, крепко сжимая тоненькими ручонками хлеб,- меня зовут Роза.

Два раза в неделю приезжал желтый фургон за хлебом, два раза в неделю делил Нариман на две части теплые ржаные буханки. Но в один из осенних дней, когда первый утренний мороз сковал тоненькой ледяной пленкой синие лужицы, фургон не приехал. Напрасно Роза и Нариман просидели целый день возле пекарни. Они даже спустились к улице Субхи и долго стояли на углу возле разбитой аптеки - знакомый фургон не появлялся.

Прошло три недели. Нариман еще несколько раз наведывался к пекарне, но маленькую девочку с большим черным бантом он больше не встречал.

Наступила зима. На выщербленные каменные плиты лег первый пушистый снежок. На улице было тихо-тихо, никто не строил снежных крепостей и не затевал шумных веселых боев.

Нариман возвращался с полной авоськой картошки. Соседка тетя Катя дала ему утром денег и попросила его сходить на рынок. На деньги, которые дала тетя Катя, он купил у солдат мыло, а мыло

обменял на картошку. Нариман торопился домой: к обеду тетя Катя сварит вкусный картофельный суп...

Повернув на Училищную, Нариман замедлил шаг. Вся улица была заполнена народом. И почти у всех на груди были шестиконечные звезды. Между ними со списками в руках сновали полицейские.

Нариман дошел до калитки и остановился. Полицейские Быстрой ли людей в колонну и повели. Нариман увидел Розу. Она шла с левой стороны колонны, крепко держась за руку матери.

Заметив Наримана, Роза улыбнулась и потянула мать за руку. Мама, глядя на Наримана, тоже улыбнулась и стала что-то быстро-быстро говорить. Когда они поравнялись с калиткой, мать толкнула Розу в ворота. Она хотела что-то сказать Нариману, но раздался злой окрик полицейского и она торопливо вернулась в строй,- Нариман запомнил только глаза этой женщины: большие, до краев наполненные болью. Такие глаза были и у его матери, когда она отдавала ему бутылку со сливками.

Розу Нариман спрятал на чердаке. Ночью, когда во всех окнах погас свет, он перетащил туда матрац, подушку, два одеяла и фляжку горячего чаю.

- Роза, где ты?- шепотом спросил Нариман.

Замерзшая, испуганная сидела она в углу чердака, сжавшись в комок, и не могла выговорить даже слова. Нариман отыскал ее ощупью и сунул в замерзшие руки горячую фляжку.

Пока Роза пила чай, Нариман разгреб прошлогоднюю солому и устроил Розе постель. Едва он собрался уходить, Роза заплакала.

- Не уходите, пожалуйста, я очень боюсь...

Когда холодное утреннее солнце глянуло сквозь щели чердака, Роза и Нариман спали, крепко прижавшись друг к другу.

Нариман никому во дворе не сказал ни слова о Розе. Два дня он возвращался домой усталый и разбитый и выкладывал перед Розой все, что ему удавалось раздобыть.

Тетя Катя чувствовала, что Нариман скрывает от нее какую-то тайну, но на все ее вопросы он отмалчивался.

В воскресенье Нариман понес на базар папину меховую шапку и обменял ее... обменял ее на ящик с тремя щетками, вихоткой и баночкой гуталина...

С этого дня Нариман стал чистильщиком обуви и они с Розой больше не голодали. Самым доходным местом оказался немецкий штаб, бывали дни, когда он приносил Розе даже шоколадку. Целую неделю Нариман был счастлив: каждый вечер, вернувшись с «работы», он сытно кормил Розу, потом они оба забирались в солому, и он до поздней ночи рассказывал ей, как учился в школе, какие видел фильмы, рассказывал про зверинец и про цирк, который перед войной приезжал в Симферополь.

Однажды Нариману удалось выменять на плитку шоколада книжку. В ней были «Дядя Степа», «Мойдодыр», «Доктор Айболит» и много других интересных стихов, и они читали ее каждый раз, когда им приходилось быть вместе, пока Роза не выучила всю книжку наизусть.

Наступил ноябрь, ударили морозы. От отца не было никаких известий. Вдобавок, мальчишки с соседнего двора подкараулили его вечером и крепко избили, а один из них схватил лежащего Наримана за волосы и ткнул носом в ботинок.

- Полижи мой ботинок: ты же лижешь немецкие!

На другой день, когда Нариман сидел возле штаба, аккуратно расставив щетки, сзади подошел сын полицейского, который жил в одном дворе с Розой.

- Что, мало тебе досталось, опять пришел?

Нариман ничего не ответил. Долговязый пнул ногой ящик и ушел. С долговязым никто не играл, ребята называли его «жандармом» за то, что он любил ходить по улице, напялив на себя китель и фуражку отца.

Чтобы ребята не высмеивали его, он натравил их на Наримана. Нариман стал возвращаться поздно, но однажды мальчишки подстерегли его и опять избили прямо во дворе.

- Почему они к тебе придираются?-спросила Роза.

- Да, так... из-за того, что я сапоги немцам чищу...

- А ты не чисть...

- Что же мы тогда будем кушать?

- Хочешь, я расскажу им, какой ты хороший, и они не будут больше драться.

- Тебе нельзя слезать с чердака, вот уйдут гестаповцы из нашего двора, тогда и слезешь, а сейчас нельзя.

Засыпая, Роза попросила Наримана:

- Принеси мне, пожалуйста, завтра камешки.

- Хорошо, принесу. А зачем они тебе?

- Я дни по камешкам считаю, как солнышко взойдет, я кладу на полочку камешек, как положу десять камешков, мама вернется. Она сказала мне, что через десять дней обязательно придет за мной.

- Сколько дней прошло, как она...

- Прошло девять... завтра еще день, и она вернется.

- Спи, она обязательно вернется...- сказал ей шепотом Нариман и беззвучно заплакал. Он слышал, как на рынке одна женщина рассказывала другой, что всех, кого полицейские увели в тот день, расстреляли за городом во рву...

На десятый день Нариман вернулся рано: из деревни, куда увезли бабушку, должны были вернуться тетя Катя с сыном, они уехали туда на три дня - обменять одежду на хлеб и картошку.

Мальчишки еще издали увидели Наримана, забежали во двор и спрятались в проходе. Не успел он дойти до порога дома, как они с воем набросились на него, выбили из рук ящик и, свалив на землю, стали избивать. «Жандарм» ударил по ящику ногой, оттуда вылетели щетки, гуталин, полбулки хлеба и плитка шоколада.

- Стойте! Перестаньте! Не смейте его бить, слышите! Он хороший!- из сарая, размазывая по лицу слезы, бежала девчонка с черным бантом и большой шестиугольной звездой на лбом пальтишке.

Она вцепилась в «жандарма» и стала тянуть его в сторону.

- Не смейте, слышите! Не смейте его бить!

На шум вышел молодой офицер. Увидев девчонку, он громко крикнул: «Пауль! Пауль! Вольф, ты меня слышишь?- Иди скорее сюда!»

Показался обер-лейтенант.

- Смотри, уцелела, это по твоей части.

Обер-лейтенант схватил за руку плачущую девчонку и повел ее за собой. Мальчишки расступились, пропуская вперед гестаповца, который тащил за собой упирающуюся девочку, глянули на лежащий на земле хлеб, на избитого в кровь Наримана и все поняли...

Смуглый черноволосый денщик обер-лейтенанта поднял Наримана с земли и увел к себе. Он обтер мокрой тряпочкой окровавленное лицо Наримана и смазал йодом ссадины. Нариман вздрогнул, когда денщик спросил его по-казахски:

- Как тебя зовут?

Нариман ничего не ответил. Когда он уходил, солдат сунул ему в руки большую банку тушенки, но Нариман положил банку на пол и вышел...

Розу Нариман никогда больше не встречал...

Было уже темно, но Нариман и Павел Иванович сидели не включая света. Павел Иванович слушал Наримана, низко опустив голову. Ему казалось, что если сейчас включить свет, Нариман его обязательно узнает.

Уткнувшись рассеянным взглядом в ножку кровати, он искал выхода из создавшегося положения. Он не мог убрать Мурата: тот еще был нужен ему. Как только он выведаст у этого бородатого упрямяца необходимые данные, можно уходить: на границе его уже ждали... Надо убрать мальчишку и как можно скорее, надо просто завлечь его в горы... Пауль детально продумал свой план и нехотя поднялся.

- Пойду, засиделись мы с тобой... А насчет того, что ты мне рассказал, никому ни слова, я все разужнаю сам. Договорились? Вот и хорошо. Выздоровливай. Как только тебя выпишут, сразу отправимся в поход штольню искать. Да... а ребятам ты ничего не говорил?

Нариман покачал головой.

- Молодец! В таком деле надо уметь держать язык за зубами. Их тут целая шайка, наверно, орудует... Я сообщу, кому надо. Ну, будь здоров, поправляйся.

Утром чуть свет Наримана разбудил осторожный стук в окно. Нариман вскочил, набросил на плечи халат и выглянул. Под окном стояли Булат и Батыр. Перебивая друг друга, они рассказали, что дядя Николай, который с бородой, ушел в субботу на охоту и до сих пор не вернулся, что искать его отправилась целая бригада. Уходя, ребята пообещали Нариману, что будут держать его в курсе всех рудничных событий. Они сказали, чтобы в двенадцать часов Нариман ждал их у окна.

Очередного сообщения Нариман не дождался: в одиннадцать часов был обход, и его выписали.

Два дня не выпускала тетя Дуся Наримана из дому. Он сидел возле окна, читал «Историю колониальных и зависимых стран» (Роза заявила, что пока он не прочтет оба тома истории, других книг она ему не даст).

Ребята вот уже третий день работали на строительстве школы и поэтому приходили только в обед и вечером. В обед они рассказывали о том, как растут стены школы, а вечером сообщали, как идут поиски неожиданно исчезнувшего главного геолога. Который день кружил над горами вызванный из города кукурузник, но и ему не удалось обнаружить никаких следов Николая.

- Может, он был шпионом и убежал за границу,- высказал свое мнение Булат.

- Как тебе только не совестно, Булка? С человеком могло случиться несчастье, а ты...

- У него на уме только шпионы да варенье,- пробурчал расстроенный Батыр.

- Мой папа сказал,- начал было Гриша, но его тут же перебил неунывающий Булат:

- Скажи, а мама твоя ничего не говорила?

Обиженный Гриша умолк и отвернулся к окну.

* * *

Наконец-то Нариману разрешили делать все, что ел»у вздумается! И в первый же день свободы он отправился на стройку.

Пока Нариман болел, строители полностью вывели наружные стены школы. Теперь вся работа переместилась внутрь здания.

Батыр и Булат работали внизу. Батыр помогал замешивать раствор, а Булат работал на транспортере - подавал кирпич. Принимала кирпич на втором конце транспортера Роза.

Часов до десяти работа у ребят шла нормально, а когда на электростанции прогудел десятичасовой гудок, на транспортере в

проем окна вместо кирпича, которого ожидала Роза, въехал Булат. Роза стащила его с ленты, и Булат торопливо зашептал ей на ухо:

- Идет, понимаешь?!. Он идет!

Роза положила пыльную ладошку Булату на лоб:

- Ты ни на что не жалуешься? Спал хорошо?

- Что я тебе больной, что ли?- возмутился Булат, отбрасывая Розину руку.- Говорю тебе - идет, он уже на мосту наверно!

Роза, ничего не понимая, все так же серьезно продолжала смотреть на Булата. Тогда Булат встал на кирпичи и громко зашептал Розе прямо в ухо:

- Ну тот самый, понимаешь... который...

Роза оттолкнула его от себя.

- Ты можешь толком объяснить кто?

- Шпион!- прохрипел Булат.

Через три минуты вся бригада, поднимая клубы пыли, мчалась по дороге. Впереди с треногой в руках бежал Нариман, за ним Гриша с фотоаппаратом, за Гришей Роза с маминым платьем, за ней Батыр со скамеечкой, за Батыром Булат с двумя кассетами в руках.

Пока Гаршин дошел до первого дома, ребята успели забежать за угол и подготовиться: укрепили треногу, установили фотоаппарат. Батыр приставил к треноге скамеечку, Роза помогла Грише натянуть на голову платье. Все было готово к съемке. Батыр, Нариман и Роза стали стеной перед фотоаппаратом. Булат заглянул за угол и поднял руку...

Из-за угла вышел Гаршин, он шел не торопясь, спокойно, словно сам собирался помочь ребятам. И вот, когда Гриша поймал его в объектив и положил палец на спуск, откуда-то из-за дома вылетела машина и, обдав ребят густым облаком пыли, исчезла за поворотом.

Пока ребята протирали запыленные глаза, Гаршин прошел мимо. Подхватив аппарат, скамеечку и платье, все бросились ко второму дому и вторично приняли боевую готовность.

Ребятам в этот день определенно не везло. Не успел Гаршин дойти до угла, как из подъезда вышел Гришин отец и они пошли рядом. Гришин папа всю дорогу забегал вперед, пытаясь что-то объяснить Гаршину. Так они и прошли мимо ребят: справа, со стороны ребят, отец Гриши, а рядом с ним почти невидимый Петр Петрович.

Гриша со злостью стащил с себя платье. Оставалась еще одна надежда - третий и последний дом. Но, судя по всему, Гришин отец вовсе не собирался отставать от Гаршина, и тогда Булат предложил выход из положения. Пока они стремглав бежали к третьему дому, Гриша объяснил Нариману, когда, в какой момент и как надо фотографировать.

Подготовив Нариману фотоаппарат, Гриша обежал дом с обратной стороны и, когда отец и Петр Петрович прошли мимо пожарной лестницы, которая была укреплена на стене со стороны дороги, Гриша подкрался к ней, в прыжке ухватился за железную перекладину и повис на ней.

Гриша подождал, пока отец с Гаршиным окажутся перед объективом и громко, плаксивым голосом закричал :

- Папа! Папочка!

Отец обернулся.

Гриша продолжал вопить на всю улицу.

- Папочка, сними меня, пожалуйста!

- Подожди меня, пожалуйста,- остановил Гаршина Гришин отец и побежал спасать Гришу.

Петр Петрович стоял лицом к ребятам и смотрел, как отец снимает с лестницы Гришу. Пока он смотрел, Нариман направил на него объектив, и в камере успели побывать одна за другой две кассеты.

Когда Гришин отец вернулся к Петру Петровичу, ребят возле дома уже не было.

Вечером ребята отнесли Павлу Ивановичу все три кассеты и попросили его сделать фотографии. Павел

Иванович кассеты взял и пообещал ребятам, что к утру фотографии будут готовы.

Утром чуть свет ребята были уже у Павла Ивановича. На стук вышел сам хозяин дома.

- Так рано?-удивился он.

- Павел Иванович, вы же сами сказали, чтобы мы пришли утром.

- Но фотографии еще не совсем готовы...

- Ничего, мы подождем.

- Ну если подождете, тогда входите.

Когда все вошли в комнату, Роза спросила:

- Павел Иванович, ну когда же мы пойдем в поход?
- Если вы готовы, мы можем пойти хоть завтра.
- Конечно, готовы!- радостно закричали ребята.
- Если готовы, завтра в шесть часов вечера выступаем. Только, чур, отпроситься дома, хорошо?

Все, кроме Булата, дружно закивали головами.

- Выйдем в шесть, переночуем в горах у костра и на другой день к обеду вернемся. Все согласны?

- Все!

- А теперь посидите немножко, я сейчас принесу и покажу вам снимки.

Пока Павел Иванович возился в кладовке, ребята обсуждали план завтрашнего похода.

- А что с собой взять?- спросил Булат.

- Возьми матрац, одеяло, подушку, можешь взять Цицерона,- перечислял Гриша.

- Только бабушку не бери,- посоветовала Роза.

- Возьми сухарей, возьми масла, картошки, луку, можешь взять капусты, сварим щи... возьми вермишель. Да, соли и сахару не забудь... возьми яйца...

Батыр не успел сказать, что еще надо взять, как в комнате появился Павел Иванович. Он держал в руках стекло, на которое были наклеены фотографии. Ребята окружили Павла Ивановича, глянули на стекло и разинули рты от удивления: на всех трех снимках, и на том, что снимали в больнице, и на тех двух, на которых с таким трудом был сфотографирован Гаршин, красовался прежний владелец фотоаппарата. На одном он был в окружении каких-то очень старых чопорных дедушек и бабушек, на втором он загорал на пляже возле моря, на третьем он был в шляпе с тросточкой...

Собирались у входа в штаб. Первыми пришли Роза и Нариман, за ними пришли Батыр с Гришей, Павел Иванович с небольшим рюкзаком и ружьем за плечами. Не было только Булата.

- Может, ему бабушка не разрешила?- спросил Павел Иванович.- Почему же он мне не сказал...

- Ему папа еще вчера разрешил, он просто опаздывает,- ответила Роза.

У входа в ущелье показался Булат. Увидев ожидающих его товарищей, Булат попытался было прибавить шагу, но огромный рюкзак так больно бил по спине, что он волей-неволей перешел на «тихий ход».

- Неужели я опоздал?- спросил он, подходя к штабу.
- Ровно на полчаса,- глянул на свои часы Павел Иванович..
- Не может быть!- усомнился Булат, извлекая из кармана будильник.- На моих ровно шесть!

Тропа круто уходила в гору. Первое время Булат шел первым, но постепенно он всех пропустил вперед и плелся теперь самым последним.

- Давай помогу,- подошел к нему Павел Иванович.
- Нет,- твердо ответил Булат,- я сам.

Солнце уже до половины спряталось за гору, а подъему не было видно конца. Воспользовавшись тем, что тропинка нырнула в кусты, Булат торопливо снял рюкзак и проверил, не сунул ли он туда в ночной суматохе папины гантели? Гантелей в рюкзаке не оказалось, и Булат устало поплелся дальше.

Через час, незаметно для идущих впереди, Булат высыпал из рюкзака морковь, часть картошки, кочан капусты и свеклу. Еще через полчаса на тропе осталась пачка соли, огурцы, помидоры и руководство по разжиганию костров. Но когда и это не помогло, Булат решился на отчаянный поступок,- он решил избавиться от рюкзака: спрятать его под кустом и подобрать на обратном пути, но к счастью Павел Иванович объявил десятиминутный привал.

Ребята сели кружком и стали развязывать рюкзаки, на свет появились бутылки с молоком и фляжки со сладким чаем, пирожки и пряники. Один только Булат не развязывал своего рюкзака.

- Ты чего ждешь, Булка?- дернула его за рукав Роза.
 - Не хочу я кушать,- равнодушно ответил Булат, отводя глаза от румяных пирожков,- я перед выходом съел две тарелки плова...
 - Ну тогда на,- протянула ему Роза бутылку,- выпей немного молока...
 - Ну, если тебе так хочется, глоток выпью...
- Ровно через десять минут Павел Иванович поднял отряд на ноги.

- Пошли, часа через полтора будет темно, а нам еще надо дойти до реки и выбрать место для ночлега.

Через час отряд подошел к реке. На тропе было хорошо слышно, как недовольно урчит вода меж узких каменных берегов, густо поросших кустарником.

Место для ночлега выбрали метрах в десяти от берега и сразу же принялись за работу: натаскали на ночь сучьев, навалили целый ворох пахнувшей горной пылью травы. Когда все было готово, Павел Иванович разжег костер.

- Ну вот, главное сделано, а теперь давайте будем готовить ужин, развязывайте рюкзаки!

Почему-то один только Булат и потянулся к рюкзаку, остальные сидели молча и растерянно смотрели на Павла Ивановича.

Булат развязал рюкзак и стал деловито, неторопливо доставать припасы. И чего тут только не было: и вермишель, и картошка, и рис, и бутылка хлопкового масла, и лук, и соль, и даже свекла! Ребята удивленно водили головами за рукой Булата, которая все еще продолжала извлекать из волшебного рюкзака перец, лавровый лист, чай и какие-то разноцветные баночки с никому не известными приправами.

Но когда в довершение всего Булат извлек со дна рюкзака книгу о вкусной пище, изданную, судя по обложке, в прошлом столетии, ребята потеряли дар речи.

Батыр широко раскрыл рот, промычал что-то невразумительное и опять закрыл.

А Булат? Булат как ни в чем не бывало раскрыл книгу на самой середине и стал с выражением читать:

- Суп с говяжьим мясом и макаронами: берем полфунта говядины, фунт картофеля...- Булат, не прерывая чтения, достал из кармана куртки безмен и положил его рядом.

- Мясо следует варить два-два с половиной часа...- и Булат извлек из кармана будильник.

Чтение продолжалось долго. Через полчаса ребята знали, как варится плов и как жарятся чебуреки. Еще через полчаса знали, как пекут пирожное и слоеный пирог.

Булат никак не мог оторваться от книги и никто не решался его остановить: никогда еще ребятам не приходилось читать такой

увлекательной книги.

Булат дошел до раздела «Рыбные блюда» и остановился. Воспользовавшись паузой, Павел Иванович предложил:

- А теперь давайте сварим суп. Настоящий охотничий суп. Доставай, Булат, котелок. Батыр, сходи за водой, а ты, Нариман, сделай перекладину над костром.

Батыр и Нариман поднялись со своих мест, а Булат сидел как ни в чем не бывало.

- Чего же ты ждешь, Булат?

Булат отложил в сторону книгу и молча вывернул рюкзак. Выпал кочан капусты, две морковки, а котелка не было...

Ребята допоздна кипятили во фляжках чай и запивали им хлеб и пирожки. Батыр достал из своего рюкзака пирог с рисом и протянул его Булату.

- На, ешь, в следующий раз помни, что в дорогу надо брать хоть кусочек хлеба.

После того как был съеден ужин, Нариман подбросил в костер целую охапку сучьев, и пламя высоко взметнулось вверх. Ребята сидели вокруг огня и не сводили глаз с широких золотистых языков, которые, извиваясь от легкого ветра, рвались к звездам.

Булат положил голову на колени Батыру и задремал. Увидев это, Роза осторожно достала из его кармана аккуратно сложенные листки бумаги и, развернув их, шепотом сказала:

- Мальчишки, я вам сейчас что-то прочитаю. Только тихо, не разбудите Булку. Слушайте.

Роза подвинулась поближе к огню:

В сарае,
В углу,
Запылен, не у дел
Шахтерский костюм одиноко висел:
И куртка,
и каска,
и пара сапог,
Их дедушка

В память о штольне берег.
А дальше, у входа,
Висел, как и встарь,
Уже потускневший
Шахтерский фонарь.
Он дедушке долго
Светил под землей
И честно себе
Заработал покой.
Однажды
Мы вместе
Забрались в сарай,
И дедушка мне подмигнул:
- Надевай!
- И куртку?
И каску?
И пару сапог?
И даже фонарь
Со стены снять помог.

Я вышел,
И по двору важно хожу,
И даже на наших ребят
Не гляжу.

Вдруг как засмеются
Ребята вокруг:
- Откуда во двор к нам
Попал этот друг?
Ребята кричат мне:
- Еще не дорос!
Ты каску сними,
А то видно лишь нос!
Мне очень обидно,
Кричат,
Ну и что ж!

Все равно На шахтера
Я очень похож!

Булат проснулся и стал усиленно тереть глаза. Роза торопливо спрятала листки в карман. Батыр обнял Булата за шею и уложил его на место.

- Спи, шахтер...

Удобно устроившись на траве, ребята уснули. Было тихо, сквозь густые ветви деревьев проглядывали крупные ледышки звезд. Не спал один только Павел Иванович. Он сидел возле костра и, изредка подбрасывая в огонь сучья, с удовольствием потягивал трубку.

Где-то рядом спросонья застучал по стволу дятел. Павел Иванович взглянул на часы. Стрелки показывали без пяти три. В три часа Павел Иванович поднялся и, убедившись, что ребята крепко спят, осторожными шагами направился к реке. Вслед за дятлом громко прокричал во сне раненый беркут, его громкий стон разбудил Наримана. Он нехотя открыл глаза и глянул на остывший костер, Павла Ивановича не было.

«Куда же он мог уйти?»- подумал Нариман и, взяв флягу, по едва заметной тропке стал спускаться к реке. У воды он остановился и замер: метрах в двадцати выше того места, где он стоял, через длинное бревно, переброшенное с одного берега на другой, торопливо шел человек. Нариман хотел было броситься за ним, но раздумал: перебраться в темноте по тонкому стволу на правый берег он все равно не смог бы. Нариман внимательно следил, в каком направлении пойдет Павел Иванович. Только раз мелькнули среди густых зарослей светлые волосы, больше Нариман ничего не видел.

Не доходя нескольких метров до штольни, Пауль остановился и тихо свистнул. Из-за кустов послышался такой же негромкий ответный свист. Пауль прошел еще несколько метров, и перед ним, словно из-под земли, вырос человек.

- Все в порядке, Мурат? Он еще жив?

- Жив.

Оба подошли к небольшому отверстию между камней и один за другим исчезли под землей.

Добравшись до забоя, где стояла аппаратура, Пауль опустился на ящик и глянул на часы: до приема передачи оставалось несколько минут. Мурат понес к отверстию штольни антенну, а Пауль стал настраивать приемник на знакомую волну.

Настроив приемник, Пауль надел наушники и приготовился к приему. Ждать пришлось недолго, через несколько секунд в наушники сквозь треск и шум роем ворвались торопливые цифры. Пауль записал на полоску бумаги принятую передачу и тут же отстукал ответ. Пока Мурат вернулся с антенной, она была уже расшифрована.

Полковник сообщил, что Пауля ждут на границе. Пауль отметил про себя, что в шифровке так и было сказано: «Волка ждут на границе». Накрыв мешком аппаратуру, Пауль приказал Мурату привести Николая.

Связанный по рукам и ногам, вот уже вторую неделю лежал Николай в глухом забое. Если бы не тоненький ручеек, который пробегал по дну забоя, Николай не выдержал бы такой пытки. Он лежал почти без движений, сберегая остатки сил. Он верил, что его все равно найдут, и ругал себя, что не верил в существование штольни. Не поверил, а она была совсем рядом, в нескольких часах ходьбы от рудника. Временами, чтобы не потерять сознание, он думал о том, как они проведут дорогу от электростанции к штольне, какое они напишут письмо в Министерство угольной промышленности, чтобы руднику выдали парочку угольных комбайнов...

Мурат подхватил Николая под мышки и поволок в соседний забой. В забое он поставил его на ноги и помог прислониться к стене, достал из кармана платок и вытер почерневшее от нефти и угля лицо. Николай открыл глаза и тут же зажмурил их от яркого света фонаря, направленного прямо в лицо.

Пауль сидел на ящике, положив рядом с собой пистолет.

- Ну как, будем продолжать играть в молчанку или ты все-таки заговоришь? Не понимаю, чего упрямисься. На руднике тебя уже давно похоронили, так что помощи тебе ждать неоткуда. Мне от тебя нужно совсем не много: общие запасы руды, сколько штолен еще вы собираетесь открыть и будет ли на руднике построек

металлургический завод? Ты мне даешь сведения, я тебе дарю жизнь. Идет?

Николай молчал.

- Ну, как хочешь, я не стану вытягивать эти сведения силой. Времени у меня много, я еще подожду.

«Ага, значит времени у тебя не так уж много!»- отметил про себя Николай и это придало ему сил.

А времени у Пауля действительно оставалось мало. Нет, не потому, что его торопил полковник, просто Пауль чувствовал, что за ним на руднике следят. Он несколько раз перехватил внимательный взгляд Петра Гаршина. А тот, рыжий шофер, который возил его в город? Он не перебросился с Павлом ни одним словом за всю дорогу, но Пауль чувствовал, что малейшее неосторожное движение, и этот рыжий добряк сомнет его своими большими руками.

А может, это плод его собственной фантазии? Нет, он верил своей интуиции, она его редко подводила.

- Скажи, может, тебе хочется заработать на этом деле? Сколько? Десять тысяч долларов тебя устроит? Двадцать? Двадцать пять? Та-ак... значит, не продаемся...

Пауль погасил в глазах злые огоньки и заговорил вкрадчивым голосом:

- Ну хорошо, я тебе ничего не предлагаю. Ты даешь мне необходимые сведения, и я отпускаю тебя на все четыре стороны. Ни одна душа на свете не узнает о разговоре, который будет иметь тут место. Ты сегодня же вернешься на рудник, если хочешь я сам отнесу тебя туда, скажу, что случайно обнаружил в угольной штольне... Ну, по рукам?

Геолог молчал.

Тяжелый удар свалил Николая с ног. Пауль бил его ногами, бил головой о землю:

- Говори, собака! Говори, или я по капле выпущу из тебя кровь, говори!

Целый час издевался он над потерявшим сознание Николаем. С тяжелым сердцем смотрел на все это Мурат, и злоба медленно закипала в его душе. Пауль устало опустился на ящик и стер рукавом со лба пот.

- Принеси воды!

Мурат принес полный котелок прозрачной родниковой воды и протянул ее Паулю.

- Вылей ему на голову!

Николай пришел в себя и облизнул залитые кровью губы.

- Слушай, ты! Я дарю тебе еще два дня жизни, если ты не сообщишь мне необходимые данные я... нет, я тебя не убью, я заставлю умереть тебя в этой дыре голодной смертью! Ты думаешь, они тебя найдут? Найдут, найдут... Найдут, и не будут знать, чьи кости они нашли!.. Унеси его отсюда, пусть полежит еще пару дней, может, образумится.

Мурат подхватил Николая и потащил его назад в забой. В забое он бережно опустил свою ношу на землю и рядом положил ломоть черного хлеба. Когда он вернулся, Пауль собирался уже уходить.

- Ты в какую смену будешь работать в пятницу.

- В пятницу? Сейчас посчитаю: завтра с утра, послезавтра с утра... Выходит, в пятницу с четырех.

- Возьмешь с собой вот эту штуку,- показал Пауль на черную коробку, лежащую на ящике,- постарайся ее оставить в штольне в пятницу. Учти, в семь часов тебя не должно быть в штольне, в девять я жду тебя здесь. Смотри, не опаздывай; дальше нам опасно тут оставаться.

Пауль ушел. Спустившись к реке, он внимательно посмотрел по сторонам. Тихо кругом, спокойно. Пауль уверенно ступил на бревно.

Нариман заметил Павла Ивановича, когда тот был уже на середине «моста», Нариман нырнул в кустарник, крадучись добрался до ночлега, лег и притворился спящим.

* * *

Утром раньше всех проснулся Булат. Он осторожно встал, достал из рюкзака нож, вырезал две удочки и сбежал на речку. Через час поднялся Павел Иванович, разбудил ребят и все побежали умываться. Возле речки их встретил Булат с целым куланом серебряных маринков. Возвращались все вместе. Пока Павел Иванович разводил костер,

Булат снова достал из рюкзака книгу о вкусной пище и углубился в поиски рыбного раздела. Пока Булат выбирал, каким необычайным рыбным блюдом поразить товарищей, Роза почистила маринку, а Павел Иванович натер ее солью, насадил на тонкие зеленые прутики и выложил как шашлык над горячими угольями. И в тот момент, когда Булат поднял указательный палец и громко сказал «О!», - у него отняли книгу и торжественно вручили две румяные хрустящие маринки и кусочек хлеба.

После вкусного завтрака отряд стал собираться в дорогу.

Булат долго и нехотя складывал в рюкзак картошку, морковь, свеклу и всевозможные баночки со специями. Ему явно не хотелось тащить этот груз дальше. Пока Булат доставал из травы капусту, Батыр умудрился засунуть ему в рюкзак большущий бульжник.

Отряд спустился к реке. Увидев бревно, переброшенное с одного берега на другой, больше всех удивился Павел Иванович.

- Смотрите! Для нас даже мост кто-то приготовил! Почему бы нам не воспользоваться чужой добротой, а?

Чтобы ребята не свалились с бревна, Павел Иванович достал из рюкзака толстый шелковый шнур и сделал из него «перила». Все благополучно перебрались на правый берег и когда уже отошли от моста на добрый километр, Булат спохватился, что он забыл на том берегу свой рюкзак. Он тут же хотел было отправиться за ним, но Павел Иванович отговорил его.

- Будем возвращаться домой, тогда и возьмешь.

То ли от расстройства, то ли от радости Булат стал громко икать.

- Что с тобой, Булка?- участливо спросила идущая следом Роза.

- Не знаю, наверно, бабушка вспоминает...

- А-а...

В эту минуту бабушка действительно вспомнила о своем любимом внуке и обрушила ему на голову целый поток замысловатых проклятий. И конечно, бабушка была права: утром, когда она собралась готовить завтрак и открыла дверцы кухонного шкафа, у нее подкосились ноги и она медленно опустилась на пол. Все три полки шкафа были абсолютно чисты...

Из-за горы медленно поднималось солнце. Громадная тень, которая лежала по всему ущелью, стала нехотя сползать с крутых склонов гор. Чем выше поднималось солнце, тем ниже сползала тень.

И когда наконец солнце глянуло на самое дно ущелья, обожженная тень скатилась в бурливую речку и бесследно растаяла в ледяной воде.

Километрах в пяти от моста Павел Иванович остановил отряд.

- Сейчас мы с вами поднимемся метров на триста вверх и пойдем назад. Судя по рассказам местных жителей, штольня должна быть где-то тут. Так что будьте очень внимательны; она может скрываться за любым кустиком, за каждым камнем,...

Возвращались очень медленно. По пути заглядывали под самые крохотные кустики, сдвигали с места каждый подозрительный камень. Так дошли до осыпи. Эта широкая застывшая каменная река брала свое начало где-то у вершины горы.

Идти по осыпи Павел Иванович не разрешил; сказал, что это опасно. Ребята спустились к реке, обошли опасное место. Возле моста остановились, и, к большому огорчению Булата, Павел Иванович перешел на левый берег и принес рюкзак.

Домой возвращались уставшие и голодные.

- Ну, чего носы повесили?- повернулся идущий впереди Павел Иванович.- Думали, что мы найдем штольню с первого же раза? В жизни ничего так легко не дается...

Когда отряд вышел на тропу, которая вела к первой штольне, было уже темно. Ребята радостно закричали, увидев залитый огнями рудник. Не доходя до штольни, тропа раздваивалась: одна проходила над самым коньком штольни, а вторая уходила вверх. Идти решили по нижней тропе. У самой штольни Роза остановилась, невольно подняла голову и вскрикнула от удивления!

- Смотрите, мальчишки! Опять кто-то сигналиит!

Все побросали рюкзаки и сломя голову бросились вверх! Вскрабкавшись на верхнюю тропу, ребята были страшно удивлены. Никто никаких сигналов не посылал! С работы возвращалась вечерняя смена. У каждого в руке светился шахтерский фонарь, и когда горняки проходили мимо широкой каменной щели, над которой сгрудились ребята, каждый из них посылал на рудник свой сигнал. Последним шел Петр Петрович Гаршин...

Дома, у калитки со скалкой в руках Булата поджидала бабушка. Увидев внука бабушка только и успела сказать:

- Ах это ты... козий сын...

- Не надо, бабушка, не расстраивайтесь,- перебил ее Булат.- Я все принес назад...

Бабушка подхватила рюкзак и потащила его на кухню. Булат сидел на скамеечке и молча наблюдал, как продукты, баночки и бутылки возвращаются на свои места. Последним бабушка вытащила булыжник.

- А это ты откуда взял?- удивилась она.

Перед сном Булат достал из-под матраца блокнот и поставил на обложке большой жирный крест. Так было закрыто дело шпиона дяди Пети Гаршина, начатое 17-го июня 1946 года...

Все, что произошло ночью у реки, Нариман подробно рассказал Розе.

- А ружье он брал с собой?

- Конечно...

- Может, он услышал какой-нибудь подозрительный шум и пошел посмотреть? А может, кабаны?

- Зачем же он тогда удивлялся, когда увидел мост?

Роза пожала плечами.

- Знаешь, Роза, мне почему-то кажется, что Павел Иванович знает, где находится штольня и скрывает это от нас... Помнишь, мы обошли каменную осыпь?

- Помню.

- А ведь ночью он пошел в ту сторону.

- Пошел, а потом мог завернуть... Скажи, а вдруг он собирается сделать нам сюрприз? Вот пойдем мы еще раз в поход, и он подведет нас к штольне и скажет:- Вот она, ваша штольня, получайте!..

- Он же хорошо знает, что руднику во как нужен уголь!

- Смешной ты, Нариман, а вдруг он ее только вчера и открыл? Тогда как?

- Скажи, если бы ты нашла штольню, ты бы стала это скрывать?

- Конечно, нет!

- Ну, а для чего ему скрывать?

- Не знаю...

- Когда дядя Коля пропал, я еще подумал: а не нашел ли он штольню. Нашел, спустился в нее, а его засыпало...

- Хватит тебе сочинять!- засмеялась Роза.- Лучше сходи к Павлу Ивановичу и спроси, когда готовиться к следующему походу?

- Теперь он сможет только через неделю, когда у него будет выходной день. А что если мы сходим сами? Дорогу знаем хорошо, выйдем утром часов в девять, а к вечеру вернемся. Пройдем снизу доверху по осыпи и вернемся?

- А мальчишки согласятся?

В полдень, когда спала жара, пришли Гриша, Батыр и Булат. У друзей был такой вид словно им минуту назад сообщили точное местоположение штольни.

- Знаете что?- шепотом начал Гриша.

- Нет, не знаем,- ответили Роза и Нариман.

- Мы решили сами отправиться в поход! Не будем ждать Пал Иваныча, возьмем мой углеискатель и пойдем! Если вы согласны...

- Только чур,- перебил его Батыр.- Павлу. Ивановичу ни слова. Найдем штольню и преподнесем ему сюрприз!

Идти решили через два дня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Уже который раз Мурат ловил себя на мысли, что ему совсем не хочется уходить отсюда. Ребята по бригаде очень уважали его, и уже шел второй месяц, как его, Мурата, единогласно выбрали бригадиром.

А чем он им отплатит за все хорошее? Смертью? И кого он хочет убить? Абдильду, который с нетерпением ждал, когда ему выделят квартиру, чтобы перевезти на рудник жену и двух малышей? Абдильду, который каждый раз, когда ему приходила из аула посылка, приносил и выкладывал все перед ним, перед Муратом.

Может быть, Мереке, который недавно демобилизовался из армии и тоже ждет не дождется, когда к нему приедут жена и дочь из Караганды? Доброго, смешного Мереке, который никогда ни в чем не отказывал и почему-то называл всех своих друзей «львами».

Может быть, тогда Сергея, который целую неделю не отходил от его койки, когда Мурата трясла лихорадка? Когда Мурату стало очень плохо, Сергей среди ночи ездил в город и привез доктора! Так за что же убивать людей, которые приняли тебя как родного брата? Вспомни, кто относился к тебе так, как эти люди, на той» стороне? Никто.

Мурат пытался не думать о завтрашнем дне, но черная коробка в чемодане под кроватью ждала своего часа и неумолимо двигала стрелки вперед. Тик-так, тик-так, тик-так отсчитывали они минуты. Этот едва уловимый стук часов не давал Мурату спать. Он без конца вскакивал и подолгу сидел, крепко стиснув голову руками.

- Что-то неладное с тобой творится, дружище,- заметил Сергей,- нездоровится опять?

- Сам не знаю, что со мной,- солгал Мурат.

- Тебе, друг, семьей обзавестись надо, чтобы каждый вечер у калитки встречали сыновья. Как только отстроят наш дом, возьмем всей бригадой квартиры в одном подъезде и заживем по-настоящему!

- Нет. Сергей, стар я уже...- тяжело вздохнул Мурат.

- Кто, ты стар? Да с твоим здоровьем до ста лет дожить можно! Брось грустить, вот доберемся до руды, я съезжу с ребятами в ближайший аул и такую невесту тебе привезу: весь рудник ахнет! Так что ложись и спи спокойно...

В девять часов утра все уже были в сборе. Конечно, не считая Булата: он, как всегда, задерживался. Но ждать его пришлось недолго: радостно виляя хвостом, в пещеру забежал Цицерон, а вслед за ним появился и Булат. И на этот раз он не пришел с пустыми руками, за спиной у него висел какой-то странный предмет, завернутый в байковое одеяло.

- Что это у тебя?- набросились на него ребята.

- Ружье, которое досталось мне по наследству от двоюродного дедушки...

- А патроны к нему есть?

- Есть, жакан... но... только один.

- И ты из-за одного жакана будешь тащить ружье?

- А вдруг нам кабаны встретятся по дороге? Что ты тогда будешь делать? Бежать обратно на рудник?

Спорить с Булатом никто не стал, и через несколько минут отряд вышел на тропу. Впереди с универсальным углеискателем на боку торжественно вышагивал Гриша.

Солнце стояло высоко над горами, когда ребята добрались до места, где они ночевали три дня назад. Костра разжигать не стали: съели по кусочку хлеба, запили холодной речной водой, и блаженно растянулись на жухлой траве.

- Отдыхать будем ровно час,- тоном командира сказал Нариман.

- А откуда ты узнаешь, сколько мы отдохнули,- спросил Батыр,- часов-то у тебя нет?

Нариман посмотрел на Булата, но тот развел руками: мол, на этот раз будильника я не взял.

- Часы сейчас будут,- успокоил Батыра Гриша. Он выбрал невдалеке хорошо освещенную площадку, начертил на земле окружность, а в самый центр воткнул толстый прут. От того места, где упала тень, он разделил окружность на части.- Вот теперь можешь спать спокойно,- сказал он Батыру.

Пока все отдыхали, Булат извлек из чехла ружье, собрал его и вогнал в ствол единственный жакан.

На правый берег перебрались ползком по бревну. Подойдя к осыпи, Гриша первым делом вытащил на свет свой универсальный

углеискатель, но стрелка почему-то стала поперек и ни за что не хотела менять направления.

- Штольни здесь не было и нет!- авторитетно заявил Гриша, но слушать его никто не стал.

Нариман построил свой малочисленный отряд в шеренгу, и ребята медленным шагом двинулись вперед. Гриша шел в середине отряда, упрямо не выпуская из рук углеискатель.

Часа через два добрались до самого начала осыпи и повернули назад. Спускались вниз и снова заглядывали под каждый камешек, под каждый кустик, но штольни нигде не было. Ребята разбрелись по всей ширине застывшего каменного потока и время от времени кто-нибудь забирался на разбросанные вокруг громадные обломки скал и громко кричал:

- Кто нашел штольню, откликнитесь!

- Нашел! Нашел! Нашел!- отвечало тройным эхом ущелье.

Первым взбунтовался Гриша. Он взобрался на камень, лежащий в самом центре густого кустарника, и, привстав на цыпочки, чтобы его лучше было видно, громогласно заявил:

- Уважаемые товарищи! То-ва-ри-щи!!!

Ребята прекратили на минуту поиски и хмуро смотрели на голову Гриши, которая едва виднелась над густым кустарником.

- Товарищи! Я категорически отказываюсь от дальнейших поисков! Я уже говорил и еще раз повторяю, что штольни в этом районе нет! Мой папа сказал...

Ребята так и не узнали, что сказал Гришин папа по этому поводу: Гришина голова дернулась и исчезла в кустарнике. Все громко смеялись, ожидая появления незадачливого оратора, но он почему-то не спешил. Нариман, который ближе всех стоял к Грише, нырнул в кусты, и через несколько минут над кустом показалась его голова. Нариман поднял кулак и громко на все ущелье закричал:

- Штольня! Штольня!!! Настоящая штольня!!! Ура!!!

Булат сдернул с плеча ружье, взвел курок и, крепко зажмурив глаза, нажал спуск. Выстрела почему-то не последовало. Раздался негромкий хлопок, и из ствола нехотя выкатился жакан. Когда он открыл глаза, вокруг никого уже не было.

Булат бросил ружье и нырнул в кустарник.

Ребята один за другим съехали по воронке в штольню. Да, это была настоящая штольня, вырубленная в мощном пласте угля! Кругом был уголь - и под ногами, и по бокам, и над головой! Гриша чувствовал себя главным виновником торжества и даже пытался давать объяснения, но его никто не слушал. Ребята нюхали уголь, смотрели на цвет и пробовали на вкус. Пожевав кусочек и с усилием проглотив его, Булат очень серьезно заявил:

- Да, это самый настоящий уголь...

Когда утих первый порыв радости, ребята двинулись в глубь штольни. Впереди, освещая путь фонариком, шел Нариман. Ребята следовали за ним молча. Еще не до конца верилось в удачу. Им казалось, что скажи они сейчас одно громкое слово - и с таким трудом найденная штольня исчезнет, растает.

Луч фонарика скользнул по толстому черному бревну. Цицерон выскользнул из-под ног подскочил к нему и громко залаял. Ребята подошли ближе и оцепенели от страха: перед ними лежал мертвый Николай! Роза опустилась на колени, смочила в луже платок и обтерла почерневшее от угольной пыли лицо. Губы Николая дрогнули и приоткрылись.

- Пить... - еле слышно прошептал он.

Ребята подпрыгнули от радости: значит жив! Жив! Они моментально развязали Николая и стали растирать помертвевшие руки и ноги. Напоили его водой, умыли, но он все еще не мог прийти в себя...

Утром в общежитие прибежал мальчишка и сказал, что бригадир третьей бригады вызывает в контору. Мурат отложил в сторону недостиранную рубашку и последовал за посыльным. В конторе Мурата предупредили, что с сегодняшнего дня его бригада направляется на седьмую штольню. Штольня эта считалась самой дальней и находилась километрах в пяти от рудника.

Чтобы вовремя начать работу, бригада вышла из общежития на час раньше. Не зная, что ему делать с миной, Мурат сунул ее в коробку из-под запалов и взял с собой.

Работу в седьмой штольне пришлось вести одновременно в двух забоях. Пока из одного вывозили породу, второй готовили к отпалке. Мурат подкатил пустые вагонетки к первому забою и стал загружать.

Бросив коробку на одну из нагруженных вагонеток, он покатил свой небольшой состав к выходу. Отъехав немного, взял черную коробку и торопливо затолкал ее в щель между сводом и поперечной балкой крепления.

Николай глубоко вздохнул и открыл глаза. Привыкшие к темноте, они ничего не различали даже при слабом свете фонарика.

- Это мы дядя Коля! Это мы!- услышал он громкий шепот, но ответить не смог.

Прошло добрых полчаса пока в его одеревеневшее тело вернулась жизнь.

- Дядя Коля! Дядя Коля, вы меня слышите?- тряс его за плечи Нариман.

Николай открыл уже привыкшие к свету фонарика глаза: все плыло перед ним, как в тумане. Он понял наконец что спасен и к нему стало медленно возвращаться сознание. Ребят он узнал.

- Это вы?..- чуть слышно прошептал он.- Как вы сюда попали?

- Случайно, дядя Коля! Совсем случайно!- радостно объяснил Гриша.

- Дядя Коля, а кто вас связал?- спросил Нариман.

- Сейчас же уходите отсюда,- по слогам выговорил он,- уходите, они скоро придут... уходите...- опять уронил голову на грудь.

«Неужели это работа Павла Ивановича?- подумал Нариман.- Если так, то ночью он приходил сюда! Значит, они с тем рабочим заодно? Значит, всем грозит опасность! Надо срочно сообщить!..»

- Кто пойдет на рудник?

- Я!- разом ответили Булат и Батыр.

- Иди ты, Булка,- после недолгого колебания сделал выбор Нариман...- и Цицерона возьми с собой. Только смотри - бегом... Если ты не успеешь... Скажи что... сам знаешь, что сказать. Беги!

Гриша и Батыр помогли Булату выбраться из воронки, и он бегом бросился к реке. Не отставая от него, бежал Цицерон.

Выбравшись из осыпи на тропу, Булат вихрем помчался вперед. Он не знал, как можно добраться до рудника по правому берегу и поэтому решил возвращаться по тому пути, который привел их сюда. Вскоре он сошел с тропинки и сквозь заросли пробрался к «мосту». Возле бревна остановился в нерешительности. Вдруг он не сможет

пройти, вдруг сорвется? Но размышлять было некогда, и Булат, сбросив сандалии, босиком ступил на шаткий мост.

До середины он дошел благополучно, потому что смотрел только вперед, а тут глянул на воду - и моментально закружилась голова. Булат опустился на бревно и пополз. Бревно было шершавое, потрескавшееся, и ползти по нему было очень трудно. Булат глянул назад - Цицерон, как ни в чем не бывало, спокойно шагал следом. Булат осторожно поднялся на ноги, почти бегом сделал еще несколько шагов и полетел в воду.

Как щепку, подхватил Булата бурлящий поток и понес. Напрасно он пытался встать на ноги: тяжелая волна накрыла его с головой и бросила на камни. Теряя сознание Булат почувствовал, как кто-то схватил его за ворот рубашки и поднял над водой. Булат жадно хлебнул воздуха и открыл глаза: рядом, не выпуская ворота, плыл Цицерон. Еще немного, и они выбрались на берег.

Булат бежал из последних сил. Через каждые сто шагов он останавливался и давал себе несколько секунд отдыха. Возле реки тропа пересекала широкую зеленую лужайку. Булат остановился: на лужайке мирно расхаживал здоровенный белый ишак! Булат осторожно подошел к животному, ишак прижал длинные уши к холке и повернулся к Булату крупом. Булат обошел ишака с другой стороны, но тот, скопив налитый злостью глаз, снова принял оборонительную позицию. Булат отошел в сторону, сунул руки в карман и радостно вскрикнул:

- Хлеб!

В кармане лежал сырой комок хлеба! Булат положил комок на ладошку и, вытянув руку, стал осторожно двигаться вперед. Почувяв хлеб, ишак наострил уши и пошел навстречу протянутой ладошке. Пока, закрыв глаза от удовольствия, ишак пережевывал хлеб, Булат ухватился за гриву и наконец-то оседлал его!

Проглотив гостинец, ишак опять прижал уши и принялся отплясывать дикий танец. Поняв, что седока не сбросить, ишак развернулся и понесся вскачь в противоположную от рудника сторону. Булат крепко зажмурил глаза и скатился на землю.

Булат лежал на земле и беззвучно плакал. Подбежал Цицерон и стал лизать разбитую в кровь ногу Булата. Булат через силу поднялся и прихрамывая пошел вперед. По дороге нашел корягу. Опираясь на нее,

он взобрался на холм и потом, отбросив ее на радостях в сторону, помчался вниз. Почти рядом с рекой рабочие устанавливали буровую вышку.

Булат подбежал к вышке и упал на руки дяде Рустаму.

- Что случилось?- насторожился дядя Рустам.- Откуда ты бежишь?

Булат пытался ответить, но не смог. И только тогда, когда он выпил целую кружку холодной воды, к нему вернулся голос.

- Дядя Рустам, мы нашли дядю Колю и штольню... штольня лежит там... где дядя Коля лежит... они лежат связанные... им грозит опасность... там шпионы...

Рустам вскочил на коня, усадил впереди себя дрожащего Булата.

- Оспан, Кадыр,- позвал он двоих молодых рабочих,- беритесь за стремяна, вот так, держите покрепче.

Рустам, поднял камчу и конь рывком бросился вперед. Через несколько минут вышка осталась далеко позади...

Мурат медленно нагружал вагонетки крепежным лесом и мучительно думал, что ему делать с миной.

- Ты что так долго?- встретил его у входа в забой Мереке.- С такими темпами мы сегодня не управимся! Так что давай, бригадир, поторапливайся.

Мурат сбросил лес и наполнил вагонетки породой. Возле того места, где была спрятана мина, он остановился в нерешительности и, помешкав секунду, вытащил ее, сунул в породу и погнал вагонетки вперед к выходу. Возле отвала Мурат взял коробку в руки и стал растерянно смотреть по сторонам, куда же ее спрятать? Ага! Он сбросит ее в шурф! Но до шурфа Мурат не дошел, за полтора часа до установленного времени земля содрогнулась от гулкового взрыва...

Пауль знал, что бригада Мурата переведена в седьмую штольню. За час до взрыва он уже сидел на правом берегу напротив штольни и ждал. Он даже и мысли не допускал, что Мурат может не выполнить его приказа. Спокойно лежал он в зарослях ивняка и ждал. Все у него было рассчитано до минуты: в восемнадцать ноль ноль взрыв, в девятнадцать часов он будет в штольне, в двадцать два ноль ноль выйдет в путь. С семи до десяти - за три часа - он должен во что бы то ни стало выдавить из Николая признание...

До взрыва оставалось семь минут, шесть... пять... четыре... три... два... Сначала Пауль почувствовал упругий толчок, а потом и приглушенный шум взрыва. Пауль хотел было перейти речку и увидеть собственными глазами результат диверсии, но решил не рисковать.

Пауль шел осторожно, стараясь не показываться на открытых местах. В семь часов он был уже у штольни. Несколько минут он сидел в кустарнике не шевелясь, а когда убедился, что никто за ним не следит, отодвинул плиту и спрыгнул в штольню.

В лицо дохнуло затхлым воздухом. Пауль, не включая фонарика, уверенно зашагал в забой. В штольне было тихо и спокойно. Здесь Пауль чувствовал себя, как в крепости, здесь он был недосягаем для всех на свете, теперь он один только знал тропинку сюда...

Пауль ощупью вошел в забой и включил фонарик. Первым делом он закопал в углу забоя аппаратуру и оружие. Пауль был уверен, что ему не раз придется бывать в этих краях.

Разделавшись с аппаратурой, Пауль стал готовиться в путь: проверил пистолет, гранаты, сунул в карман ампулу с ядом. Чемоданчик, в котором хранились вещи и письма майора, он бросил за груды угля.

Оставалось последнее - Николай. Пауль подумал, что если до наступления темноты он не получит нужных сведений, полковник вряд ли выдаст ему обещанную награду. Правда, он возвращался не с пустыми руками, но все-таки самое главное... и какого дьявола он связался с этим упрямым бородачом... Пауль почувствовал, что в нем закипает злоба, сунул пистолет в карман и шагнул в темноту.

Николай лежал неподвижно, уткнувшись лицом в лужу. Пауль ткнул его сапогом в бок.

- Сэр, вы еще живы?

Николай чуть слышно застонал.

- Значит, живы...

Пауль опустился на корточки, взял Николая за плечи и повернул к себе лицом. Пауль хотел что-то сказать, но не успел: Николай сильным ударом обеих ног свалил Пауля на землю, а еще двое, выскочив из глубины забоя, навалились на него и скрутили руки.

Когда Пауля вытащили на поверхность, он вытаращил глаза от удивления. «Николаем» оказался тот самый рыжий шофер, который возил его в город, рядом стоял с пистолетом в руках Петр Гаршин и,

что больше всего удивило Пауля, продавец их хлебного магазина, с которым он встречался чуть ли не каждый день.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Петр Петрович и рыжий шофер, на машине которого приехал на рудник Нариман, второй месяц тщетно искали неуловимый передатчик. Сколько раз люди, посланные Гаршиным, вдоль и поперек прочесывали запеленгованные районы - и все время безрезультатно.

В ту ночь радисты перехватили шифровку, адресованную «Волку», и коротенький ответ. На этот раз передатчик работал из четвертого квадрата, в центре которого находилась каменная осыпь. К утру обе радиограммы были расшифрованы. Ответная радиограмма гласила: «Ухожу среду Волк».

В воскресенье один из наблюдательных пунктов в горах сообщил, что видел группу ребят во главе с горным мастером.

В понедельник вечером Гаршин остановил проходящего мимо Наримана и осторожно стал расспрашивать, как они сходили в поход. Петр Петрович, сам заядлый охотник, тут же рассказал Нариману несколько смешных охотничьих баек, чем очень расположил к себе Наримана.

- Да, скажи... а кабанов вы в субботу вечером не слышали? Мне сегодня утром колхозный чабан рассказывал, что в том районе, где вы были, он видел большое стадо...

- Вечером не слышал,- уверенно ответил Нариман, а вот ночью... ночью не знаю. Правда, Павел Иванович уходил куда-то: может, он этих кабанов и услышал?

- Когда идете в горы, будьте осторожны,- предупредил Петр Петрович,- кабан это такой зверь, с которым лучше не встречаться...

Во вторник рано утром Гаршин постучался к Павлу Ивановичу.

- Извини, Павел Иванович, меня срочно вызывают в центр на несколько дней. Так что придется тебе одному командовать...

Пауль долго стоял у окна и смотрел на отрываясь на дорогу, пока машина, на которой ехал Гаршин, не выбралась из ущелья.

В ближайшем колхозе Петр Петрович и Николай оставили машину и пешком отправились в четвертый квадрат. Петр Петрович был уверен, что если «Волк» будет уходить, то обязательно через

четвертый квадрат, где он прятал, по мнению большинства помощников Гаршина, свою радиоаппаратуру.

Возле реки Петр Петрович и Николай чуть не столкнулись с ребятами.

- Вот неугомонный народ,- недовольно прошептал Гаршин, прячась в траве.

Часа в четыре они уже были на самой вершине горы, откуда хорошо просматривалось все ущелье.

В пять часов Гаршин передал бинокль Николаю.

- Ну-ка, посмотри на тропу!

- Странно, куда это они так торопятся? - удивился Николай, увидев в бинокль коня, на котором сидели Рустам и Булат.- А как мальчишка с ними оказался. Мы же видели его утром у реки?

- Будем спускаться,- приказал Гаршин.

Николай позвал товарища, который дежурил тут третий день, и они бегом припустили вниз по склону, навстречу Рустаму.

В шесть часов Рустам, рабочие, ребята и главный геолог сидели в зарослях у реки и ждали сигнала от Гаршина.

В восемь часов Гаршин подал сигнал, и ребята, бегом выскочив из укрытия, замерли от неожиданности: перед ними стоял Павел Иванович, руки у него были связаны за спиной, а рядом, держа наготове пистолет, стоял хорошо знакомый Нариману рыжий шофер...

Прошло две недели. За это время дядя Коля поправился и вышел из больницы, к штольне проложили тракторную дорогу. В воскресенье в одиннадцать часов возле управления состоялся массовый митинг. Дядя Коля, правда, уже без бороды, Нариман, Роза, Гриша, Булат и Батыр стояли радостные и счастливые на трибуне.

Первым выступил Петр Петрович Гаршин. Он рассказал собравшимся, как обнаружили ребята штольню, спасли главного геолога и помогли захватить матерого врага. Потом он повернулся к виновникам торжества.

- Дорогие ребята, разрешите от имени всех горняков нашего рудника сказать вам большое отеческое спасибо!

Правление рудника постановило присвоить почетные звания «первых шахтеров» нашего рудника Розе Оспановой, Нариману

Музафарову, Булату Асанову, Григорию Герману и Батыру Омарову!

Угольную штольню, открытую ребятами, именовать отныне «Первой пионерской». Под гром аплодисментов начальник рудника вручил ребятам именные каски, фонари, сшитые по размеру сапоги и куртки, а дядя Рустам передал ребятам ценные подарки - новенькие, сверкающие никелем велосипеды.

Когда спускались с трибуны, Булат толкнул Розу локтем.

- А памятники нам поставят?

- Тебе обязательно!- ответила Роза

После митинга к Нариману подошел Петр Петрович и протянул ему самодельный конверт.

- А это тебе лично. От кого не знаю, мы нашли его в штольне...

Нариман ничего уже не слышал, он схватил конверт и бегом бросился домой. Следом, едва поспевая за ним, бежала Роза.

Нариман торопливо отпер двери, влетел в комнату и вскрыл конверт. Письмо было от отца и сверху в углу стояла дата: ноябрь 1943 года.

Не вытирая слез, смотрел Нариман на последние строки и не мог оторвать от них глаз.

«...прощай сынок. Мы никогда больше с тобой не увидимся. Уходя на задание, хочу быть уверен, что ты вырастешь честным, смелым, правдивым... обещай мне это...»

Неслышно подошла Роза, она обняла Наримана за плечи и чуть слышно прочитала последние строки: «...честными, смелыми... добрыми...».

32 к